

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

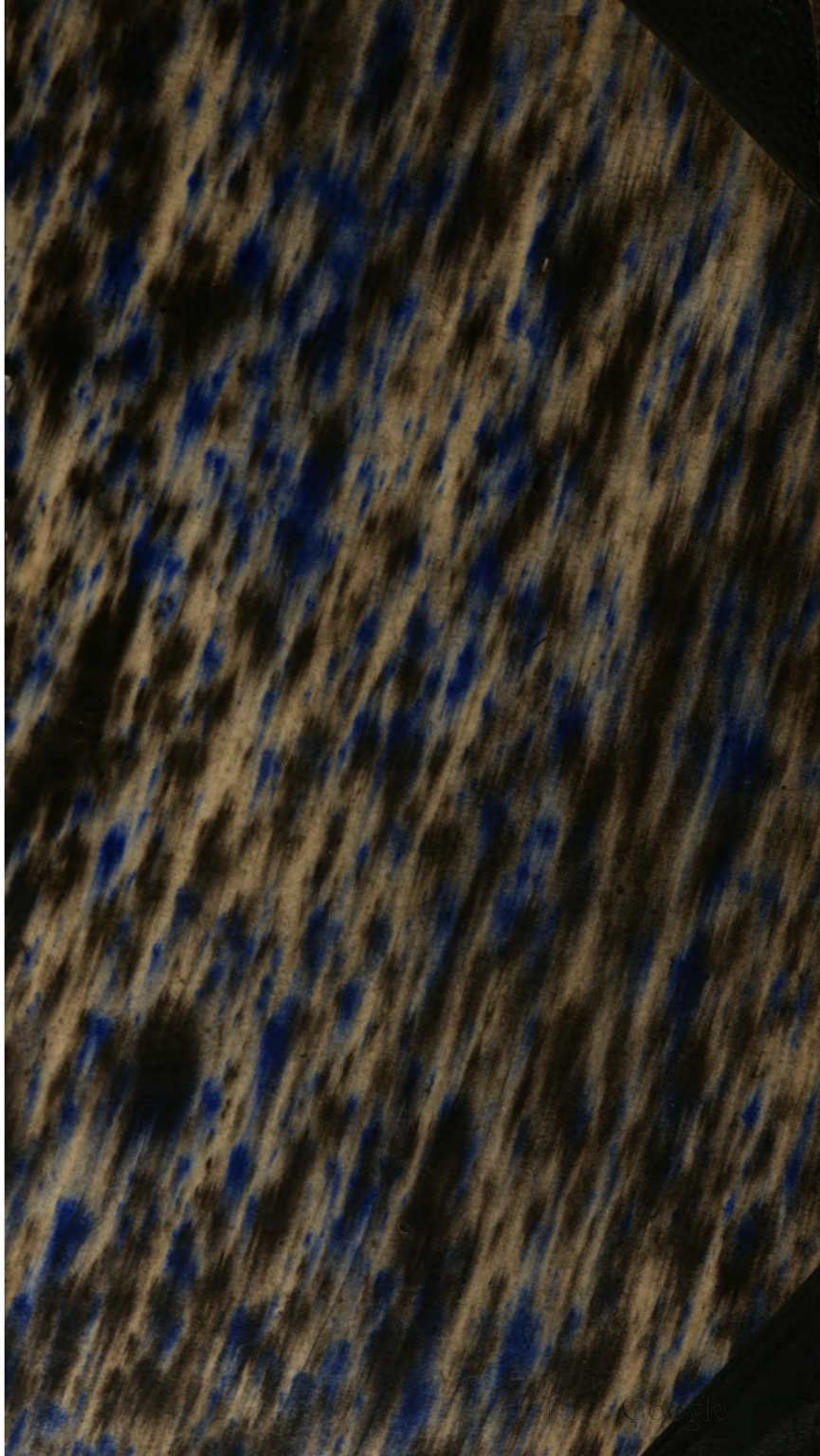
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Biogr. 3255 ^u (1)

22338/12

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ.

I.

МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЛОМОНОСОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Гусенофонта Полеваго.

*Съдѣланъ въ Москвѣ
въ Типографіи Императорской
Медицинской Академіи*

№ 696
Ш. 3 Томъ I.

1-2

МОСКВА.

**ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.**

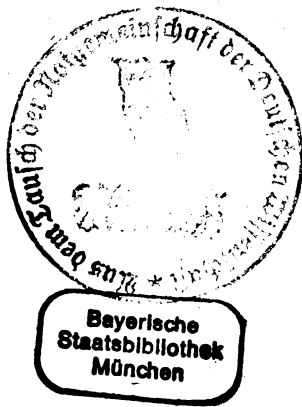
1836.

Съдѣланъ въ Москвѣ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ пѣмъ, чшобы по оппечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Мая 4 дня 1835 года.

Ценсоръ Лазаревъ.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ДОМОГОСОВЪ.

Глава I.

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники опмороживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ деревни распѣвашь свои жалобы на голодѣ. Замѣпливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму пшпцы на лешу падали мершвыя, и что ласпочки гусшыми клубками скрывались на самомъ днѣ рѣкѣ, гдѣ, видно, искали онѣ пріюща опѣ холода. А рѣки? О, рѣки задымились рано, и скоро полешая кора льду покрыла ихъ. Русскіе люди однакожъ не боялись этого: они какъ будто рады были своей обычной гощѣ, кошорая на полгода превращаетъ въ камень все окружающее ихъ. Русскій человекъ безъ зимы, точно какъ Ишальянецъ безъ огненнаго лѣша. Русскіе сѣверяне особенно любовались бѣлыми

равнинами и проложили по нимъ свои любимыя зимнія дороги. По эшому еспешвенному шоссе они дѣяшельно лепали въ легкихъ кибиткахъ, и шерпѣливо двигались длинными обозами.

Въ одну лунную ночь, когда утренняя заря уже боролась со свѣсомъ пошухавшаго спутника нашей спарой земли, обозъ съ рыбою шланулся версвахъ въ семидесяти ошъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ воевъ шель, припрыгивая и пошукивая руками, закушанный въ овчинный шулуъ и въ поярковый армякъ, обозный прикащикъ. Сдѣлавъ еще одно выразишельное аншра, онъ повернулся къ шедшему подлѣ него извощику, и промолвилъ :

Ну, брашъ Терѣха : жарко ! »

— Да, Пимень Никипичъ, благодаренье Богу : морозецъ !

« Кажись, ужъ и деревня на виду ? »

— Версты при оспалось еще, родимый.

« Видно, много нашего браша ѣдетъ эшою зимой; смошри сколько полозьевъ проѣхало послѣ вчерашняго снѣгу : разъ, два, при. . . Да, чшо эшо ? Аль кто изъ вашихъ оспалъ ? »

— А чшо ? кажись, кому бышь !

« Да, видишь, позади насъ : шакъ кшо-шорысю и улелѣшываешъ ! »

— Нѣтъ, родимый, наши всѣ тушь; не вѣдаю кто, а только не нашъ. Ванькѣ! А что, яго шаго, кшойтъ?

« Ай-ша? » закричалъ вопросительно другой мужикъ, шедшій подлѣ задняго воза. « А что-йтъ? »

— А вишь яго: кто-йша догоняйтъ? »

« А Хриспось его зная! »

Въ это время, по бѣгомъ, по шагомъ, приблизился къ самому обозу паренъ, лѣтъ семнадцати, прятный наружноспью, высокій, спройный, и полуокоченѣвшій опъ холода, поному что онъ былъ одѣтъ въ одинъ нагольный шулуъ, совсѣмъ не по дорожному. На головѣ его была вешая шапка; на ногахъ, сверхъ онучъ, надѣты копы; онъ былъ даже не опоясанъ. Поровнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и, какъ гусь въ чужомъ спадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратиться. Пименъ Никишичъ оглянулся раза два, но видя, что опъ этого любопытству его не легче, и что молодой человекъ не говоритъ ничего, ни съ кѣмъ, оспановился, и дождавшись шого воза, подлѣ кошораго шелъ новый спутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

« А что, брашъ, шобѣ надбно? » спросилъ онъ у молодаго человека.

— Мнѣ? ничего.

« Какъ ничего! Да куда ты идешь? »

— Коли ваша милосць позволишь, шакъ иду въ Москву. . . .

«Въ Москву? Да кшо пы шакоевъ? ошкуда.»

— Я Денисовскій крешьянинъ. Вы чай и башюшку моего знаете.

«Денисовскій крешьянинъ? Мы прешьяго дни изъ Денисовскаго. А какъ зовушь ошца швоего?»

— Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ какъ вы нагружали рыбу въ нашей деревнѣ, и съ башюшкой моимъ говорили.

«Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ-же пы идешь въ Москву? и какъ дойдешь шуда?»

— Ваша милосць! позволше мнѣ идши подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служишь дорогой, и въ Москвѣ гошовъ рабошашъ; шолько позволше идши съ вами!

«Да пы, брашъ, не ряхнулся-ли. Чшò шебѣ занадобносць въ Москву? Ошець, чшо-ли послалъ? Только эшому бышь не лзя. Говори правду: зачѣмъ пы идешь въ Москву?»

— Да.... шакъ.... мнѣ хочешся посмошрѣшь Москву....

«Э, э, брашъ! шакъ пы, видно, безъ ошцовскаго позволенія махнулъ! пы убѣжалъ ошъ ошца?»

— Сказашъ правду, шакъ убѣжалъ. . . . Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

« А кто тебя знаетъ! Безъ опцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходяшь. Вижу, брашъ, я, что ты малый шалунъ, забулдыга. Дѣлашь себя въ Москвѣ нечего — ешь шамъ много вашей брашья! Воропись-ка добромъ къ опцу, а не шо, я тебя шурну инымъ порядкомъ. »

— Ваша милоспъ!... не гоните меня! право, я заслужу вамъ!

« Пошелъ ты, негодяй, со своими услугами! Да что я за сумасшедшій, что возьму съ собой въ Москву бѣлаго мальчишку! Пошелъ! »

— Ахъ, Г. купецъ! право я не какой нибудь негодникъ!

Тушь грозный прикащикъ хошѣлъ поворопиль бѣднаго мальчика назадъ полчками, но замѣшивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ :

« А эшо что у тебя подъ мышкой? »

— Эшо.... да эшо я взялъ съ собой....

« Вижу, что ты эшо взялъ съ собой, а по просшю сказанъ укралъ!... Да говори: что у тебя въ узелкѣ? »

— Господинъ купецъ! Я не укралъ эшогр, пошому что эшо сполько-же мое, какъ моя голова. Только голову даетъ человекъ Богъ, а эшо мнѣ опдали добрыя люди.

« Ахъ, ты, краснобай деревенскій! Видно, у тебя голова-шо начинена шакъ-же какъ эшопъ

узель! Да чшò въ немъ? чья казна? или изъ опцовскаго сундучка мошня?»

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно было, что ихъ не морозъ выжалъ; горе спѣснило его дыханіе. Онъ оспановился и былъ шакъ изумленъ словами прикащика, что въ недоумѣннн глядѣлъ на него, и не говорилъ ни слова.

Казалось, эшо сдѣлало впечатлѣніе на допросчика, но, какъ человекъ опытный, Пимень Никишичъ скрылъ свою шайную мысль, и шакже оспановившнсь вскричалъ на парня:

«Ну? не правду-ли я говорилъ, что ты во-ришка? Чшò-же ты опоропѣлъ?»

— Не опоропѣлъ, а одурѣлъ опъ шво-ихъ словъ, Г. купецъ! Я воръ? Я укралъ деньги, казну? . . . Господи Боже мой! — Съ эшими словами онъ зарыдалъ, и бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

«На, посмотри что я несу, и Богъ съ шобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣшѣ: дойду и безъ шебя до Москвы.

Желая вполне выдержашъ роль человека оспо-рожнаго, Пимень Никишичъ поднялъ узелокъ, и развернувъ его пробормошалъ съ удивле-ніемъ:

« Чтò это? книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву пакую дрянъ? Тамъ, брашъ, не дадутъ гроша за это. »

— Да я и не возьму за нихъ пшсчши рублей! Эши книги мнѣ дороже всего швоего обоза.... Тебѣ чудно это, Г. купецъ? Видно, что милы онѣ мнѣ, когда я для нихъ-шо оспавилъ ошца и родимую спорону!...

« Чудно! » сказалъ Пименъ Никишитъ. « Ну, пойдешъ до первой упряжки, а шамъ увидимъ. »

Хошя вся эша схвашка прикащика съ незнакомымъ юношею кончилась въ немного минушъ, однакошъ возы, передразнивая своимъ движеньемъ время, ушли довольно далеко впередъ. Прикащикъ пошелъ за ними скорымъ шагомъ въ догонку, а молодой человекъ спалъ заверпывашъ въ узелокъ свои книги, и невольно ошспалъ ошъ него. Вскорѣ однакошъ они опашъ поровнялись. Нѣсколько минушъ длилось молчанье; наконецъ прикащикъ заговорилъ снова:

« Теперъ вижу я, что ты не шаковъ, какъ думалъ я сначала; но я все-таки не догадаюсь: зачѣмъ ты идешъ въ Москву? »

Въ глазахъ юноши спало свѣшшло, хошъ и не весело.

— Не знаю и самъ — ошвѣчалъ онъ — чтò со мной спанешся въ Москвѣ; но мнѣ пошно спало жишъ въ нашей не людной споронѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорипъ, какъ-бы мнѣ хошѣлось,

и не у кого спросишь, о чемъ-бы подумалось. По этимъ книгамъ, кошорыя видѣла ваша милосшь, выучился я грамошѣ, да Ариемешикѣ; хочепся знашь еще больше, а опъ кого и какъ узнаешь? Вопъ я и рѣшился идиши въ Москву: шамъ, говорашъ, много людей ученыхъ, и еспъ училища, для всякаго кшо вздумаешъ учишься. Заговариваль я объ эпомъ опцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнушь чего я хочу, и еще началъ поносишь книги и книгочюевъ. Я рѣшился убѣжашъ, когда увидѣлъ чпо съ нимъ не сговоришь. Хочу въ Москвѣ учишься.

« Я, дружекъ, самъ человекъ, не хвасповски сказапъ, грамошный, » опвѣчалъ Пимень Никипичъ. « Спросилъ-бы пы у меня, шакъ я-бы шебѣ далъ шолкъ. Ну, да ужъ шеперь поздно: видно, шакова швоя часшь. Все Богъ!»

— Богъ меня и не опшавишь! — примолвилъ юноша съ робкою довѣренностью. — Позвольше-же спросишь вашу милосшь: гдѣ вы обучались?

« Какъ гдѣ?... у людей... у духовныхъ. Гдѣ-же еще нашему брапу учишься. Да вѣдь и въ вашемъ селѣ еспъ дѣячекъ; чпо-же пы не училися у него?

— Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамошы ничего не знаешъ.

« А чпо-же еще шебѣ надобно? Развѣ пы въ

попы хочешь? или хочешь чипать на Нѣмецкихъ языкахъ?

— Да, мнѣ-бы хопѣлось эшого.

«О, о, дружнице! шакъ вошь какой пы гусь!... Взяль-бы себя, да опваляль хорошенько лозами, шакъ дурь-шо изъ головы и вышла-бы. Въ Нѣмецкіе языки пускашь!...»

Послѣ такога объясненія, у молодого человека оппала охоша разговаривать съ ученымъ его спутникомъ. Мальчикъ зналъ по опыту, до чего доводяшь съ подобными грамошьями разговоры объ ученѣ. Однакожь спутникъ вызвалъ его на опвѣшъ, воскликнувъ:

«Вѣдь заберется-же въ голову шакая блажь, проси меня Господи! Мужикъ, охреанъ, задумалъ въ ученые!...»

— Я думаю, Г. купецъ — опвѣчалъ юноша — что ученымъ никшо не родится; а кшо учишься, да хорошо, шакъ попъ и будешь ученый.

«Да себѣ-шо что до ученя? На шо есть дворянскія дѣпки, да поповичи. Однимъ надо бышь грамошнымъ, чшобы чипашъ приказныя бумаги, да шолковашъ Государскіе законы, а другимъ чшобы говоришь проповѣди; да знашь что поюпъ и чипаюпъ. А себѣ на что шакая ученость?»

— Да я не шаккой учености хочу.... — Молодой человекъ не зналъ какъ выразишь свою

мысль, хотя очень понималъ о чемъ говоришь. Онъ по неволѣ оспановился на не конченной рѣчи.

«Ну, что? по-по, брашъ! зналъ-бы ты опцовскій неводъ, да счешъ въ рыбъ! А деньгу-по сосчишашъ можно и безъ Московскаго ученья.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня. Тотъ молчалъ и шѣмъ больше заспавлялъ своего сопутника вѣришь, что въ словахъ его заключалась вся премудрость опышности.

Въ это время одинъ изъ воевъ закапился въ глубокой ухабъ: лошадь запаразилась съ нимъ, и вся эта неспройная громада съ прескомъ оспановилась.

— Та-ша, ай-ша! — закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ споронъ. — Э-а-ша, Терехъ! Ванькъ!

Всѣ бросились подымашь лошадь и выпаскивать возъ.

Пимень Никишичъ, какъ человекъ, который хочешъ доказать свою философію на дѣлѣ, бросился, впрочемъ безъ всякой нужды, помогашъ другимъ, и шумъ-же, крихши и крича, перся около воза. Онъ думалъ найдти въ этомъ доказательство, какъ должно сохраняшь возы и забоишься о рыбъ, и практически пояснишь молодому безумцу, въ чемъ заключаешся му-

дросшь жизни. Когда порядокъ былъ воспановленъ и возы пошли впередъ, онъ обернулся къ юношѣ, шакже помогавшему другимъ во время сумашохи, и опсраживая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ :

— Вошь, брашъ! не пойдешъ на умъ ученосшь. А ?

« Да, правда! » опвѣчалъ шошь.

Безъ дальнѣйшихъ событій пріѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчїе зашумѣло, когда извощики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за сшоль и начали работашъ за горячими щами. Новый сопупникъ ихъ, удалившись въ уголь, и вынувъ изъ кармана кусокъ самага не роскошнаго хлѣба, хопѣлъ имъ пообѣдашь. Добрая Русь не вытерпѣла эшого. Одинъ изъ мужиковъ, копораго лицо уже горѣло какъ на огнѣ, опъ множесшва проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ :

« А чшо-жь ты, родимый, не поѣшь съ нами? Садись-ко благословясь! »

Молодой человекъ раздумывалъ.

« Садись, голубчикъ, садись! Опъ хлѣба-соли не опнѣкиваюшся, » примолвилъ Пименъ Никишичь.

Дѣло сладилось. Робкїй юноша присоединился къ другимъ, и не опспалъ опъ нихъ.

« Ну, вошь, оно-шко и повеселѣе! » сказалъ

одинъ изъ извозчиковъ, помолясь Богу и раскланываясь со всѣми спѣнами.

— Да, вошь, ребяпа! — началъ Пимень Никишичь. — Малый идепъ въ Москву, Хриспось его знаешъ зачѣмъ, а ѣспъ у него нечего. Возьмемъ, что-ли, его?»

«Почшо нѣшъ!» отвѣчалъ одинъ извозчикъ.

— Въспимо! пускай себѣ идепъ! — примолвилъ другой..

«Да я одинъ плашипъ за него не буду!» поспѣшилъ сказапъ Пимень Никишичь.

— Ну, съ-обчѣ заплашимъ! — проговорилъ еще одинъ извозчикъ.

«Съ орпели заплашимъ!» примолвилъ другой. «Пожалуй, шы хопъ и не плаши.»

— Нѣшъ, и я съ вами! — сказалъ прикащикъ.
— Ну, вошь... какъ шебя зовушъ, пріятель?...
— продолжалъ онъ.

«Михайломъ!» отвѣчалъ юноша.

— Ну, вошь, Михайло, шеперь пожалуй иди съ нами. Только уговоръ лучше денегъ: въ Москвѣ, брашъ, все дорого; шамъ ищи себѣ хлѣба гдѣ хочешъ. Мы шамъ за шебя не плашелящики.»

Михайло благодарилъ своихъ сопушниковъ, какъ умѣлъ... за благодѣяніе! Надобно знапъ, что деревенскій обѣдъ на десяперыхъ стоилъ шогда нѣсколькo копѣекъ; слѣдовапельно Михайло Ломоносовъ не могъ споиппъ сопушни-

камъ своимъ до Москвы болѣе немногихъ копѣекъ. Но, какъ важно было это въ его положеніи! Онъ, беззащитный, безпріютный бѣглець ошеческаго дома, уже два дни не зналъ, до эшой минушы, чѣмъ будешь утоляшь свой голодь. До Москвы надобно было идиши мѣсяць! Денегъ не было у него ни сколько. Кусокъ хлѣба, взяпный имъ изъ дому, и возбудившій въ его сопушникахъ сосшраданіе, былъ у него единспвеннымъ запасомъ. А шеперь! какъ ободрился онъ! Какія надежды и мечши заиграли въ его пламенной головѣ. Онъ воображалъ Москву раемъ, а людей, живущихъ въ ней, какими-шо ангелами, кошорые принушь его съ распросшерпыми объяшніями, поглядяпъ по головкѣ за любовь къ ученью, или по крайней мѣрѣ не спанушь преслѣдовапъ, какъ грубые Архангельскіе земляки.

Однообразное пушешеспвіе нашихъ спраншвовашелей не предспавляло больше ничего замѣчашельнаго. Иногда, правда, падали возы, сбивались съ ногъ лошади, а провожапше ихъ часшо опшмороживали себѣ шо щеки, шо носы, однако все это было въ томъ порядкѣ вещей, кошорый и нынѣ, черезъ спо лѣпъ, повшоряешся безпреспанно въ сѣверныхъ споронахъ. Обозные вхали, шумѣли, ушпавали, пили, ѣли, пакъ-же какъ и нынѣ дѣлаюпъ все это другіе люди. Бѣглець-юноша раздѣлялъ ихъ шруды, за-

боны, и успѣлъ заслужить пріязнь почти всѣхъ своихъ поварищей. Время шло какъ по сказанному, по писаному; день наспавалъ и оканчивался. На послѣдокъ, въ одно утро, солнце освѣтило для глазъ Михайлы Ломоносова златые верхи Московскихъ церквей.

Есть что-то чрезвычайно живое въ помѣ чувствѣ, которое волнуешь душу пришельца изъ дальней Руси, при первомъ взглядѣ его на Москву. Въ дальнихъ городахъ и селахъ, Москву почишають какимъ-то палладіумомъ, средопочіемъ всего хорошаго, умнаго и великаго. У всякаго свой взглядъ: просполодинъ воображаетъ Москву чужь-ли не изъ золоша сдѣланымъ городомъ; челоувѣкъ, немного повыше просполодина, представляетъ себѣ ее вмѣспилицемъ всѣхъ чудесъ образованности, мѣспомъ забавъ и радостей; образованный юноша думаетъ о ней, какъ о шакомъ городѣ, гдѣ можеть онъ увидѣть и узнать все просвѣщеніе, всю славу своего отечества. И всѣ единодушно зовуть и почишають Москву матерью священной Руси! Это нераздѣльно съ сердцемъ каждаго наспоющаго Рускаго.

Чшò чувствоваль Ломоносовъ при взглядѣ на шощъ городъ, куда шакъ долго и шакъ неперпѣливо лешали его мысли? Какъ билось его сердце, когда наконецъ онъ увидѣлъ шу желанную цѣль, къ копорой бѣжалъ черезъ снѣга, въ

нагольномъ овчинномъ шулупѣ , неся съ собой, вмѣсто всѣхъ средствъ, одинъ богатый запасъ шербѣня и волю сильной души? Можно обьяснить чувства людей обыкновенныхъ , когда они находяща въ подобныхъ положеніяхъ , но не этого сына рыбака.

Глава II.

Зимнее солнце, эпошь рѣдкій госпъ нашего неба въ печеніе полугода, эпошь праздникъ нашей морозной атмосферы, выкапилось на горизонтъ, роскошно и величественно, равно свѣшло и привѣшливо для богатаго Князя и для безпріюшнаго, бездомнаго спранника; но не для всѣхъ, о, не для всѣхъ одинаково радостны свѣшлме лучи его!

Архангельскіе пріѣзжіе нѣсколькими часами предупредили появленіе солнца. Въ день своего пріѣзда они успѣли свалишь въ лавки поль-обоза рыбы, или *товару*, какъ всякій называетъ шо, что продаетъ онъ. Мѣсто подвиговъ ихъ въ Москвѣ было шамъ, гдѣ и теперь продають свѣжую рыбу, подлѣ Москвы рѣки, вблизи церкви Василя Блаженнаго и Спасскихъ воротъ Кремля. Въ продолженіе перваго дня, Михайло оспавался караулишь возы, между шѣмъ какъ дорожные сопушники его занимались складкою рыбы съ другихъ возовъ. Въ

послѣдній разъ, и какъ-бы въ вознагражденіе за карауль, пригласили его поужинашь въ харчевнѣ; послѣ этого, позволили ему переночевать въ однѣхъ саняхъ, гдѣ уже не было рымъ. Успалось дала сонъ юному шѣлу, но не воображенію, не сердцу Михайлу. Рано, очень рано проснулся онъ, и, закушанный въ свой шулуць, лежа въ саняхъ началъ размышлять о самомъ себѣ.

Положеніе его было спрашно. Безъ крова, безъ пріюта, безъ копѣйки денегъ, на чужой споронѣ, куда приклонишь ему горячую свою голову? Гдѣ искашь шого пущи, на кошорый влекло его шемное чувшво, для кошорого ошавилъ онъ ошца, и, какъ бѣглець, пришелся въ Москву? И какой эшо пущь? Гдѣ великодушные люди, кошорые примушь, приголубяшь пришельца и уполяшь его жажду науки. Таковы всегда бываюшь позднія сознанія наши! . . . Бѣжимъ за призракомъ, думаемъ схватишь его рукой.... вошь онъ, кажешся, передъ глазами.... Какъ свѣшель, привѣшливъ, увлекашелець! кака-кая улыбка на устахъ его. . . . Опомнись, неопытный юноша! Правда, шы ушелъ впередъ; но призракъ исчезнешъ, и шы ошпанешся въ пущынѣ, далеко отъ крова ошеческаго. Ты.... знаешъ-ли? шолько удалился онъ прежняго; шы еще далекъ отъ цѣли: шы на распушіи. О, какъ шягосшны эши распушіи! Какъ не выно-

сими эти числища нашего духа! Тогда человек, не зная куда приведешь его жребий, подобен слѣпцу, брошенному жестокосерднмъ вожапаемъ въ незнакомомъ лѣсу; тогда онъ чувспвуетъ всю слабость своихъ одинокихъ силъ (потому что человекъ только въ обществѣ бываетъ могучъ не звѣриною силою); тогда онъ вынужденъ жалѣть о прошедшемъ.

Въ такомъ положеніи былъ Михайло Ломоносовъ. Онъ зналъ, что въ наступающій день ему надобно разсѣяться съ Пименомъ Никишичемъ: эшошь знапокъ свѣща напередъ велѣлъ ему не надѣяться въ Москвѣ на его помощь. Михайло былъ изумленъ великолѣпіемъ и шумомъ окружавшей его Москвы, и со спрахомъ думалъ, въ кошорыя изъ богатыхъ палатъ поспучишся онъ просить себѣ хлѣба и крова? потому что о наукѣ онъ уже не смѣлъ и думать: прежде всего надобно было не умереть голодною смершію. Люди, кошорыхъ въ опдаленіи кочипалъ онъ шоль радушными ко всему доброму, и шоль привѣшливыми къ нему самому; шеперь предспавлялись ему жестокими, холодными, спрашными! Угрюмая шѣнь ночи умножала его грушь и тоску. Сердце, долго спрадавшее, и долгимъ шомленіемъ пригошовленное къ скорби, не выдержало болѣе: Михайло, въ горести, вскочилъ съ своего холоднаго ложа, спалъ на холѣни и зарыдалъ!... Нѣсколько минушь дли-

лось это пугосное для него сосояніе души; но вдругъ, среди сумрака приближающагося дня, онъ разглядѣлъ передъ собою огромную Спасскую башню, и лампаду, уже сполѣнія шеплящуюся передъ образомъ Спасителя, Ошца всѣхъ людей. Благоговѣнный препенъ пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ; онъ почувствовалъ себя какъ-бы воскреснувшимъ. Не перемѣняя положенія, стоя на колѣняхъ въ санахъ, онъ съ теплою мольбою обратился къ образу Спасителя, и горячія, ушѣшительныя слезы смѣнили его слезы горести.... Елей ушѣшенія кануль на чистую душу, и распроганный юноша кончилъ свою молитву съ надеждою, почи съ весельемъ въ сердцѣ.

Между тѣмъ зашевелились его поварищи, и ночной лай собакъ заглушился шумомъ и движеніемъ пробудившейся Москвы. Пименъ Никишичь двинуль ошашокъ своего обоза къ рыбнымъ лавкамъ, и первое домовище Ломоносова близъ Спасскихъ ворошъ не оставило послѣ себя никакого слѣда. Это ошашъ навело поску на сердце юноши, и въ шакомъ-то расположеніи, въ раздумьѣ, въ грусти, хошя и смягченной вѣрою въ Провидѣніе, встрѣшилъ онъ зимнее восходящее солнце, и вшорья сущки своего жишья въ Москвѣ.

Весь эшощъ день провелъ онъ вмѣстѣ съ рыбаками, пособляя имъ складывашъ рыбу, поды-

мая сани, опшводя лошадей. Великъ-ли и весь день Русской зимы? Когда на Спасской башнѣ ударило пять часовъ, уже было темно. Движеніе въ лавкахъ начинало уменьшаться, и Пименъ Никишичъ спѣшилъ на посшоямый дворъ, сначала углубиться въ рязчеши о сданной рыбѣ, о барышѣ, о деньгахъ за провозъ, и попомъ опдохнуть. На прощанъѣ, перекликаясь съ лавочниками и съ извощиками, онъ замѣшилъ подлѣ себя Михайлу.

— Ну? что-же, ты куда? — спросилъ онъ его. Пока собирався опвѣчать ему спрошенный, онъ прибавилъ съ необыкновеннымъ для него добросердечіемъ: — Пойдемъ-ка, братъ, со мной. Вѣдь я знаю, что тебѣ нѣкуда приклонить голову, шакъ ужъ я покамѣшшъ *ублаготворю* тебя.

Едва втрилъ ушамъ своимъ изумленный Михайло, и безъ всякихъ дальнихъ соображеній пошелъ за Пименомъ Никишичемъ. Ему конечно не могло придши въ голову, что эшопъ гордившійся передъ нимъ знаніями человекъ, эшопъ опытный философъ, замѣшилъ въ сынѣ рыбака большую способносшь къ *счету* и знаніе въ грамотѣ, по ешь, въ продолженіе дороги онъ видѣлъ нѣсколько разъ, какъ легко разрѣшалъ шопъ задачи о плашежѣ за овесъ и ѣду, и какъ бойко прочишывалъ изъясненія лубочныхъ каршинокъ, кошорыми украшались спѣсны

въ крестьянскихъ избахъ. Вспревоженный огромношью своихъ расчетовъ, Пименъ Никишичъ шѣмъ охотнѣе рѣшился взять съ собою Ломоносова, что воспользовавшись его способностями, онъ еще могъ придашь этому и видъ благодѣянія. Такимъ образомъ, это былъ первый человѣкъ, невольно оцѣнившій способности гения, которому дивился попомство.

Весь вечеръ прошелъ въ умственныхъ занятіяхъ Пимена Никишича. Крупными каплями потѣлъ онъ и терялся въ помъ, что Михайло соображалъ въ нѣсколько минушъ и долго располковывалъ ему. Наконецъ, когда разрѣшены были всѣ затрудненія и объяснены всѣ вопросы о количествѣ сданнаго повару, о суммѣ за провозъ, о дорожныхъ издержкахъ, о числѣ роговъ и цѣненокъ, Пименъ Никишичъ былъ шакъ доволенъ, что пригласилъ Михайлу ужинашъ съ собой.

— Вошъ, и уголь ешъ у тебя! — сказала онъ сидя за споломъ и прихлебывая капусту. — Только, брашъ, я вѣдь здѣсь не надолго. Не вѣдаю, какъ ты приспособишься. Даромъ кормишь никто не будетъ. Право, лучше тебѣ оставишь свои зашѣи, да приняшься-бы, напримѣръ, за коммерцію. Слава тебѣ Господи! Иной спишъ да видишъ. Это, ей Богу, шакъ! А по какую тебѣ шурису учишъ? Да и на что? Правда, что ученье свѣшъ, неученье шма; да, вѣдь,

хорошо, брашъ, учишься шому, у кого есть чпо жевашъ. Ну, а шебъ-ли за другими? Туть и я пособишь не могу. А порекомендовашь хорошему человѣку — почшо нѣшь! Гошовъ. Да, вошь, хошь-бы Сидору Пафнушьичу, кому поваръ-шо мы сдавали: у него дѣла большія, человѣкъ онъ хорошій, и шолько будъ самъ хорошъ, шакъ у него-бы лебѣ жипье-шо было завидное. А мое слово онъ уважипъ.

Эшо нравственное увѣщаніе запиль онъ большою кружкою квасу, и продолжалъ:

— Право, брашъ, лучше будешъ. Вспомнишь мое слово, да ужъ поздно будешъ. Мое дѣло спорона; сышый голоднаго не разумѣешъ, говорипъ пословица; да, видно, пы не вѣришь ей.

«То-шо, Пимень Никипичъ, чшо я пришелъ въ Москву насыщашъ не чрево, а голову.»

— А знаешъ-ли пы — возгласилъ съ шоржеспвомъ самозванный мудрецъ, опривши въ памяши своей присказку, когда-шо слышанную имъ опъ какого-шо книгочя — знаешъ-ли пы, чшо когда руки и прочіе шѣлесные члены не захопѣли повиновашься чреву, шо вмѣспѣ-же съ нимъ и погибли?

«Нѣшь, эшо было какъ нибудъ да не шакъ — возразилъ Михайло.» Голова всему голова; а мнѣ моя велишь думашъ не объ одномъ насущномъ хлѣбѣ: она сама пребуешъ пици.

— Ну, шакъ шебѣ и книги въ руки! — ошвѣчалъ нѣсколько оскорбленный Пименъ Никишичъ. — Пропадай съ голоду, коли не хочешь слушашъ добрыхъ совѣшовъ.

«Я никогда не забуду вашего добра ко мнѣ,» сказалъ юноша. «Я не смѣю думать, что когда нибудь приведетъ Богъ меня расплашишься съ вами; но, право, на эшомъ разѣ не могу послушашъ вашего совѣна.

— Да на кого-же ты надвѣшься?

«Во-первыхъ: на Бога! Онъ не оставишь меня. А пошомъ, я гошовъ пасшъ въ ноги нашей Царицѣ, и молишь Ее о заспуленіи.

— А я ошашъ скажу шебѣ пословицу (вѣдь ихъ сочиняли мудрые люди): до Бога высоко, а до Царя далеко. Царица живешъ въ Пишерѣ, шакъ вѣдь не снова шебѣ идши съ обозомъ шуда. Успѣешь и здѣсь умерешъ съ голоду.

Послѣдній аргуменшъ Пимена Никишича зашпавиль Михайлу задумашся. Онъ, какъ дшша, уличенное въ шалосши, защищался онъ ошпшности своего прошивника, и на возраженіе его не съумѣлъ ошвѣчашъ. Онъ вѣрилъ одному внушреннему чувшшву своему, но вѣрилъ крѣпко и былъ убѣжденъ, что онъ послушаетъ шакъ, какъ должно было ему послушашъ. Подобно Колумбу, онъ гошовъ былъ споришь съ цѣлымъ міромъ современниковъ своихъ, что шамъ, за

океаномъ препятшвій, ешь, непремѣнно, спра-на свѣша, къ которой стремишь душа его; но онъ не могъ указать имъ на эшу спрану, не могъ дашь имъ осязанъ ея свѣша. Полувоздушна носилась передъ нимъ надежда, вѣрная сопушница челоуѣка во всѣхъ невѣрныхъ обспояшельспвахъ, но и сущеспвенность угнепала его своею свинцовою тяжеспью. Онъ не согласился съ Пименомъ Никипичемъ, но и не вѣрно опводилъ удары его логики, передъ судомъ самосознанія.

Помолились Богу, и Ломоносовъ легъ спашъ въ самомъ груспномъ расположеніи: въ недо-вольспвѣ самимъ собой. Чшобы опровергнушь всѣ возраженія, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ гошовъ еще совершипъ шакой-же пушь, какой уже оспавилъ за собою. Но идиши шакъ далеко не случилосъ ему.

Слѣдующій день провелъ онъ на поспояломъ дворѣ, думая о своей будущности, и не при-думывая ничего. Да, впрочемъ, и можесп-ли семнадцатилѣтній мальчикъ, не знающій ни людей, ни свѣша, имѣшь опредѣленные, вѣрные намѣренія о будущемъ? Можесп-ли онъ упрощъ сказашь о шомъ, что свершипся съ нимъ вече-ромъ, когда почи каждый челоуѣкъ силенъ имѣшь вліяніе на судьбу его? Ломоносовъ ду-малъ, собспвенно не думая ничего, пошому что онъ крѣпко вѣрилъ Провидѣнію и былъ

твердо убѣжденъ въ правотѣ своихъ поступковъ; онъ ожидалъ чего-то; ожидалъ чуда, или ангела-спасителя въ видѣ человѣка. Эта вѣра въ лучшую будущность, эта увѣренность въ собственныхъ силахъ, не смотря ни на что окружающее, бывающъ исключительною принадлежностью души чистой и воли неуклонной, неуспрашимой, первой принадлежности всѣхъ необыкновенныхъ людей. Исполнители подвиговъ великихъ, они или вѣрно провидящъ будущее, повинувшъ гаданію души своей, или, жертвы своей увѣренности, погибающъ на пути не конченномъ, но не ослабѣвающъ въ цѣль нравственной силъ, которая самой гибели ихъ даетъ знаменіе величія.

На веселѣ, въ разгулѣ возвращаясь Пименъ Никишичъ домой, уже вечеромъ. Онъ привелъ съ собой госпя, какого-то господскаго прикащика, и привелъ его сколько по дѣламъ, кошормы у нихъ были, сколько-же и для того, что бы весело заключить день, по естѣ, по Русскому обычаю, попить съ нимъ хорошенько, на свободѣ.

Впрочемъ, госпъ былъ совсѣмъ не похожъ на Пимена Никишича. Высокій ростомъ, дородный, свѣжій мужчина среднихъ лѣтъ, одѣтый не богато, но хорошо, онъ во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ рѣчахъ своихъ показывалъ какую-то чинность, какое-то приличіе и спесивство,

можешъ бытъ переняшы имъ опть господь своихъ.

Поговоривъ о дѣлахъ, собесѣдники незамѣпно обратились къ предметамъ постороннимъ. Михайло былъ нунъ-же и слушалъ ихъ. По временамъ онъ прислуживалъ Пимену Никипичу, принося желаемое угощеніе, по естѣ пиво и медъ.

— А что, благодѣшель — спросилъ гоеспъ, въ то время когда Михайло вышелъ за чѣмъ-то изъ комнашы — эштошь молодець прѣхалъ съ побой?

«Да!» отвѣчалъ Пименъ Никипичъ. «Нашель его на дорогѣ: спало жаль бѣдняка, и я шворю ему добродѣшель.»

— Чшо-же? ты взялъ его въ услугу себѣ? Одолженіе-шо средней руки.

«Какое въ услугу: кормлю и пою, бапюшка, Пешръ Калистраповичъ; а за что и самъ не знаю. Гоповаго поѣшъ да цопить я могъ-бы и безъ его помощи. Ну, да о добромъ дѣлѣ жалѣшь я не люблю.»

Тунъ онъ пересказалъ въ нѣсколькихъ словахъ встрѣчу свою съ Ломоносовымъ, и заключилъ рассказъ слѣдующимъ нравоученіемъ: «Видно, было написано ему на роду сдѣлаться бродягой; видно, родилели не умолили Бога. Всѣ мы люди грѣшны!»

— Правда — ошвѣчалъ Пётръ Калистраповичъ — шолько эпомъ малый не похожъ на негодяя. Мы, брагъ, всё на эпомъ свѣтъ бродяги, пока не придемъ къ шихому пристанищу. Помогашъ нищимъ и прожежимъ нашъ долгъ; онъ прохожій: не ницїй; пусть себѣ идетъ своей дорогой; долгъ всякаго помочь ему и наущствовать хлѣбомъ-солью и добрымъ словомъ.

«Да какъ-же ему безъ опцовскаго благословенія? . . .»

— Оно такъ, но я сужу еще и вопъ какъ: если-бы онъ безъ опцовскаго благословенія пушился на поклоненіе угодникамъ Московскимъ; не хорошо что пошелъ безъ воли родительской, но благо что идетъ на доброе дѣло. Вѣдь и уйдши для науки, не то что на худое дѣло уйдши. Да и намъ-ли судишь о томъ, что уже сдѣлано? Нашъ долгъ помочь ему. Не въ худомъ дѣлѣ заспаю его, и гошовъ пособишь добрымъ совѣтомъ. Знаешь-ли что? Мнѣ еще сдается, что я видалъ его когда-то. По-разговорюсь-ко я съ нимъ.

«Чудодѣй шы, Пётръ Калистраповичъ!» сказалъ Пименъ Никишичъ, улыбаясь и качая головою.» Охоша тебѣ занимаешься эшимъ пусто-звономъ! Доканчивай-ко лучше свою кружку.

Михайло возвратился, и Пётръ Калистраповичъ обрашилъ къ нему рѣчь.

— Слышу, брагъ, я, что ты прїѣзжій изъ Архангельска; памъ я не бывалъ, но мнѣ сдаешся, что я видѣлъ тебя гдѣ-шо. Въ первый разъ въ Москвѣ?

Ломоносовъ смутился нѣсколько опъ этой рѣчи. Ему пришло въ голову: не опяшь-ли хопяшь подозрѣвашь его въ чемъ нибудь? не опяшь-ли хопяшь видѣшь въ немъ самозванца? Онъ вспомнилъ о нападеніи Пимена Никипича, и, вооружившись всѣмъ своимъ мужесшвомъ, сказалъ голосомъ швердымъ:

— Въ Москвѣ я въ первый разъ; вашей милошпи не видывалъ никогда; но васъ знаю по лицу, попому что лицо ваше не закрываешъ вашей доброй души. Всѣ добрые люди не шолько мнѣ знакомы, но и съ родни: на нихъ-шо я и надѣюсь, за нихъ-шо и буду прежде всѣхъ молишься Богу.

« Не много-же, Михайло, найдешся у тебя родныхъ! — перебилъ его Пименъ Никипичъ, кошорый любилъ щегольнушь словцомъ.

— По крайношпи я съ родни ему! — възразилъ Пешръ Калиспраповичъ. — Ты, Михайло, сказалъ шо, что я думалъ; шолько сказалъ шы покрасивѣе нежели мерещилось это въ моей башкѣ. Ты сказалъ правду, и я, какъ родню, беру себя къ себѣ. . . . коли позволишь Пименъ Никипичъ.

— Сбылась пословица! — примолвилъ пошъ съ коварною улыбкою: — «Ома въ Москву пришелъ, да скоро и родню нашель!» Онъ былъ восхищенъ своею новою оспрошою. Однакожь, дивись спранности прошиворѣчій въ человѣкѣ! . . . Ему было досадно, что Пепръ Калиспраповичъ шакъ великодушно, и шакъ скоро, слѣдспвенно два раза великодушно, вызвался дашь пріюшь Михайлѣ. Онъ не понималъ эшого пошупка, однако въ сердцѣ его было какое-то не зрячее чувшво, что эшо дѣло доброе, слѣдспвенно похвальное, а всякія похвалы желалъ-бы онъ привлекашь на самого себя. Онъ понялъ шакже, какъ не умѣспно было при эшомъ бѣдное его оспроуміе, и принявъ на себя важную осанку, прошяжно сказалъ :

« Пепръ Калиспраповичъ! Мѣшашъ доброму намѣренью не буду. Только вспомни, что шы самъ человѣкъ, шакъ сказашъ, подчиненный: живешь въ барскомъ дѣмѣ, и хощь на почѣшѣ, и хощь у добраго господина, однакожь все-шакъ не въ своемъ углу. Вѣдь и я подумывалъ, какъ-бы помочь Михайлѣ, пошому что, право, жаль малаго: пропадешъ за даромъ; ну, да чпѣ я могу сдѣлать? Вѣдь и я занимаюсь, хощь-бы коммерціею, по-же по чужой милѣспи, чужимъ добромъ, и самъ гляжу въ глаза другимъ. Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаюшь, какъ говорить. . . .

— Я въ дѣлѣ, я и въ ошвѣщѣ, Пименъ Никишичъ! — перервалъ его госпъ. — Чтò цушь полковапъ! Конечно, я не на банкепъ приглашаю Михайлу: дамъ ему уголь да кусокъ хлѣба; вошь все чтò могу сдѣлашь. А вѣдь пы говоришь, что и этого не можешь. Да оно пакъ и еспь: пы человекъ прѣвзжій. . . .

« Ну, самъ пы знаешь! — прибавилъ одобрипельнымъ голосомъ Пименъ Никишичъ! — Я опъ добраго дѣла не прочь, да. . . .

— Спало бышь, коли Михайлѣ въ угоду, пакъ я и милоспи прошу его къ себѣ! — сказалъ Пепръ Калиспрашовичъ. — Покуда, брапъ, поживешь въ нашей дворнѣ, а шамъ подумаемъ.

Глубокимъ поклономъ ошблагодарилъ Михайло за добрый вызовъ Пепра Калиспрашовича. Онъ не зналъ чтò такое значила дворня Русскаго барина! По крайней мѣрѣ онъ могъ бышь увѣренъ, что существованіе его обезпечено на сколько нибудь времени. Въ несвязныхъ словахъ выразилъ онъ признапельность свою за *благодѣяніе*, о кошоромъ не имѣлъ ни какого понятія. Бѣдный мальчикъ! Подобно щепкѣ среди буншующихъ волнь, онъ былъ среди океана людскихъ спрасшей и опношеній. Выносясь изъ глубины падающей волны другою волною, кошорая возносится для шого шолько, чтобы наспъ подобно своей предшеспвенницѣ, онъ

думалъ , что ему лучше на этой обманчивой выси. Но таковы-то наши стремленія ! Онъ лепѣлъ къ міру свѣта, и уносясь въ міръ слугъ, считалъ , *долженъ былъ* считать это благодѣяніемъ.

Между шѣмъ разговоръ собесѣдниковъ оживился, и чудеса мудрости лились изъ устъ Пимена Никишича !

— Право — говорилъ онъ — надо помогать бѣднымъ ! И душѣ-то оправдно, и Богу угодно, да и людямъ-то не худо ! Нашъ-то брашъ самъ испыталъ все: бывалъ и на конѣ и подъ коземъ. Все Богъ , башюшка, Пешръ Калиспрашовичъ ! Онъ пашаешь и пищи небесныя !

«Что и говоришь объ этомъ, Пименъ Никишичъ ! Правда, правда. »

— Да ей Богу шакъ , Пешръ Калиспрашовичъ ! Живемъ, живемъ, шрудимся, шрудимся: а для чего ? Ну, право шакъ ! кошъ умереть не сходя съ мѣста ! Доброму человеку вездѣ хорошо. Такъ-то бываетъ подъ часъ горько, что кажешся и не расхлебнешъ ! Анъ мудрость-то наша человѣческая ! Истинно шакъ , Пешръ Калиспрашовичъ ! Богъ меня убей, коли не правда ! Вѣдь что-бы кажешся ! . . . Ну, а все не то ! Право шакъ !

« Миръ вамъ ! » возгласилъ кто-то понкимъ голосомъ.

Въ дверяхъ споялъ монахъ.

— Ба, ба, ба! — воскликнулъ Пимень Никишичь вскакивая со скамьи. — Опець Порфирій! Покорнѣйше прошу, опче свяшый! Да какими эшо судьбами? . . .

«Да шакъ, двумя ногами! Шель, шель, да и пришелъ!» опвѣчалъ веселый монахъ. «Миръ вамъ и мы къ вамъ!» примолвилъ онъ усаживаясь около шпола.

— Испинно благодаренъ вамъ, опче! — сказалъ Пимень Никишичь, споя передъ нимъ и кланаясь. — Да какъ вы опмыскали-шо меня?

«Какъ-же не опмыскашь спараго пріапеля!» продолжалъ монахъ. «Былъ въ рыбныхъ лавкахъ: вѣдь у насъ скоро праздникъ, шакъ опець экономъ просилъ сходишь за покупочкой. Вдругъ слышу, чшо изъ Архангельска пришелъ обозъ съ рыбой? Чей? тако-го-шо. А кто пріѣхалъ съ обозомъ? шак-ой-шо. Гдѣ ошановился? Мнѣ и указали пушь. Вошъ я и направилъ спопы свои къ шебѣ, Пимень Никишичь! Съ пріѣздомъ! . . . Да какой-же холодъ сдѣлался къ вечеру!» примолвилъ монахъ пожимаясь.

— Дозвольше-же поошогрѣшь васъ, опче свяшый! — сказалъ Пимень Никишичь, наливая большую кружку пива.

«Лишнее, Пимень Никишичь!» возразилъ монахъ, взявшись за кружку. «За здоровье прі-

взжого!» прибавилъ онъ, и прильнулъ къ кружкѣ губами.

—Вошь какая еще оказія! — сказалъ Пименъ Никишичъ, обратившись къ Пепру Калиспрашовичу. — Вошь сей часъ только пришло въ голову мнѣ, что опецъ-шо свяшой можешъ помочь нашему Михайлѣ. Право шакъ!

«Ошь всего сердца!» проговорилъ монахъ, поспавивъ кружку. «А чпѣ эшо за Михайло, о кошоромъ говорише вы?»

—Да вошь видите. . . . поди сюда, Михайло! — продолжалъ Пименъ Никишичъ. — Вошь-съ, онъ, опецъ Порфирій. Малый добрый, и пришелъ въ Москву учиться. Богъ въспъ, какъ эшо пришло ему на умъ. Рыбачьему сыну, казалось-бы, и не кспаша принимаешься за книги; ну, да ужъ шеперь далеко ворочаешься въ Холмогоры. Охота пуще неволи!

«Учишься? доброе дѣло!» сказалъ монахъ. «Ты, голубчикъ, хочешъ учишься?»

—Точно шакъ-съ! — робко и радостно опвѣчалъ Ломоносовъ.

«Хорошо, мы объ эшомъ подумаемъ. Для Пимена Никишича я гошовъ поспараюсь о тебѣ.»

Эни слова привели въ гордый восторгъ Пимена Никишича. Онъ былъ вознесенъ до облаковъ опзывомъ монаха о своей значительной

спи, и желая въ шо-же время показашь Пешру Калиспрашовичу, что мы-дескашь умѣемъ дѣла дѣлашь поважнѣе вашихъ, пуспился хвалишь умъ, способноспи, доброшу Ломоносова, о кошоромъ прежде не случилось ему и подумашь хорошо. Онъ почишалъ его безумцемъ, или, лучше сказашь, не почишалъ ничѣмъ; но шеперь подспрекнушое самолюбіе сдѣлало его жаркимъ ходашаемъ за безвѣспнаго пришельца.

Монахъ, задобренный пивомъ и медомъ, и въ самомъ дѣлѣ склонный къ добру, невольню увлекся въ обѣщаніе спарашься о помѣщеніи Ломоносова въ Заиконоспасское училище, одно изъ немногихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ шогда въ Москвѣ, находившееся въ зданіяхъ монастыря, къ кошорому принадлежалъ ошецъ Порфирій.

— Вошь что называется: шель да нашель! — воскликнулъ довольный Пимень Никишичъ. — Бѣдный охъ, а за него Богъ! Кланяйся, Михайло, ошцу Порфирію: онъ швой испинный благодѣшель; я, брашъ, шолько навель его на доброе дѣло, а ужъ ему чеспъ и хвала.

«Не грѣши, спарый знакомый!» возразиль монахъ. «Бѣсъ гордыни еспъ самый злой бѣсъ: не возноси меня своимъ дѣваніемъ. Я еще не сдѣлалъ шущъ ничего, и шолько еще думаю помочь ему, а шы ужъ сдѣлалъ это. Надѣюсь,

что Богъ пособишь мнѣ исполнишь швою просьбу и желаніе сего юноши ; но вѣдь будущее вѣдомо одному Всевышнему.

— Оно пакъ, отецъ Порфирій!— сказалъ Пимень Никипичъ, съ довольною улыбкою подливая пива въ кружку монаха. — Но намъ-ли грѣшнымъ людямъ шворишь добро? Мы и на свѣпъ-шо живемъ вашими святыми молишвами. Чшдъ я сдѣлалъ? Кормилъ голоднаго, давалъ ему пріюшъ, покуда могъ, и наконецъ попросилъ зашупленія швоего: конечно, дорога милосшыня въ день скорби. . . . Ну, да, я не горжусь эшимъ ; ей Богу, пакъ !

Петръ Калиспрашовичъ морщился слушаа эшо хвасповештво. Ему спрахъ какъ не правило самохвальштво благодѣяніемъ, кошорое приписывалъ себѣ Пимень Никипичъ. Ему было особенно жаль Михайлы, игравшаго при эшомъ самую шпрадальческую роль. Бѣдный юноша, не поспигаа всей пустошы рѣчей Пимена Никипича, имѣлъ однакожъ сознаніе, что его унижающъ излишне. Лицо его выражало покорносшь судьбѣ; но и чувштво собшвеннаго дошпощнсшва не шускнѣло въ свѣшлыхъ, хошя и пошупленныхъ очахъ его.

— Однако — молвилъ наконецъ Петръ Калиспрашовичъ—покуда свяшой отецъ будетъ ходалаишшвовашъ о добромъ дѣлѣ, малый дол-

жень побыть у меня. Это, кажется, дѣло рѣшеное, Пименъ Никишичъ?

«Коли тебѣ угодно, я согласенъ; а, право, радъ и самъ помогать ему, чѣмъ Богъ послалъ. Истинно шакъ, Пепръ Калиспраповичъ.

— Вѣрю и знаю, что ты говоришь правду — опвѣчалъ господскій прикащикъ.—Но, по прежнему своему слову, я возьму Михайлу съ собой.

«Да не лучше-ли ужъ завтра; Пепръ Калиспраповичъ? Я самъ и приведу его къ тебѣ, и ошдамъ съ рукъ на руки.»

— Ну, пожалуй, пусть будетъ по своему!... Однако, пора и до дому. Завтра присылай или приводи Михайлу. Доброго здоровья!»

Съ этими словами Пепръ Калиспраповичъ вспалъ, помолился образу, и, раскланявшись со всѣми, вышелъ. Монахъ по-же поднялся, и, опвѣчая на безконечные поклоны Пимена Никишича желаніемъ ему всѣхъ благъ, подтвердилъ свое обѣщаніе, спарашься о помѣщеніи Михайлы въ Заиконоспасское училище. Михайло не зналъ кого и благодарить. Низкими поклонами выражалъ онъ свою признашельность при каждомъ обращеніи къ нему, при каждомъ словѣ о немъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой нечаянный дождь одолженій, если не благодарннй, пролился на него! Опкуда, изъ какихъ благошворныхъ шучь

лествъ онъ? Чшò было причиною этого благопріятнаго сполкновенія добрыхъ спихій? Запроганное самолюбіе Пимена Никипича, пріятная наружность Михайлы, понравившаяся Пепру Калиспрашовичу, и нечаянный приходъ монаха. Да и гдѣ-же искашь изъясненія многихъ дѣлъ, непоспихимыхъ при первомъ взглядѣ?

Какъ-бы по ни было, но за Ломоносова вдругъ явилось при ходашая: Пётръ Калиспрашовичъ, кошорый безъ всякихъ видовъ вызвался дашь пріюшь ему, Пимень Никипичъ, не захошѣвшій, какъ говорихся, опспихать опъ другихъ, и монахъ, задобренный угощеніемъ и связанный даннымъ словомъ.

Чшо-шо они сдѣлають!

А между шѣмъ наспалъ новый день, и Пимень Никипичъ, пошашавшихъ въ разныхъ мѣспихъ, подѣлавши и поговоривши разныхъ дурачесшвъ, возврапился домой и велѣлъ Михайлѣ слѣдовашь за собой къ Пепру Калиспрашовичу. Ему хошѣлось и сохранишь нѣсколькò копѣекъ, кошорыя могъ спохишь нахлѣбникъ, и погордиться еще разъ добрымъ дѣломъ. Таковы были мудрыя разсчешы его. Да и не шиковы-ли разсчешы многихъ мудрецовъ?...

Съ невольною робосшью и неохощой вспухилъ Михайло за своимъ вожашаемъ въ огромный господскій домъ, гдѣ жилъ Пётръ Кали-

спраповичъ. Домъ эшопъ состоялъ изъ главнаго каменнаго корпуса, съ узкими окнами, желѣзными спавнями, и приспроеннымъ деревяннымъ крыльцомъ, да изъ нѣсколькихъ ошдѣльныхъ, неправильно разбросанныхъ по двору, по-же каменныхъ зданій, какія и нынѣ еще есть въ нѣкопорыхъ спаринныхъ Московскихъ домахъ. По двору бродило множесшво слугъ, разнаго возраста и вида. Изъ нихъ, ине были въ лохмошьяхъ, испачканы, гадки, другіе одѣшны чучелами, въ неловкихъ кафшанахъ, съ галунами, и знакомъ приближенности къ своему барину, по есть съ какою-шо изысканностию, чопорностию въ нарядѣ.

Пешръ Калиспраповичъ жилъ въ одномъ изъ небольшихъ спроеній, и комнаша его была родъ подвала, перегороденнаго на двое. Когда пришли къ нему жданные госши, онъ сидѣлъ за бумагами, углубленный въ расчешы о привезенномъ господскомъ *добрѣ*. Подлѣ дверей сполла шолпа мужиковъ, съ глупимъ подобоспращіемъ ожидавшая его изрѣченій. Онъ пригласилъ Пимена Никишича садиться, и вскорѣ оппусивъ мужиковъ, началъ разговоръ.

—А ко мнѣ вдругъ пожаловалъ въ ночь господинъ; кашпшъ изъ Пипера, и привезъ съ собою дворовую челядь; надо всѣхъ ублаготворить, угоспшшъ. . . Я-же люблю чшобъ все было въ спрунку вышянуто! Голова не вернешся! А къ

тому, она пусша и опъ швоего вчерашняго угощенія, Пимень Никишичь!

«Такъ по пословицѣ: мы къ тебѣ не въ пору госпи, хуже Тапарина!» подхвашилъ нашъ орапоръ.

— Чшѡ ты, прійшель! я всегда радъ тебѣ. Да, не взыщи: пеперь занимашь-шо недосугъ. Ужь я, вошъ, поощдѣлаюсь, шакъ самъ приду къ тебѣ съ зовомъ на вечернюю бесѣду.

Еще было обмѣнено нѣсколько шакихъ-же сухихъ фразъ, и Пимень Никишичь увидѣлъ, чшо ждашь ему нечего. Онъ указалъ на Ломоносова и произнесъ поржесшвенно:

— А вошъ тебѣ и еще хлопошы, Пешръ Калиспраповичъ! Люби да жалуй! Самъ, брашъ, вызвался.

«Позабочусь, Пимень Никишичь!» отвѣчалъ попъ наморщившись. «Поди, брашъ, Михайло, пока въ кухню.

Съ поклономъ вышелъ Михайло изъ комнашы Пешра Калиспраповича и началъ бродить по двору. Грустно было на душѣ его. Онъ видѣлъ, чшо новый благодѣшель шакъ-же мало радъ ему, какъ и прежній. Дипя! Пивной воспоргъ и пустое щекотанье грубаго сердца почель онъ радушіемъ и доброшой души! Слова, которыя сосшавляющъ ходячую монету ежедневныхъ разговоровъ, пріянялъ онъ за драгоценную сущесшвенность! Жди опять сшеченія счасшливыхъ

обстоятельствъ , и меньше надѣйся на людей , а между тѣмъ испытывай ихъ безстыдную наглость. Въ самомъ дѣлѣ, полца слугъ окружила его, и начала спрашивать, кто онъ, откуда, зачѣмъ, кто его привелъ въ домъ, надолго-ли?..

Онъ былъ гошовъ бѣжавъ изъ этого дому, проживши въ немъ одинъ день. Пепръ Калисраповичъ едва успѣлъ сказать ему, чтобы онъ ходилъ обѣдать и ужинать со слугами Но куда-же опять приспашь самовольному изгнаннику? . . .

Нѣсколько дней прошли для него въ самомъ печальномъ бездѣйствіи.

Г л а в а ІІІ.

Высоко-прекрасна жизнь челоѣка, посвятившаго себя единому служенію Богу! Ошдѣленный ошъ міра, и не сполько оградю пихой обихели, сколько разрывомъ со всѣмъ, увлекающимъ слабую чувшвенноспъ нашу въ море заботъ и мученій свѣша, жишель монашпыря еспъ на землѣ образъ того спокойствія, кошорое ждепъ насъ за дверями здѣшней жизни. Эпо мерпвецъ пѣломъ : спѣны монашпыря могила его брэннаго соспава. Но при ненарушимомъ спокойспвіи внѣшней жизни, онъ обладаетъ всею дѣяшельноспію, всѣми сокровищами жизни духовной. Только сбросивъ ломкія вериги жизненныхъ ошношеній начинаеспъ челоѣкъ жипъ духомъ, соединяпъся съ Богомъ, жипъ въ Богѣ. Тогда онъ подобенъ тонкому вещеспву, разлипому въ видѣ невидимаго ээира, и проникающему всю вселенную. Пересптавая жипъ въ мірѣ, онъ живешъ во вселенной ;

Оканчивая жизнь личную, онъ сущесвуесть въ жизни всеобщей; онъ тогда идетъ прямо къ своему назначенію. Жизнь монастырская есть одна изъ самыхъ высокихъ идей, проявившихся когда либо въ нашемъ мірѣ.

Но не такъ смотрѣли на нее двое собесѣдниковъ, въ теплой кельѣ Законоспасскаго монастыря, разсуждавшіе о суешѣ всего подлуннаго.

— Нѣтъ, брашъ, Пимень Никишитъ, ты не знаешь нашего жипья-быпя, и попому такъ похваливаешь его. Заперъ-бы я себя на вѣкъ въ эту келью, такъ вспомнилъ-бы ты о привольной жизни.

«Да позволше-же, опецъ Порфирій, доложишь вамъ, что наша, какъ вы изволише называшъ, привольная жизнь, мученье безконечное! И праведная душа не спасеня въ эшомъ преволненномъ помыканіи.»

— Полно, брашъ! Да ужъ хопъ Славянскимъ-то языкомъ не говори! Скажи проспо, по-Русски: вѣдь не промѣнялся-бы со мной? А?

«Да гдѣ-же мнѣ, грѣшному челоувѣку, налагашь на себя шакое бремя неудобноносимое!

— То-то, брашъ! Вспомнилъ-бы и жену и дѣшей. Чтò вѣдь, чай, у тебя ужъ дочка-по на возрастѣ? Не-бось, скоро и за-мужъ спанешь снаряжашъ?

Тутъ монахъ, сидѣвшій облокопясь на сполъ обѣими руками и закрывъ лицо, началъ проширашь глаза и расправляшь мускулы.

Пименъ Никипичъ, не измѣняя своего важнаго вида, отвѣчалъ:

— Да, онецъ Порфирій, ужь ей около двухъ десяшковъ. Да человекъ-шо я, видите, не богатый. Бога не гнѣвлю: насущный хлѣбъ есть; да вѣдь нынче эшого мало. Вошь моя Анюшка и сидишь дома.

«Да, да!» подхвашилъ монахъ съ живосью. «Анюша! да, Анюша! Чпò, вѣдь она, чай, въ машушку, шакая-же красавица?»

— Гдѣ нашимъ дочерямъ бышь красавицами — скромно промолвилъ Пименъ Никипичъ.

«Полно, братъ, скромничать-шо! Я вѣдь самъ не вѣкъ былъ монахомъ. Глаза-шо глядѣли съ малыхъ лѣтъ. Помню еще швою супругу дѣвушкой; нечего сказашь: лебедь была! Вѣдь я и самъ былъ хватъ! Бывало, надѣнешь синій кафпанъ, да подпояшешься краснымъ кушакомъ, да и пойдешь по городу. . . . Ну, да пеперь, братъ, все прошло.

— Жипіе ваше, онецъ Порфирій, испинно сказашь, шо есть по чисшой совѣспи, ей Богу не лгу. . . . шо есть. . . .

«Нѣтъ, братъ, я ужь привыкъ къ нему; успарѣлъ, одрахлѣлъ до поры до времени; а шы-бы

конечно убѣжалъ опсюда, какъ вопъ эпошъ малый изъ Холмогорь... однако, что эпо нашъ Семень не ведешъ его? Я ужь давно послалъ.

—Я, шо еспъ, могу сказать, и не могу объяснишь вамъ, опецъ Порфирій. . . .

«Кшо шамъ?» громко сказалъ монахъ, услышавъ шорохъ около дверей.

—Я-сца!—опвѣчалъ грубый голосъ. Кшо-то опворилъ немного дверь, и просунулъ голову. И что эпо была за голова! Нечесаная, со включенною бородою, съ свинными глазами. . . . она принадлежала монастырскому служкѣ, Семену.

«Что-же? привель ты его?» спросилъ монахъ.

—А привель-сца!—опвѣчалъ служка, не перемѣняя положенія.

«Такъ веди его сюда.»

—Да ужь онъ здѣсь-сца. Куда-же еще вести?

«Экой безполковий!» сказалъ монахъ. «Введи его сюда, ко мнѣ.»

— Сюда-сца? къ шебѣ? Хорошо.

Дверь медленно заскрыпѣла, и Семень распворилъ ее пакъ, что она спукнула въ ближнюю спѣну. За нею опкрылся Михайло. «Войди сюда, голубчикъ,» сказалъ опецъ Порфирій, съ съ смиренно-ласковымъ видомъ обратившись къ Ломоносову. Тотъ вошелъ и поклонился ему.

«Ну, вопль видишь-ли,» примолвилъ монахъ: «я говорилъ о тебѣ Рексору. Онъ такъ милоспивъ, что согласенъ принять тебя и помѣстивъ въ училище.»

Слезы радости сверкнули въ глазахъ изумленнаго своимъ счастьемъ Михайлы. Въ недоумѣніи, въ восторгѣ, не зная что дѣлать, онъ бросился къ отцу Порфирію, спавъ передъ нимъ на колѣни, и хрипѣлъ цѣловать его руку.

«Не надо, не надо!» сказалъ монахъ. «Благодаря Бога, и молись за великую Государыню. Мы, грѣшные люди, только милоспію Бога и Царицы можемъ помогать алчущимъ и жаждущимъ. Рексоръ велѣлъ представивъ тебя къ себѣ сегодня вечеромъ, и пошуму-шо я послалъ за тобой. Нечего время терять: пойдемъ. Уже скоро къ вечерней прѣпезѣ будущъ звонить. Поблагодари Пимена Никишича, молодой человекъ: онъ былъ первымъ за тебя ходатаемъ и навелъ меня на доброе дѣло.»

Восхищенный юноша не могъ ничего выговорить. Онъ бормошалъ несвязныя слова, обращаясь къ Пимену Никишичу. Этого человека, при всей грубости чувствъ своихъ, при всемъ превращенномъ понятіи о сдѣланномъ имъ добромъ, распробался, можешь быть первый разъ въ жизнь свою, ибо чувство добра всегда возвышаетъ человека, равняя даже дикаго сына природы съ образованнымъ гражданиномъ новыхъ

общеснвъ. Сказавъ нѣсколько обыкновенныхъ своихъ наспавленій, копоры почипалъ онъ лужными для Ломоносова, Пимень Никишичъ началъ подвигаться къ дверямъ, безпреснанно кланяся опцу Порфирю, и наконецъ вышелъ.

Монахъ повелъ Ломоносова черезъ монаспырскій дворъ, въ комнашы Рекпора. Вспунивши въ нихъ, онъ оставилъ молодого человека въ передней комнащѣ, а самъ пошелъ доложитъ о немъ.

Михайло былъ въ неизъяснимомъ воспоргѣ, копорого даже не лзя названъ радостью: это было какое-шо безопчешное, превожное состояніе духа, когда человекъ не знаетъ, что именно ждепъ его, но чувствуешъ, что въ немного минупъ должна рѣшиться судьба его, и рѣшиться къ лучшему. Онъ не замѣчалъ окружавшихъ его предметовъ, не имѣлъ никакого понятія объ училищѣ, о Рекпорѣ, и радовался только мыслию, что наконецъ онъ близко желанной мѣпы своихъ давнихъ, безпрерывныхъ номышленій.

Скорыми шагами возврапился опецъ Порфирій, и далъ ему знакъ слѣдовать за собой.

Прошедши еще одну комнашу, они были передъ лицомъ Рекпора. Почщенный видомъ, пожилой человекъ сидѣлъ на софѣ, передъ раскрытою книгою, копорую, но видимому, читалъ

онъ не за-долго. Поглядѣвъ съ минушу на Ло-
моносова, онъ началъ говорить :

«Ты пришелъ сюда учиться, какъ мнѣ сказывалъ отецъ Порфирій. Намѣреніе доброе, и я гошовъ помочь тебѣ выполнитьъ его. Но, на-передъ должно знашь, изъ какого ты званія?

— Я креспьянинъ. . . .

«Ну, вошь первое препяшспвіе!» сказалъ Рекшоръ, обратившись къ опцу Порфирію.

— Да, эшо правда. . . . опвѣчалъ шощъ.

«Скажи-же, пожалуста, какъ эшо пришла тебѣ мысль приняпьяся за учење? Кшо внушилъ тебѣ охопу къ книгамъ?

—Эшого я и сказапья не умѣю—опвѣчалъ Михайло.—Съ малыхъ лѣпъ выучился я церковной грамотѣ; перечишалъ всѣ книги, какія были у нашихъ духовныхъ; искалъ и спарался добыпья новыхъ, да нашель шолько Славянскую Грам-мапику и Ариомешику; выучилъ и шѣ наизуспъ; да мнѣ еще хопѣлось знашь. . . .

Тушъ онъ оспановился.

«Ну, чшо-же?» спросилъ Рекшоръ.

Юноша не могъ продолжашъ далѣе: глаза его наполнились слезами, онъ задыхался опъ удерживаемыхъ рыданій.

«Чшо съ тобой сдѣлалось?» спросилъ снова Рекшоръ.

4*

Оправившись нѣсколько, Михайло продолжалъ: — Я рѣшился бѣжать опть опца. . . . но, право, я ужь много разъ послѣ видѣлъ самъ, что сдѣлалъ не хорошо. . . . Можешъ бышь и Ваше Высокопреподобіе спанеше гнѣвашься на меня. . . . и пошому я рѣшился прежде всего сказаць вамъ объ эпомъ. Накажише меня, но не опсылайше назадъ, и позволъше учишься здѣсь.

Рекпоръ не измѣнялъ своего важнаго вида; но опышный мужъ эпошъ понялъ, изъ немногихъ словъ, и доброе сердце, добрыя правила бѣглеца, и жаркое спремленіе его къ наукѣ. Къ шому-же, ошкрышый, пріятный видъ, и умныя глаза молодаго человѣка понравились ему. Онъ рѣшился приняць его непременно, и хопѣлъ шолько не даць вида одобренія шому, чего въ самомъ дѣлѣ не лъзя было похвалишь.

«Послушай, молодой человѣкъ: не было-ли другой какой нибудь причины, копорая засшавила шебя уйдши изъ опеческаго дома? Не сдѣлалъ-ли шы какой нибудь шалосши?»

— Ей Богу, нѣшъ, Ваше Высокопреподобіе! — опвѣчалъ просшодушно Ломоносовъ, и спрахъ лишишься благорасположенія Рекпора развизалъ ему языкъ. — Если было что нибудь еще, шакъ эшо моя мачиха, копорая била меня за шо, что я чишалъ книги, наводила опца на разныя спрогосши, и хопѣла чшобы я женился; а я умеръ-бы опъ эшого. Мнѣ всегда хопѣлось

знашь и вѣдашь то, что вижу. Да у насъ-же такая спорона, что чудеса на всякомъ шагу: и море, и зима, безъ солнца а свѣтла, и лѣса непроходимые; а въ лѣсахъ сколько дивнаго!... Человѣкъ не звѣрь, который живетъ только для того, чтобы пропитать себя. Ему надобно знать, что для чего создано.... А гдѣ я могъ научиться всему этому и узнать многое другое? . . . Судише меня сами. . . .

«Ну, а если-бы я велѣлъ себѣ воротиться домой? . . .»

— Ваше Высокопреподобіе! неужели вы сдѣлаете это? А если сдѣлаете, такъ я убѣгу въ другой разъ, и въ Холмогорахъ не оспанусь. Особенно теперь, мнѣ шамъ и житья не будетъ.

«Но ты видишь, что мнѣ прудво принять себя въ наше училище: во-первыхъ потому, что ты бѣглець, а во-вторыхъ потому, что у насъ не принимаютъ въ ученіе крестьянскихъ дѣтей.

Ломоносовъ задумался. Не обращая ни къ кому, онъ произнесъ какъ будто невольно: — Такъ неужели потому, что я родился крестьянскимъ сыномъ, мнѣ уже не лзя и учиться?

«Да, почти такъ!» примолвилъ Ректоръ. «Однакожь я возьму себя на свою ошвѣшшвен-

носшь, если ты будешь уменъ, добръ, послушливъ. Въ тебѣ видна излишняя горячка, молодой человекъ! А ты будешь подчиненъ людямъ, колпоры выше всего почитающъ смиреніе.

— Я буду повиноваться всякому; только позволите мнѣ учиться, Ваше Высокопреподобіе.

« Ну, скажи-же мнѣ: ты знаешь церковную грамоту?»

— Знаю и гражданскую.

« И гражданскую? А что еще знаешь ты?»

— Службу церковную, уставы церковные; знаю еще Арифметику Магницкаго.

« О, братецъ, да ты преученый человекъ!» сказалъ Ректоръ улыбувшись. « Однакожь у насъ не вѣряшъ сказанному; надо доказашъ слова свои на дѣлѣ. Ты долженъ выдержишь экзаменъ.

— Не знаю о чемъ вы говорише; но я готовъ на все.

« Ошецъ Порфирій!» сказалъ Ректоръ обращаясь къ монаху; « ты можешь самъ сдѣлать это: проэкзаменуй его, и потомъ передай Медоспу Ипполиповичу.

Смирненнымъ поклономъ ошвѣчалъ монахъ. А Ломоносовъ? Онъ не зналъ, къ Богу-ли обратишься съ первымъ благодареніемъ, или къ по-

кровишельному Рекшору. Онъ не умѣлъ выразишь воспора своего ни словами, ни движеніями; но если Рекшоръ умѣлъ чинишь языкъ души, выражаемый лицомъ, то конечно благодарность Ломоносова показалась ему краснорѣчивѣе всѣхъ благодарственныхъ рѣчей, чинанныхъ имъ на Лапшинскомъ языкѣ схоластиковъ.

На другой день, упрямъ, отецъ Порфирій явился къ Рекшору, Герману Коцевичу, и послѣ обычнаго привѣтствія сказалъ:

—Почитай долгомъ извѣстить Ваше Высокопреподобіе, что мальчикъ, мною предсавленный, оказался оплично-хорошимъ чтецомъ, и во всѣхъ опвѣщахъ своихъ показалъ смѣшливоспъ большую. Ариѳметику Магницкаго знаешъ онъ наизуспъ; Грамматику Смотрицкаго то-же.

«Право?» съ довольнымъ видомъ произнесъ Коцевичъ. «Спало бышь видъ его не обмануль меня. Да опъ чего-же онъ знаешъ и Грамматику и Ариѳметику наизуспъ?»

—Онъ говоритъ, что эшо были у него единыя книги. Онъ все чинилъ ихъ, до шого что наконецъ знаешъ наизуспъ.

«Чудное дѣло!... Надобно-же приспроишь его. Не знаю шолько какъ? . . . Поговорю съ Пре-

фекшомъ. А между пѣмъ пуспъ онъ ходишъ въ Лашинскій классъ къ Медоспу Ипполишовичу.

— А куда-же прикажеше помѣспишь его? по еспъ въ какое ошдѣленіе?

«Вошъ, эшо опяшъ вопросъ. Въ малолѣшныи, спранно, а съ большими, будешъ обидно пѣмъ: вѣдъ онъ еше ничего не знаешъ. Пуспъ однако живешъ съ малолѣшными.

— Онъ скоро догонишъ большихъ!

«Видно, что ты заспунишъ за него, брашъ Порфирій.

— Не опъ шого слова мои. Вижу, что эшо молодой орелъ, Богъ знаешъ какъ воскормленый между сѣверскими воронами; надобно шолько дашъ ему расправишь крылья.

«У шебя всегда охоша къ фигурѣ сравненія! Дай-же и мнѣ сказашь, что орлу надобно высокое лешаніе, а Богъ вѣспъ куда полешишъ эшопъ орелъ, когда подраспушъ у него крылья. Намъ не орлы надобны, а домашнія шицы. Онъ полезише. Надобенъ и присмошръ за нимъ.

— Я беру эшо на себя — сказаць опецъ Порфирій. — Богъ не далъ мнѣ бышъ великимъ ученымъ, но за шо далъ охошу къ добру. Я беру на себя присмошръ за Ломоносовымъ.

«Благословляю на доброе дѣло!» сказаць Рекшоръ.

И такъ пламенный сынъ рыбака уже въ училищѣ! Какое спеченіе обшояшельствъ благопріятныхъ было необходимо, чтобы онъ достигъ эпого! И кто не согласится, что одна увѣренность и, можно сказать, легкомысленная надежда, будто люди поймутъ его, примутъ его, была душевною звѣздою его въ эпогъ прудный періодъ жизни? Онъ ошибся. Люди не понимали его, какъ обыкновенно не понимаютъ они не бывалого; однакожь онъ воспоржествовалъ надъ препятствіями. Приписывайте эпо случаю! Но берегитесь, безъ сильной воли, безъ увѣренности генія, пускайтесь въ опасный путь. Вы замерзнете на дорогѣ изъ Холмогоръ, васъ не примутъ продавцы рыбы, вы не найдете зашупниковъ въ Москвѣ, вы не заспавите спростей челоѳческихъ поссориться и сдѣлать вамъ добро невольно. Всѣ эти успѣхи принадлежатъ генію: только онъ преодоѳваетъ все. А мы дивимся, откуда успѣхъ эпому челоѳку!

Ломоносовъ былъ радъ еще и тому, что избавился отъ окружавшихъ его *неугей*, потому что, какъ онъ полагалъ, въ спѣнахъ училища обитаютъ одни ученые мудрецы. Посмотримъ, какъ они примутъ его. Между тѣмъ началось ученье.

Законоспасская Академія, куда поступилъ Ломоносовъ, доспопамятна для насъ, какъ

первое мѣсто его образованія , какъ первый ирѣишь , гдѣ началъ развиваться мощный его геній.

Только въ проспориіи называлась она *Законоспасскою* , оиъ мѣстоположенія Спасскаго монашнря , въ кошоромъ помѣщалась , *за иконными лавками* , сущеспвующими и донмиѣ . Ее назмвали даже , въ помѣ числѣ самъ Ломоносовъ , *Спасскими школами* , попому , можешъ бишь , что иногда бывала шунъ не одна школа . Но когда онъ поспунилъ въ нее , она уже именовалась *Московскою Славяно-Греко-Латинскою Академіею* . Воиъ какъ возникла она .

При Царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ , браиъ Великаго Петра , безмерпномъ унищожилешъ мѣспничеспва и драгоцѣнномъ своею любовію къ просвѣщенію , пришелъ въ Москву изъ Іерусалима Іеромонахъ Тимоѣей . Онъ былъ природный Рускій , но живши много лѣиъ въ Палестинѣ , хорошо изучилъ Греческій языкъ . Царь пожелалъ видѣиъ пришельца , услышалъ оиъ него , въ какомъ бѣдспвенномъ соспояніи находится просвѣщеніе Греческихъ Хриспіанъ , и великодушно рѣшилсѣ помочъ своимъ Хриспіанскимъ браиьямъ , чтобы хошъ нѣсколькo вознаградишь для попомковъ благодѣяніе предковъ , освѣпившихъ Россію ученіемъ испиннаго Бога . Тому-же Іеромонаху Тимоѣею повелѣлъ онъ учредишь Греческую школу , и при содѣй-

ствіи Папріарха Іоакима школа учредилась около 1680 года, въ шипографскихъ зданіяхъ. Число учащихъ въ ней проспиралось до 40 мальчиковъ всякаго званія. Тошъ-же Іеромонахъ былъ ихъ Рекпоромъ, а Греческому языку обучалъ Грекъ Мануилъ и послѣ него Греческій монахъ Іоакимъ. Царь и Папріархъ обращали особенное вниманіе на свою небольшую школу, и почти каждую недѣлю сами осмашривали ее, входили во всѣ подробности и награждали учащихъ и учащихъ. Царь хотѣлъ распросширять ее по обширному плану и заготовилъ для эшого великолѣпную грамапу, гдѣ видна вся благолюбивая душа его. Въ шо-же время онъ писалъ къ Вселенскимъ Папріархамъ о своемъ намѣреніи, и просилъ ихъ прислать, для замышляемой имъ Академіи, искусныхъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ мужей. Но вскорѣ онъ скончался; наспали полишическіе переворопы, Спрѣмецкій бунтъ, разныя неуспройства, и намѣреніе Теодора оспавалось безъ исполненія. Между шѣмъ, Вселенскіе Папріархи прислали двухъ избранныхъ ими мужей, незабвенныхъ въ Испоріи образованія Россіи: эшо были два брапа, Греки, Іоанникій и Соероній Лихуды. Цари Іоаннъ и Пешръ Алексѣевичи приняли ихъ благосклонно, и повелѣли имъ взять изъ Греческой школы нѣсколько спаршихъ учениковъ, кошорые и были помѣ-

щени въ особенной школѣ, при Богоявленскомъ монашырѣ. Черезъ два года опданы имъ въ обученіе и всѣ осшалные, для поспешнаго преподаванія разныхъ наукъ на Лашинскомъ и Греческомъ языкахъ. Школа увеличилась приѣмомъ 40 человекъ боярскихъ дѣшей, и кромѣ того нѣсколькихъ разночинцевъ. Лихуды пользовались уваженіемъ всѣхъ, понимавшихъ важность труда. Въ 1685 году Іеродиаконъ Мелешій завѣщаль имъ 2000 рублей, на поспроеніе Академіи. Она была поспроена въ Заиконспасскомъ монашырѣ, куда и переселились Лихуды со всѣми своими учениками. Эпо было самое цвѣтущее соспояніе Академіи при Лихудахъ. Около 1690 года, на нихъ возспавили страшное гоненіе Спроишель Заиконспаскаго монашыря Сильвеспръ Медвѣдевъ и Бояринъ Шекловишый; зло и клевета просперлись до того, что несчастные брашья были сосланы въ Коспромской Ипашьевскій монашыръ. Такимъ образомъ судьба ихъ опдѣлилась опъ судьбы знаменипаго ихъ училища, изъ копорого уже начинали выходить ученые молодые люди. Двое изъ эшихъ, Николай Семеновъ и Федоръ Поликарповъ сдѣлались преемниками Лихудовъ въ учительствѣ, и пяшь лѣпъ были почти единспвенными преподавателями всѣхъ наукъ въ Академіи. Федоръ Поликарповъ, извѣстный и въ Липшерашурѣ, еще извѣстнѣе въ

пипографскомъ искусствѣ: онъ былъ справщикомъ и наконецъ Дирекшоромъ Типографіи Духовной, въ которую перешелъ изъ Академіи. Премниками его и Семенова были опять ученики Лихудовъ: Іовъ, Чудовскій монахъ, и попомъ Палладій Роговской. Наконецъ Пешрѣ Великій повелѣлъ преподавать въ Законоспасской Академіи полный курсъ наукъ на Лапинскомъ языкѣ, и вслѣдствіе этого Стефанъ Яворскій, правившій тогда пашріаршимъ пресоломъ, вызвалъ новыхъ учителей изъ Кіевской Академіи. Они совершенно преобразовали ученіе и ввели преподаваніе схоластическое, внесенное въ Кіевъ во время Польскаго владычества.

Лихуды, послѣ многихъ испытаній судьбы, находились тогда опять въ Москвѣ, и обучали Греческому языку на Казанскомъ подворьѣ. Но въ 1717 году Іоанникій Лихудъ умеръ, а братъ его Софроній былъ произведенъ Архимандритомъ въ Рязанскій Солопчинъ монастырь. Новая Греческая школа ихъ существовала до 1724 года, когда повелѣно было соединить ее съ Академією. Послѣднимъ учителемъ Греческаго языка въ ней былъ Грекъ Аѳанасій Скіада; въ Законоспасской Академіи должность эту занялъ ученикъ Лихудовъ, Алексій Барсовъ.

Вошъ изъ какихъ элементовъ составилось училище, въ которомъ помѣстился наконецъ

Ломоносовъ! Надобно сказать, что оно было тогда не совершенно церковное или духовное училище: въ него принимали и дворянъ. Пошуму-то, когда Ректоръ согласился принять къ себѣ Ломоносова, онъ записалъ его дворяниномъ, и только не велѣлъ ему говорить объ этомъ съ товарищами.

Глава IV.

Но чему и какъ учили тогда въ Законо-
спасской Академіи? . . . И теперь любопытно
заглянуть въ тѣ школы, гдѣ еще не ославле-
на привычка къ шарому; любопытно, пошому
что это противоположно съ нашими понятіями,
какъ прошедшее съ настоящимъ, какъ жизнь
и смерть.

Ломоносова учили весьма просто, или весьма
мудрено, какъ будемъ глядѣть на это. Простое
пошому, что шакъ учили всѣхъ, мудрено
пошому, что кто хочешъ извлечь изъ шакого
ученья сколько нибудь пользы, шому надобно
упошреблять всѣ силы ума.

Ломоносову было около семнадцати лѣтъ,
когда посадили его за Лапшинскую азбуку. Тверди,
будущій геній, дивные знаки и звуки! Учи-
телемъ его былъ на первый случай добрый
Іеромонахъ Медосшъ Ипполишовичъ. Онъ ни-
какъ не могъ понять, что черезъ нѣсколько
дней полудикій Михайло зналъ азбуку и про-

чипываль слова не хуже его.» Тверди, мой другъ, пверди!» говорилъ добрый монахъ.

— Да ужъ я знаю все эшо — опвѣчалъ Михайло.

« Тверди. »

— Дайше мнѣ что нибудь новое пвердишь.

« Тверди спарое: Repetitio est mater studio-
rum. Понялъ-ли ты что сказалъ я? »

— Нѣшь-сь.

« Повпореніе машерь ученія (такъ перевелъ Лашинскую фразу Медосъ Ипполиповичъ). »

И Ломоносовъ пвердилъ, шо еспь повпорялъ шо что зналъ уже очень хорошо. Лѣнь другихъ радовалась шакому повпоренію, а онъ досадовалъ, шо на учипеля, шо на себя, пошому что приписываль своей шупоспи немилосердые школьные обычаи. Еще больше приводили его въ недоумѣніе шоварищи своими насмѣшками. Правда, они были ему шоварищи не по лѣпамъ, однакожь онъ думалъ, что и въ мальчишкахъ найдешъ радушныхъ совѣтниковъ и сошрудниковъ. Онъ обращался иногда къ нимъ съ вопросами о зашрудненіяхъ своихъ въ азбукѣ, но вмѣсто опвѣща слышалъ одинъ язвипельный смѣхъ. Опскакивая опъ него, они кричали съ хохоломъ: « Экой болванъ! лѣпъ въ двадцать пришелъ учипься Лашини! Мужикъ съ азбучкой возипся! »

Досада и грусть сжимали его сердце. Нѣсколько разъ случилось, что выведенный изъ перѣтнѣя шалунами-поварищами, онъ кидался бить ихъ; но щолпа разлещалась дождемъ, и еще больше горькія насмѣшки осыпали его. «У, у! И, и!» кричали ему со всѣхъ споронъ и передразнивали его шѣлодвиженіями. Ломоносовъ увидѣлъ, какъ глупо было положеніе его, и даль себѣ неизмѣнное слово не обращать вниманія на полпу оборванныхъ, оципаннхъ шалуновъ, вооруженныхъ только дерзоспью и шумною веселоспью. Наружное безспраспие къ нимъ сдѣлалось щипомъ его. Мальчики не уни-мались, но уже не шакъ охошно преслѣдовали его, пошому что и въ эшомъ возрастѣ любящъ опличащся шрудными подвигами, а легкое, доступное для всѣхъ, дѣлается пошлымъ, скучнымъ, ничпожнымъ.

Хопише-ли видѣшь живое изображеніе шоварищей Ломоносова? Подише когда нибудь, часу въ первомъ по полудни, мимоскаго училища: въ эшо время высыпаешъ изъ него щолпа мальчиковъ, запачканнхъ, оборванныхъ, шаловливыхъ. Они шумящъ, прыгающъ, бѣснущся, увивающся около плуша-разнощика, бранящся другъ съ другомъ.... вы подумаеше, эшо цѣлый народъ маленькихъ сумасшедшихъ. Но шаковъ всегда и вездѣ *мальгишекъ радостный народъ*. Можешъ-ли занимащъ ихъ ученье, когда

не занимаешъ ни что въ мѣрѣ? Они веселы, какъ пшички, они не знаютъ для чего учашъ ихъ, и зная только, что это пляшка необходимосшь, рады, рады когда избавляюшся отъ нея хоть на время. Не разъ приходило мнѣ на мысль, глядя на эту оборванную толпу школьниковъ. . . . скаго училища, что шакъ-то нашъ Ломоносовъ началъ свое огромное поприще! Правда, онъ былъ головою выше ихъ, а эти всѣ шакъ ровны! Однако, кто знаетъ, что и въ этой запачканной толпѣ не кроешся какой нибудь геній? Можешъ бышь!

Ломоносовъ вооружался першнѣемъ прошивъ насмѣшекъ не равныхъ ему поварищей. Онъ прилежно корпѣлъ надъ азбукою, надъ шепрадками, и черезъ полгода, на экзаменѣ, удивилъ самого Ипполиповича своимъ знанѣемъ. Онъ объяснялъ ему шакіе предметы, кошорые, казалось, и не входили въ кругъ азбуки. Онъ касался даже вопросовъ граммашическиххъ, когда дѣло шло о складахъ; онъ объяснялъ смыслъ, когда дѣло шло о звукахъ; онъ зналъ наизусшь всѣ правила, и распросранилъ ихъ далеко въ обласшь граммашическую. Такой необыкновенный успѣхъ обрадовалъ почтенныхъ училелей его, и они единогласно рѣшили, что Ломоносовъ переводшся въ *Грамматическій* классъ. Самъ Рекшоръ изъясвилъ ему свое удовольспвіе и пору-

чилъ его особенному вниманію новаго учителя, Иеромонаха Германа Канашевича.

Одною изъ главныхъ выгодъ эпои побѣды для Ломоносова было усмиреніе его поварищей: большая часть ихъ, промучившись цѣлый годъ, оспались въ классѣ азбучномъ; переведенные вмѣстѣ съ нимъ не оказали такихъ большихъ успѣховъ, хотя пригошворялись къ нимъ годами. Вниманіе Ректора и похвалы учителей были также великимъ дѣломъ для насмѣшниковъ, увидѣвшихъ слабость свою передъ пріѣзжимъ *мужикомъ*. Его перевели въ другое жилье, и хотя онъ все еще былъ саршій по лѣшамъ, но за то спалъ извѣстнѣе и какъ саршій по успѣхамъ.

Грамматическій классъ сдѣлался новымъ мученіемъ для неперпѣливаго Ломоносова. Онъ въ немного времени узналъ склоненія, спряженія и свойства другихъ частей рѣчи. Умъ его хотѣлъ перенестись дальше, но спрогій Канашевичъ удерживалъ неперпѣливца. «Не глумѣе шебя были великіе наставники юношества,» сказалъ онъ ему однажды, когда Ломоносовъ упрашивалъ его изъяснить что нибудь дальше Этимологіи. «Они опредѣлили, и опытность многихъ лѣтъ пріучила всѣхъ, занимающихся Этимологіею цѣлый годъ. Какъ-же хочешь ты перепрыгнуть за предѣлы вѣковой мудрости? Удержись, юноша!»

Что-жь сдѣлалъ Ломоносовъ? Не оставляя Этимологию, онъ началъ самъ изучать Синтаксисъ. Канашевичъ и не догадывался объ эпомѣ, когда на экзаменѣ въ 1731 году, Ломоносовъ, превосходно отвѣчая на всѣ вопросы изъ Этимологии, сказалъ, что онъ знаетъ также и Синтаксисъ.

«Синтаксисъ?» вскричали экзаменаторы въ одинъ голосъ. «Но ты не учился ему.»

— То есть меня не учили ему, хоть я и просилъ объ эпомѣ; но я учился самъ, и знаю уже....

Ректоръ, Софроній Мегалевичъ, не за-долго поступившій на мѣсто Кошечича, остановилъ его мановеніемъ руки, и съ сердцемъ сказалъ Канашевичу, что онъ не сморитъ за своими учениками, что они учатъ не то чего пребу-ютъ ошъ нихъ, и *слѣдовательно* не знаютъ шо-го, что нужно.

Канашевичъ осмѣлился замѣшивъ, что Ломоносовъ оказался первымъ и въ Этимологическомъ классѣ.

«Знаю, и за успѣхи переведушь его въ Синтаксическій классъ, а за гордыню, за неперпѣливосшь и непослушаніе, я, какъ правитель училища, приказываю посадить Михайлу Ломоносова *въ темную*, на двой сушки. Скромность и смиреніе первыя добродѣтели для юноши.»

Ломоносовъ дивился, почему-же его сажашь въ темную за самое проспишительное нарушеніе правилъ училища, за *излишніе успѣхи*, а многихъ поварищѣй его оспавляюшъ въ покоѣ, когда они не оказываюшъ ни какихъ успѣховъ, и припомъ дѣлаюшъ порядочныя шалости? Юноша еще не зналъ различія между *обыкновеннымъ*, *слѣдовательно* необходимымъ, или по крайней мѣрѣ проспишительнымъ, и *необыкновеннымъ*, *слѣдовательно* нарушающимъ правила, принятыя всѣми. Покровишеля, защипника его, опца Порфирія, уже не было въ монашпырѣ, и онъ оспавался безъ всякихъ дружескихъ совѣшовъ. Ломоносовъ сдѣлался ошпорожниѣ, и когда перевели его въ Синшаксическій классъ (эшо было въ 1731 году), спалъ умѣряшъ свою пылкость и ограничивашься шолько шѣмъ, что заспавляли его выучивашъ. Правда, Грамматишка, со всѣми своими каверзами, крючками, шаяла передъ его умомъ какъ снѣгъ, какъ воскъ опъ пламени, однакожъ онъ не показывалъ новому своему учишелю, Тарасію Посникову, что эшой умшпенной пици мало ему, что онъ смошпришъ дальше, глубже изъясняемыхъ ему шайншпвѣ. Онъ проникалъ въ шайны Просодіи, въ шайны языка вообще, а не одного Лашинскаго, и скривалъ эшо опъ всѣхъ: поварищи не поняли-бы его, а учишели, можешъ бышъ, опашъ вздумали-бы наказашъ.

Между шѣмъ , ученіе одной Лапины давно пересшало удовлешворяшъ его. Уже слишкомъ два года находилса онъ въ школѣ , а его не пускали дальше Лапинской Грамматики , въ кошорой былъ онъ шолько чшо на половинѣ , по крайней мѣрѣ по наружности , а на самомъ дѣлѣ онъ уже сдѣлалса довольно силенъ въ Лапинскомъ языкѣ и понималъ авшоровъ. Еще за годъ началъ онъ сочиняшъ Лапинскіе списхи , варварскіе , опъ кошорыхъ содрогалса прахъ Горація и вянулъ миршъ надъ могилой Виргилія ; однакожъ эпо показываешъ быспрые его успѣхи. Греческій языкъ обрадовалъ его своимъ богатшвомъ , своими шрудноспями ; но для эпого языка не было ни порядочныхъ училей , ни порядочныхъ книгъ. Ломоносовъ замѣнялъ недоспашки школы своею проницашельноспью , самъ соспавлялъ шаблицы , системы и дѣлалъ выводы , кошорыхъ не было ни въ книгахъ его , ни на устахъ его училей. И за всѣмъ шѣмъ , у него еще оспавалось много свободнаго времени. Еспешшвенно : онъ не шалилъ вмѣспѣ съ мальчишками-шоварицами въ часы опдыха. Онъ выпросилъ себѣ позволеніе рыпшса въ библиотекѣ училища , и въ шо время , когда шоварищи его бѣгали , прыгали , ходили колесомъ , играли въ свайку или вершѣли кубарь , онъ спѣшилъ въ уединенное книгохранилище , разсмашривалъ , пожиралъ шамъ все новое для

него; и въ опредѣленную минушу являлся ояшь въ классъ. Къ большому горю его, онъ мало находилъ въ библіотекѣ шакихъ книгъ, копорья удовлешворяли-бы его разнообразныя шребованія. Тупъ было много сочиненій богословскихъ, мало испорическихъ, и почши совсѣмъ не было математическихъ и философическихъ. А ему спрахъ какъ хощлось узнать шаинспва математики и философи. За шо нашель онъ въ библіотекѣ много книгъ церковныхъ, любимыхъ имъ съ малолѣтшсшва. Языку церковному не учили погда ни гдѣ; но доспойная хвалы привычка, чишашъ священныя книги, рано знакомила благочеспивыхъ людей съ языкомъ ихъ. Ломоносовъ былъ превосходнымъ чпцомъ еще въ своей деревнѣ, любилъ пѣшь духовныя пѣсни, и пошому зналъ языкъ церковный, чувспвовалъ всѣ понкоспи его. Оживая въ просвѣщеніи ума, онъ началъ понимашъ всю силу эшого языка, споль благозвучнаго, выразишельнаго, богатаго. Эшо невольнымъ образомъ привело его къ мысли о языкѣ собсшвенно-Русскомъ. «Учашъ здѣсь Латинскому и Греческому, а о Русскомъ не думающъ,» размышлялъ онъ. «Неужели шошь языкъ, копорымъ мы говоримъ, на копоромъ думаемъ и передаемъ всѣ ощущенія души, неужели эшопъ языкъ не заслуживаетъ изслѣдованія, изучения самаго шщательнаго?» Съ шакимъ-шо недоумѣніемъ обрашился онъ къ ново-

му своему училелю, Тарасію Посникову. Эшопъ челоуѣкъ еще не былъ монахомъ : онъ только пригошовлялся къ монашескому чину , и пошому называли его бѣльцомъ ; впрочемъ , занимая не важное мѣсто въ Академіи , онъ не искалъ ни у кого , ничего , и не пользовался большою милосшью своихъ шаршихъ .

« Ты говоришь о Русскомъ языкѣ , » сказалъ онъ Ломоносову . « Да , кшо о немъ спанешъ думаешь здѣсь ? Ты видишь , что кромѣ меня пушь все Малороссіяне : они и говоряшь по-Русски не чиспо , и не могушь понимаешь нашего языка во всемъ совершенствѣ , да и не любяшь его . А чего не любяшь , о шомъ не думающъ . Эшо все пріѣзжіе въ Москву , большею часпію Кіевскіе Академиспы и Профессоры . Они почишающъ нашу Академію ниже своей , и пріѣзжающъ сюда шолько похваснашь ученосшью .

— Можешъ бышь , въ самомъ дѣлѣ у нихъ , въ Кіевѣ , больше ученосши нежели здѣсь ?

« Больше пособій , правда ; за шо у нихъ Лашинъ съѣла все ; она прилѣпилась къ нимъ опъ Поляковъ , копорые , долго владычешвуя въ Кіевѣ , не успѣли засѣяшь благодашнаго поля своею Лашинскою ересью , шакъ засѣяли его Лашинскою ученосшью .

— Однакожь эшо любопышно — сказалъ Ломоносовъ — и я желалъ-бы поучишься въ Кіевѣ .

« Чему? » спросилъ съ досадою Посниковъ.
« Аришопелевой мудроспи или Польской Ла-
пини? »

— И шому и другому, а больше всего хо-
чешся мнѣ порыпьясь въ памошной библиошекѣ:
вы сами подшвердили, что она богаче нашей
Московской.

« Книгъ у нихъ много, да въ людяхъ мало
шолку, » сказалъ Посниковъ. « Не совѣшую,
брашъ, Михайло, забивашься въ Кіевъ: рас-
каешься. И у насъ, нечего грѣха шаишь, мно-
го занимающься пуспьяками; а у нихъ ужъ шоль-
ко пуспьяками и занимающься: споры, диспушы,
пушое головоломштво! . . . »

— Но вамъ извѣсно, что въ нашей библио-
шекѣ очень мало, слишжомъ мало книгъ фило-
софическихъ, физическихъ, машемашическихъ....

« Э, брашъ, Михайло! да неужели шы ужъ хо-
чешъ въ Философическій классъ? »

— Если-бъ я былъ доспоинъ, шо не опрек-
ся-бы; но я хочу самъ учишься Философи, Фи-
зикѣ. . . .

Посниковъ расшохошался.

« Ты хочешъ самъ сдѣлашься философомъ, Ми-
хайло! Ну, пакъ поѣзжай, брашъ, въ Кіевъ:
шамъ будешъ шы какъ рыба въ водѣ. »

Ломоносовъ опвѣчалъ, нѣсколько оскорблен-
ный смѣхомъ своего учишеля:

— Я не думалъ говоришь неугоднаго вамъ,

и если въ моихъ словахъ ешь что нибудь не-
обдуманное, по насхавъше, просвѣщипше меня.

« Да какъ-же, брапецъ : хочешь ѣхашъ въ Ки-
евъ, за шѣмъ, что шамъ много книгъ, Господь
вѣдаешъ о какихъ предметахъ ; а нашу Русь
развѣ не надобно шебѣ узнавашъ больше всего
другаго ? Ты самъ заговорилъ о Русскомъ язы-
кѣ : научишься-ли ему шамъ ? Ты Рускій : зна-
ешь-ли каковы были наши предки ? знаешь-ли
пы что нибудь про солнышко Владиміра Свя-
шославича ? про Мспислава Удалаго ? про Ди-
мишрїя, побѣдипеля Ташаръ ? знаешь-ли про
Минина и Пожарскаго ?

Эша папріотическая выходка зажгла пылкую
душу Ломоносова. Онъ сознался въ невѣдѣніи
своемъ, и двѣ, при недѣли съ жаромъ чипалъ
лѣшописи Русскїя, кошорѣхъ было довольно въ
монашшрской библіотекѣ; кошѣлъ опчеписпѣ,
обдуманнѣе изучашъ свой языкъ, но не нахо-
дилъ ни какихъ пособїй, кромѣ давно извѣ-
спной ему Грамматики Смотрицкаго. Эшо
охладило его, и онъ не замѣшно погрузился
опяшъ въ Лапипь, въ Греческій языкъ. Таково
было свойспиво нашего поэта : умъ его вдругъ
кошѣлъ обняшъ цѣлый мїръ; но волѣ и уму че-
ловѣка ешь предѣлы; попому-то онъ еше-
спвенно не могъ долго углубляшъся въ одинъ
предметъ. Разумѣешся, говоря эшо о генїи; мы не
разумѣемъ здѣсь пошершоспности людей обык-

новенныхъ. Въ двѣ недѣли узнавалъ онъ по, на что другому попребны мѣсяцы; въ каждомъ предметѣ раскрывались ему новыя спороны; вся природа имѣла для него новый смыслъ, ускользающій опъ полпы. Но при эпомъ свойспвѣ, быспро схвашывашъ главный характеръ и рѣзкія черпы всего, онъ не имѣлъ перпѣнія, необходимаго для успѣховъ прочныхъ, вѣковыхъ. Главною, постпоянною спраспью его была спраспъ къ ученію, желаніе узнать и охвашпшь умомъ цѣлый міръ.

Между пѣмъ, схоласпическія формы уже начали овладѣвашъ липшерапурнымъ его образованіемъ; онъ прывыкалъ вѣрпшь, что въ нихъ заключаешся вся задача ученоспн; однакожъ умъ, свѣжій, ясновидящій, не хотѣлъ бышь побѣжденнымъ шакъ легко. Ломоносовъ полюбпль Науку Природы, хотѣлъ броспшься въ глубину Мешафпзпкп; но шупъ вспрѣпшпль онъ непреодолимое препяпшшвіе: у него не было цособій для эпнхъ наукъ. Арпемешпка Магнпцкаго давно зажгла въ немъ спраспъ къ Машемапнхъ, но спраспъ эпа гасла безъ ппщп, и воскресала шолько по временамъ, при какпхъ нпбудь внезапныхъ задачахъ природы.

Тогда какъ умъ Ломоносова жаждалъ знаній положпшельныхъ, почныхъ, его перевели въ высшій классъ, гдѣ Іеромонахъ Теофплакшъ Квѣпнпцкій *наставлялъ съ Латпнскоп и Россій-*

ской Поэзіи. Не понимая ни смысла, ни объема многозначительнаго слова: *Поэзія*, добрый монахъ проспо сказывалъ своимъ слушателямъ по, что слышалъ отъ своего учителя. Поэзія его заключалась въ Ариштопелевскомъ подраздѣленіи спрашей, какъ будто со временъ Ариштошеля человѣкъ не жилъ, не открылъ новыхъ міровъ поэзіи, не кипѣлъ новыми спрашами, не зналъ иныхъ вдохновеній, кромѣ Греческаго. Надобно прибавить, что и эпо преподаваніе относилось только къ Лапинскому языку и къ его стихопворству. Въ Россіи уже писали тогда Русскіе стихи Кантемиръ и Тредьяковскій, но публика, и шѣмъ болѣе Законоспасская Академія не знали о нихъ. Такимъ образомъ Ломоносовъ былъ окруженъ, спѣсненъ, давленъ Лапину: она была для него языкомъ, поэзією, ученоспью, всѣмъ, пошому что въ ней заключалось тогда все.

Въ шакихъ обеспояшельспвахъ насчалъ для него экзаменъ 1732 года. Ломоносовъ замѣшилъ необыкновенное волненіе въ училищѣ: Префекшъ, учителя и всѣ служащіе въ монаспырѣ суешились, бѣгали, заботились о порядкѣ, и ласково обращаясь къ ученикамъ, просили ихъ бышъ скромными, вѣжливыми на поржешвенномъ экзаменѣ, а болѣе всего упрашивали пригошовишся какъ можно лучше къ опвѣшамъ яснымъ, почнымъ, исправнымъ. «Высокопреосвя-

ценнѣйшій Теофанъ, Архіепископъ, объщалъ по-
сѣшши нашъ экзаменъ, » сказали наконецъ имъ.
« Не посрамише-же насъ предъ симъ многоуче-
нымъ и великимъ мужемъ.

Имя Теофана гремѣло тогда въ Россіи. Эпошъ
знаменишій мужъ былъ любимцемъ чепырехъ Мо-
нарховъ Россійскихъ. Кіевскій уроженецъ, сынъ
проспаго мѣщанина, онъ въ самыхъ молодыхъ
лѣтахъ ошправился въ Липву, учисья : Кіев-
ская ученость не удовлетворяла его. Имя Ру-
скаго, и еще Греческаго исповѣданія, не было
рекомедаціей у Поляковъ, до такой степени,
что Теофанъ, называвшійся тогда еще *Елеаза-
ромъ*, рѣшился выдашь себя Уніацомъ, подру-
жился съ Каполическими монахами, и даже
вспунилъ въ брашство Базилианскаго монаспы-
ря. Онъ изумилъ Каполиковъ своими успѣхами
въ наукахъ, въ языкахъ, и очаровалъ ихъ сво-
имъ гибкимъ умомъ, своимъ краснорѣчіемъ,
такъ что они рѣшились послашь его въ Рим-
скую Академію. Три года жилъ Теофанъ въ Ри-
мѣ; наконецъ, увидѣлъ великолѣпную пущошу
чужеземцевъ и возвратился въ Россію. Тутъ-то
началось его славное поприще. Орлиный взоръ
Пешра ошкрылъ въ проспомъ монахѣ Кіевскомъ
будущаго государспвеннаго мужа. Постепенно
приближалъ его къ себѣ Пешръ, и постепенно
раскрывались въ Теофанѣ новыя способности,
новыя средспва къ великому подвигу преобра-

зованія, для котораго Пепру были *нужны люди*. Почши во всёхъ дѣлахъ церковныхъ участвовалъ Теофанъ, и по кончинѣ Пепра не переспавалъ имѣшь большую силу при Дворѣ. Онъ былъ однимъ изъ шѣхъ, которые способствовали возведенію на Россійской Пресполѣ Императрицы Анны Іоанновны. Послѣ ея коронованія, Дворъ долго оспавался въ Москвѣ, а Теофанъ еще долѣе. Въ эшо-шо время случился экзаменъ въ Законоспасской Академіи. Архіепископъ желалъ бышь на немъ, и произвелъ страшное волненіе въ кругу преподавателей шамошнихъ, робкихъ передъ высокимъ саномъ и передъ славнымъ, проицашельнымъ умомъ Теофана.

Въ назначенный день, съѣхались въ Академію многія знаменитыя духовныя особы; явился и Теофанъ.

Справное впечатлѣніе пошрясло душу Ломоносова, когда онъ увидѣлъ эшого достопамятнаго сподвижника Пепра. Незнакомый съ почесшями и власшями, онъ не понималъ значительности Архіепископа какъ государшвеннаго мужа: онъ видѣлъ въ немъ шолько человекъ, глубокаго ученосшью и умомъ, испыпаннаго шрудами и пожершвованіями наукъ, долго жившаго въ спѣнахъ Рима, и уже славнаго своими собшвенными сочиненіями. Онъ еще никогда не видывалъ людей знаменитыхъ, *исторігескихъ*,

и хощя былъ окруженъ нѣсколько лѣтъ *учеными*, но по какому-то невольному чувству соспавлялъ себѣ иной идеалъ ученаго мужа. Ему казалось, что онъ видитъ осуществленіе этого идеала въ Теофанѣ. Пылкая душа его и горячій умъ воспрянули: онъ, безъ всякаго честолюбія, изъ одной благородной ревности къ достоинству человѣка, рѣшился высказать всего себя. И надобно было удивляться этому богатому дарованіями юношѣ! Онъ свободно изъяснялъ на Лашинскомъ языкѣ самые опвлеченные предметы; ясно и краснорѣчиво говорилъ о языкѣ Славянскомъ (такъ называли тогда языкъ церковный); удивлялъ всѣхъ слушавшихъ знаніемъ безчисленнаго множества ученыхъ мѣлочей, копорья всегда придають такой блескъ школьнымъ экзаменамъ. Греческіе классики были извѣсны ему мало, однако языкъ ихъ онъ зналъ, и вообще явился первымъ по своимъ свѣдѣніямъ, и еще болѣе по изящному дару слова, копорый блистательно помогъ ему показати пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія.

Теофанъ самъ дѣлалъ ему много вопросовъ, былъ, казалось, доволенъ имъ, но не хощѣлъ опличити его передъ другими учениками, для того чтобы не унизили ихъ. Онъ спросилъ только объ имени молодаго человѣка, споль опличнаго своими дарованіями, и когда вошелъ въ комнашы Архимандриша, гдѣ былъ приго-

повленъ завпракъ, по, прежде всего, подробно освѣдомился о Михайлѣ Ломоносовѣ и велѣлъ позвать его.

Смиренно явился скромный ученикъ передъ славнымъ ученымъ. Пылкость, кошорая одушевляла его на экзаменѣ, прошла: онъ робѣлъ. Но благосклонный взоръ архипасшыря ободрилъ его. Теофанъ сидѣлъ на канане, и велѣлъ Ломоносову подойди къ себѣ; множество савновниковъ спояли въ почшишельномъ опдаленіи. Поглядѣвъ нѣсколько секундъ на прекраснаго, полнаго жизни юношу, онъ сказалъ: «Эшопъ молодой человекъ общаешъ много: надобно шолько чшобы онъ исполнилъ свои общанія.» И прибавилъ, обративши рѣчь къ Ломоносову: «Для науки оспавилъ шы опеческій домъ, и наука приняла шебя какъ избраннаго сына. Богъ да благословишь шебя на подвигъ шруда благаго!» Онъ ошѣнилъ Ломоносова крешнымъ знаменіемъ.

Никакія награды въ мірѣ не были-бы для Ломоносова шакъ драгоцѣнны, какъ это благословеніе архипасшыря, къ кошорому съ первого взгляда зародилось въ душѣ его благоговѣйное чувшво. Онъ удерживалъ нѣсколько секундъ свое чувшво, но наконецъ бросился на колѣни и искалъ благословляющей его руки.

Теофанъ самъ былъ пронупъ. Онъ спросилъ, не можешъ-ли сдѣлашь ему чего нибудь полез-

наго; не имѣешь-ли онъ какого-либо желанія, для будущихъ своихъ успѣховъ.

Въ такія поржеспивенныя минушы Ломоносовъ бывалъ удивительно смѣлъ.

«Ваше Высокопреосвященство!» сказалъ онъ. «Будьте прежде всего моимъ заступникомъ. Я учусь здѣсь незаконно. . . .»

Всѣ учили его, бывшіе пущъ, Префектъ, Архимандритъ, поблѣднѣли и чуть не ахнули отъ сшраха.

— Да, Ваше Высокопреосвященство! Я мужикъ, и шолько по милоспи господъ насшавниковъ моихъ принятъ въ здѣшнюю Академію, куда нѣтъ входа разночинцамъ. Я записанъ здѣсь дворяниномъ, и ежеминушно боюсь, что эпо когда нибудь можешь причинишь неудовольсшвіе моимъ благодѣтелямъ, и выгнашь меня изъ убѣжища наукъ.»

Лицо Теофана, сначала омрачившееся, прояснилось.

«Если эпо называешь ты незаконнымъ,» сказалъ онъ улыбаясь, «шо будь спокоенъ. Я защипникъ швой съ сей минушы.

Ломоносовъ низко поклонился ему.

«Да,» примолвилъ Архіепископъ. «Не бойся ничего! хопя-бы со звономъ въ большой Московскій соборный колоколъ спали тебя публиковать самозванцемъ, я швой защипникъ. Но,

юноша! Будь-же и ты достоинъ милоспей , оказываемыхъ тебѣ старшими. Продолжай учиться , какъ ты началъ. Не ослѣпляйся первыми успѣхами своими.

— Я почиаю себя низжайшимъ изъ низжайшихъ — возразилъ Ломоносовъ. — Не только гордоспъ , но и самодовольспиво еще не зараждалось въ душѣ моей. Признаюсь вамъ откровенно : я не доволенъ собой , и эти успѣхи , какъ вы благоволили назвашъ усердные пруды мои , кажупся мнѣ дѣшскими. Чтѣ это за успѣхи , когда я выучиваю по книжкамъ то , чтѣ можешъ выучипъ всякѣй , сколько нибудъ прилежный мальчикъ ? Я желалъ-бы вдапъся въ Математику , въ познаніе природы , въ Философію : тамъ искушеніе для ума человѣческаго. »

« Не все вдругъ , мой добрый юноша ! » сказалъ Теофанъ. « Сначала надобно узнать азбуку , чтѣбы послѣ читапъ книги ; сначала надобно усовершенспвовапъся въ наукахъ словесныхъ , чтѣбы потомъ перейдпи къ другимъ. »

Ломоносовъ едва не сказалъ , что въ ихъ Академіи нѣтъ другихъ наукъ , и что все ограничиваешся словопреніями. Онъ удержался ; однакожь Теофанъ проникъ тайную мысль его и сказалъ :

« Ты можешъ почерпнуть много и другихъ свѣдѣній , изъ книгъ , хранящихся въ академической библіотекѣ. »

— Библіотека наша бѣдна книгами по шѣмъ наукамъ, о копорыхъ я упомянулъ, Ваше Высокопреосвященство. Говоряшъ , Кіевская гораздо богаче.

« Да! Кіевская! правда. Кіевъ старинный разсадникъ наукъ. Я самъ возраспалъ тамъ; я возвращился шуда изъ великолѣпныхъ книгохранилищъ Рима и Венеціи, и наша Кіевская библіотека не показалаь мнѣ бѣдною. Чшо-же? пы можешъ шакже съвздишъ въ Кіевъ, поучишься и тамъ годъ, два. Почтенные насшавники, вѣрно, дозволяшъ шебѣ эпо,» прибавилъ онъ съ улыбкою, обращаясь къ власшямъ Законошпасской Академіи.

Какъ шонкій полишникъ во всѣхъ малѣйшихъ отношеніяхъ, Теофанъ не хотѣлъ поддерживашъ долѣ разговоръ съ ученикомъ, въ продолженіе котораго безмолвспвовали его учители. Онъ еще разъ благословилъ Ломоносова, и, сдѣлавъ ему нѣсколько пасшырскихъ насшавленій, оппустилъ юношу, восхищеннаго умомъ и благодушіемъ знаменишаго мужа.

Осшавшись въ своемъ кругу, гдѣ игралъ онъ первую роль, Теофанъ завелъ рѣчь о многихъ предметахъ, былъ опшмѣнно милосшивъ ко всѣмъ, и прощаясь съ брапією, будшо вспомнилъ опяшъ о Ломоносовѣ и поручилъ его особенному покровительспву Архимандрита и Префекпа.

Дни пошли опять своею чередой; только Ломоносовъ вскорѣ замѣшилъ, что начальники и учители спали пребогашельнѣе къ нему, начали изъясляшь нѣкопоруую холодность къ своему прежнему любимцу, и, не рѣдко, язвительными намеками напоминали ему, что онъ въ *фаворѣ* у Высокопреосвященнаго. Это чувствовашь естественнѣе въ сердцѣ человѣческомъ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ осмѣлился выскочка разглагольшвовашь прямо съ такою высокою особою, и заспавилъ старшихъ своихъ бышь только слушашельями? Да и какъ не совѣстно Высокопреосвященному унижашь себя разговоромъ съ просшмъ школьникомъ, когда вокругъ него сполько почешныхъ особъ. О, надобно-же доказашь ничпожному пришельцу, что онъ еще не вышелъ изъ подъ нашей ферулы! надобно доказашь.

Начались эти доказашельства. Первое состояло въ томъ, что съ него спали спорого взыскивашь за малѣйшее недоразумѣнїе, за самую мѣлкую ошибку. Второе, опъ него спали пребогашь не человѣческихъ успѣховъ; прешее, ему начали опказывашь во всѣхъ, самыхъ справедливыхъ просьбахъ; четвертое.... но возможно-ли исчислишь все? Этого не лзя даже спавишь въ вину человѣку, если спакое чувство маленькаго мщенїя, какъ будшо доказашельство его силы, кроешся въ душѣ почши каждаго, и

только спростой присмотръ за нашимъ хранилищемъ всего прекраснаго, высокаго, благороднаго, только непрерывное наблюденіе за собою, дѣлающъ насъ чистыми, достойными высокаго нашего названія.

Однакожь, сколько мы ни ошдаемъ справедливости сердцу человѣческому, а Ломоносову было ошъ эшого не легче. Онъ долго шерпѣлъ нападенія непріязненныхъ (долго и одинъ день для шого, кто шерпишь); наконецъ рѣшился объясниться съ самимъ ошцомъ Архимандришомъ, и повергнушь передъ нимъ свою искреннюю, давнюю просьбу.

Явившись къ нему въ свободную минушу, онъ нашель его одного, что было очень кшапи, и за смиреннымъ завшракомъ, что было еще больше кшапи. Архимандришь былъ истинно добродѣтельный, благочестивый человекъ; желалъ добра и дѣлалъ его всякому; но иногда увлекали его услужливые совѣшники. Онъ не разлюбилъ Ломоносова, и не смошря на черную шѣнь, кошорая легла между ними послѣ Теофанова посѣщенія, всшрѣшилъ его благосклонно.

«Что скажешь, добрый Архангелогородецъ?» спросилъ Архимандришь ласково.

— Ваше Высокопреподобіе! Вы мой благодѣтель: смѣло являюсь къ вамъ съ новою просьбою.

« А я радъ выслушашъ себя.

— Опшусните мене въ Кіевъ, Ваше Высокопреподобіе.

« Въ Кіевъ? а затѣмъ?

— Одинъ годъ поучишься тамъ, посмошрѣшь славнаго въ Испоріи нашей мѣспѣ, и прочешь нѣкошорыя книги.

« Въ Кіевъ!... Не по приказу-ли Высокопреосвященнаго?

— По собшвенному желанію и по благословенію эшого великаго архипашыря. Остаешся шолько вамъ благословишь мене.

« А если я не могу сдѣлашь эшого?»

— Милосшъ Вашего Высокопреподобія неизреченна.

« Оно шакъ, » сказалъ Архимандритъ смягчаясь, » но я не власнешъ одинъ опшусните себя

Ломоносовъ обрашилъ на него глаза съ вопрошающимъ видомъ.

« Да, не власнешъ; для эшого надобно согласіе всей Академіи, надобны особенныя причины; а между шѣмъ, шого и жди, что шы ошашъ спанешъ публично разсказывашъ о своемъ самошванствѣ.

— Ваше Высокопреподобіе! передъ архипашыремъ и въ вашемъ присущствіи изливая свою душу, я не думалъ, что оскорблю кого ни-

будь. Но если я виноватъ , просните меня и прищипите моей неопытности пощупокъ, можете быть, слишкомъ дерзкій. Вамъ извѣстно, что я не былъ никогда доносчикомъ и сплетникомъ. Клянусь Богомъ, что гдѣ-бы ни былъ я, мое глубокое почтеніе къ вамъ не изгладится въ моемъ сердцѣ. Вы можете вѣрить мнѣ, вами облагодѣтельствованному.

« Я и готовъ вѣрить, но сказалъ уже, что одинъ не могу опустить себя. Для этого надобно согласіе Академіи и особенныя побудительныя причины.

— Причина : спросишь моя къ ученью.

« Да, я часомъ слышу объ этой спраши ; но слышу и о другихъ спрашихъ своихъ : мы не уживчивъ съ поварищами, не уважилень къ спаршимъ, дерзокъ съ высшими.

— Въ первый разъ на меня это обвиненіе ! и оно мѣмъ прискорбиѣ, что узнаю о немъ изъ устъ Вашего Высокопреподобія.

« Да, любезный Михайло, я долженъ сказать, что все это говорящъ о тебѣ люди, достойныя вѣры.

— Но сверстники мои до сихъ поръ были по большей части мальчики ; у меня съ ними не могло быть согласія, когда я не игралъ съ ними въ свайку. Учители, благодареніе Богу,

не вписывали меня въ число нерадивыхъ или негодяевъ. Вашему Высокопреподобію извѣстно лучше всѣхъ, соблюдалъ-ли я уваженіе къ старшимъ и къ высшимъ.

« Все это правда, и я вѣрю, что ты малый добрый; но съ нѣкотораго времени, я право не знаю... себя что-то всѣ не любящъ. У себя все такія зашты; ты все хочешь дѣлать самъ, мимо другихъ!

— На кого-же надѣялся мнѣ, Ваше Высокопреподобіе? Я сирь, хотя родишель мой здравствуетъ. — Онъ вздохнулъ. — Позвольте сказать вамъ откровенно: съзидить въ Кіевъ было давнее мое желаніе; но теперь къ этому побуждаешь меня еще и по общее неудовольствіе, которое возбудилъ я противъ себя, не знаю чѣмъ. Не будетъ меня здѣсь, и буря пройдетъ. Оспанется память только о томъ, что было во мнѣ добраго. А черезъ годъ, если допуститъ Богъ возвратишься мнѣ сюда, я предстану съ новымъ смиреніемъ и съ новою опытносью къ умирнымъ временемъ сердцама.

« Виписевапо, виписевапо!» сказалъ съ довольнымъ видомъ Архимандришъ, которому понравилось нѣсколько семинарское краснорѣчіе Ломоносова.

« Хорошо, » прибавилъ онъ, « я предложу объ опускѣ тебя въ Кіевскую Академію, и

надѣюсь, что желаніе швое исполнишь. Сшущай съ Богомъ, Михайло.»

Архимандритъ началъ доканчивашь свой завсракъ, а Ломоносовъ опсправился къ шоваричамъ въ ихъ камеры, и уже съ какимъ-шо опшущуденіемъ глядѣлъ на закопшѣлыя, мрачныя спѣны, среди кошорыхъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Мысль, зараждавшаяся въ его умѣ, обыкновенно шѣснила и гнала опъ него всѣ другія, не споль живыя впечатлѣнія. Кіевъ былъ шеперь новою мѣшою его, и Москва, куда прежде спремались всѣ его желанія, пошеряла прелесць свою для эшого пылкаго ума, для эшой ненасышмой новыми впечатлѣніями души.

Прошло нѣсколько дней. Однажды Ломоносовъ сидѣлъ съ книгою, передъ окномъ, когда ему сказали, что какой-шо пріѣзжій изъ Холмогоръ спрашиваешь его. Сердце вздрогнуло въ немъ, и холодный потъ выспунилъ на челъ, когда онъ вообразилъ, что, можешь бышь, эшо разгнѣванный опецъ шребуешь его передъ свои грозныя очи. Не радосшь, нѣтъ, не радосшь опущилъ онъ при быспрой мысли о свиданіи съ родителемъ: шрепешь проникъ въ его душу, когда онъ вообразилъ справедливо раздраженнаго бѣгсшвомъ его опца, власшь опцовскую, разлуку съ убѣжищемъ наукъ, возвращеніе къ прежнему бышу. . . Все эшо пролешло молніей въ умѣ его. Наконецъ онъ собрался съ ду-

хомъ, тайно сошворилъ молишву къ неизреченному благоспью Богу, и пошелъ къ прїѣз-
 жему.

Онъ ошибся. То былъ не онецъ его, а спари-
 чекъ, мужикъ изъ одной съ нимъ деревни.
 Увидѣвши Ломоносова, онъ всплеснулъ руками
 и просподушно молвилъ :

« О, брагъ Миша, да какой ты оборванный! »

Никогда въ мысль не приходило Ломоносову,
 что, въ самомъ дѣлѣ, среди небогашыхъ шо-
 варищей былъ онъ самый убогій. Всѣмъ казен-
 нымъ воспитанникамъ выдавались ошъ училища
 рубахи и шиковые халашы, для показа въ шор-
 жеспвенныхъ случаяхъ, но въ другое время за-
 сшавляли ихъ носить что у кого было. Изъ
 особенной милосши, а можешъ спашься и по-
 шому, что эшо было уже необходимо, Ломоно-
 сову позволили наконецъ носить выданный за два
 года халашъ, кошорый сдѣлался очень вешхъ.
 Но почши у всѣхъ товарищей его были роди-
 шели или родспвенники, кошорые снабжали
 ихъ обувью и давали имъ иногда деньги на
 пищу, на бумагу и даже на лакомство; а онъ
 долженъ былъ довольсшвовашься однимъ жало-
 ваньемъ, кошорое составляло всего *алтынъ въ*
день; изъ эшого употреблялъ онъ денежку на
 хлѣбъ и денежку на квасъ, осшальное на бу-
 магу, на обувь и на всѣ другія нужды. Такая
несказанная бѣдность, какъ послѣ выразился онъ

самъ , не была замѣшна для него. Онъ жилъ въ поэпическомъ мѣрѣ , и , неуклонно спремьясь къ высокой цѣли , не обращалъ вниманія на свои не-поэпическіе лохмопья , на голодь и нужду , кошорые часпо принужденъ былъ перенѣшь. Восклищаніе земляка вдругъ сняло покровъ съ глазъ его. Онъ какъ будпо въ первый разъ взглянулъ на свою жалкую одежку ; однакожь , безъ всякаго смущенія , подкрѣпленный благородною гордоспью , опвѣчалъ ему :

« Эшо буднипное плапье : у насъ всѣ шакъ ходяптъ по буднямъ .

— Не ужь-шо ? худо-же , браптъ , живье-шо ваше . А я принесъ шебѣ поклонъ опъ родипшеля , Василья Дороеича .

« Скажи мнѣ прежде всего : здоровъ-ли родипшель мой ?

— Родипшель ? слава ше Господи , бапюшко !

« Да какъ шы опыскалъ меня , Пешровичъ ? » спросилъ Ломоносовъ .

— Какъ ? да вѣдь ужь давно знаюптъ въ нашей споронѣ , куда улешѣлъ шы , кормилецъ .

« Зачѣмъ шы здѣсь ?

— Зачѣмъ ? какъ зачѣмъ ? съ шоваромъ приѣхалъ .

« Ну , скажи-же мнѣ , каково поживаешъ родипшель мой ?

— Каково? Да, слава ше Господи, бапюшко! Приказаль мнѣ сказашь шебѣ свое благословенье, да помолишья, чптобы шы не оставиль его на спароспи. Наградиль-де меня Богъ всякимъ добромъ; кровавымъ, дескашь, попомъ нажилъ я всякое довольсшво, а онъ не хочешъ упѣшишь меня, не хочешъ послушашь родипельскаго совѣша и приказанія.

«Теперь ужь поздно ворочашья мнѣ домой, Пешровичъ. Другую часшь избраль я себѣ, и богашсшво опца не воропишьъ меня на родную спорону. Полюбиль я книги, да ученье, а кшо къ нимъ приважепся, шопъ не кормилецъ и не наслѣдникъ опцу.

Такъ говорилъ Ломоносовъ, спараясь бышь вразумишельнымъ для закоренѣлаго невѣжды, своего земляка. Какъ могъ онъ объяснишь ему иначе свое опчужденіе опъ родипельскаго дома?

Топъ слушалъ его разинувъ ротъ, и по сѣверному обычаю началъ опяшь чѣмъ-шо въ родѣ вопроса безъ опвѣша:

— Не кормилецъ? А по чшо?

«Да по то, чшо мнѣ здѣсь лучше и въ бѣдностпи, чѣмъ въ довольсшвѣ у опца.

— Лучше? А сколько добра всякаго у швоего родипеля! Подумай шы, Миша, чшо умрешъ онъ, шакъ все чужіе люди расхишашь.

«Дай Богъ многолѣшія моему почшенному родипелю! О смерши, Пешровичъ, говоришь

нечего, когда еще мы живы и здоровы. Надѣюсь, что молитву мою о здравіи отца услышитъ Богъ. А объ имѣніи его я и не думаю.

— Не думаешь? Да онъ велѣлъ сказать тебѣ, что для тебя-де наживалъ онъ и спрудился; а ты не хочешь милости его принять.

« Не могу, хоша-бы и хошѣлъ. Я какъ монахъ, который обрекъ себя иному образу жизни, для мірекихъ, для семейныхъ прельщеній не возвращусь домой. Скажи это моему родителю; скажи, что я горячо люблю его, всегда поминую въ своихъ молитвахъ, земно кланяюсь ему.

— А домой не пойдешь?

« Не пойду.

Спарикъ не зналъ какъ лучше упрашивалъ его земляка: все краснорѣчіе, всѣ доводы его испожились. И надобно сказать, они были шакого рода, что могли еще больше укрѣпить Ломоносова въ неизмѣнномъ его намѣреніи. Деньги! Довольство! Нажившее отцомъ имѣніе! Какъ все это смѣшно было для него, когда *этимъ* хошѣли уговорить его воротиться домой. Гораздо спруднѣе было ему прошивиться одному, драгоценному слову: *отецъ*. Но уже такъ много раздѣляло ихъ, что возвращеніе къ прежнему было невозможно. Онъ еще разъ приказалъ спарику Пепровичу изъяснить отцу все почтеніе, всю привязанность сына, и спѣшилъ расстаться съ нимъ.

Тяжело вздохнул Ломоносовъ , когда кончилъ объясненіе съ спарикомъ. Любовь къ опцу и даже къ родинѣ воскресла въ немъ : надобно было задушить ее. Прошедши нѣсколько шаговъ къ своему жилищу (они разговаривали посреди широкаго двора Академіи), Ломоносовъ невольно оглянулся , и запрепепалъ , смотря на безобразнаго земляка своего , кошорый ипихо удалялся , опираясь на косшылъ. « Не Асмодейли, въ видѣ эшого человѣка , являлся ко мнѣ со своими обольщеніями ? » подумалъ онъ. « Чего хопѣлъ онъ опъ меня ? Опорвашь опъ свѣна истины и снова повергнушь въ глубину пимы , невѣжесхва ? Для эшого , сначала указалъ онъ на мою нищешу. Да , я въ самомъ дѣлѣ нищъ. Пишаюсь однимъ хлѣбомъ , ношу почти рубище , принужденъ опказывашь себѣ во всемъ. Говоряпъ , Москва веселый городъ ; въ немъ шакъ много людей богашыхъ , кошорые живутъ полько для веселья и радосши ; а я ! . . . я даже не знаю чпѡ шакое значипъ радосшь. Живу сполько лѣпъ въ Москвѣ , и не видалъ въ ней ничего , кромѣ спѣнъ своей школы , кромѣ спѣнъ города . . . Михайло ! Михайло ! развѣ пы не видишь храмовъ Божіихъ ? Развѣ пы не бываешь у свяшыхъ угодниковъ Московскихъ ? Развѣ бѣднось пивоя не спорицею награждаешся знаніями , какія уже приобрѣлъ пы , обрехши себя эшой бѣдноспи ? Прочь , Асмодей , со своими

лукавыми обаяніями! Онъ говорилъ мнѣ еще объ ошцѣ моемъ... добрый, почтенный ошецъ! Я-ли виноватъ, что безъ швоего благословенія бросился я на шопъ пушь, куда съ малыхъ лѣтъ увлекало меня все? Мы не понимали другъ друга; шы не зналъ шого, что было шакъ ясно, шакъ убѣдишельно для меня; шы не зналъ сладости, не зналъ силы просвѣщенія.... Ну, послѣднее убѣжденіе было ужъ недоспойно и Асмодея,» подумалъ онъ и невольно улыбнулся.— «Онъ хопѣлъ обольспить меня деревенскимъ довольспвомъ! Какое счастье! Ёспъ жирные пироги, женишься на какой нибудъ глупой дѣвкѣ, да безпреспанно ссориться съ злою мачихой. Бѣдный ошецъ мой все еще у нея подъ наукой!»

Размышленія Ломоносова прояснились, покуда онъ дошелъ до своей камеры. Начало ихъ было шакое шоржеспвенное, прагическое, а кончилисъ они почти комически. Инаго и не могло произвеспи въ немъ появленіе Архангелогородскаго земляка. Сила воли его побѣдила многія искушенія, которыя шеперь были-бы для него уже спранны, если-бы къ нимъ не примѣшивалось священное имя ошца.

Онъ опяшь забылъ о своей угнепающей бѣдности, опяшь обратился къ своимъ милымъ книгамъ, и совершенно упѣшилъ себя надеждою на лучшее въ будущемъ.

Съ неперѣвнѣемъ ожидалъ онъ рѣшенія Архимандриша. Наконецъ, въ одно утро, его позвали въ конференцію. Тамъ засѣдали Ректоръ-Архимандришъ, Префектъ и почти всѣ учили его.

«Михайло Ломоносовъ!» сказалъ торжественно Ректоръ. «Академія, внявъ просьбѣ моей, изъявила согласіе на пвое желаніе отправишься въ Кіевъ, для слушанія памъ Философіи, Физики и Математики. Она оспашся въ надеждѣ, что извѣстное пвое прилежаніе къ наукамъ оправдаешъ милосливое снисхожденіе ея къ тебѣ, а я увѣренъ, что годъ, кошорый ты проведешъ въ Кіевской Академіи, не будетъ для тебя щещпнымъ временемъ. Содержаніе, во время пуши и пребыванія въ Кіевѣ, будешъ ты получаешъ такое-же, какое получаешъ здѣсь, а случай къ отправленію представляется съ вѣдущимъ завпра-же въ Кіевъ брапомъ Антоніемъ.

Обрадованный Ломоносовъ кланялся и благодарилъ своихъ начальниковъ. Они велѣли ему приготопляшся къ опъѣзду.

Но велики-ли были пригошвления юноши, у кошораго все имѣніе соспавляли нѣсколько книгъ, подаренныхъ ему опъ училища, и двѣ безцѣнныя книги, вынесенныя имъ изъ опечекаго дома!

На другой день ему вручили письменный видъ, родъ рекомендацельнаго письма къ Кіевскому начальспву, да на издержки *три рубля пятьдесятъ копѣекъ*, и поручили его смопрѣнію ошца Анпонія, Кіевскаго монаха, Малороссіянина, кошорый пріѣзжалъ по какимъ-шо дѣламъ въ Москву и шеперь возвращался домой. Тѣлега, запряженная въ одну лошадь, съ сидѣвшимъ напереди усашымъ, сердишымъ Малороссіяниномъ, выѣхала на средину двора. Анпоній прощался съ друзьями и пріяшелями, кошорые осыпали его добрыми напушсшвованіями; наконецъ, послѣ многихъ лобызаній, смиренная шѣлежка показалаь.

Проѣзжая Московскими улицами, Ломоносовъ занималъ свое вниманіе разглядывая городъ, въ кошоромъ онъ жилъ и не зналъ почпи ни одной изъ его достопамятносшей, пошому что спрогосшь школы и собсшвенное прилежаніе приковывали его къ спѣнамъ Законоспасской Академіи. Кремль проблесшѣлъ передъ нимъ своими вѣчно-ясными главами; наконецъ мелькнула заспава; наконецъ скрылись и злашые верхи Москвы, на кошорые часшо оглядывался онъ. Ему спало грушно.

Глава V.

Сопутникъ не могъ развеселить его. Это былъ, что называется, человекъ добрый, но простой и почти безграмотный. Испытанной честности его доверяли многія монастырскія дѣла; любили его за исправность въ порученіяхъ и за веселый характеръ. Но какая могла быть у него бесѣда съ Ломоносовымъ? Одинъ зналъ по, о чемъ другой не имѣлъ понятія. Нѣсколько разъ пытался юноша заводить рѣчь о достопамятностяхъ Кіева, о библіотекахъ тамошнихъ, объ ученыхъ людяхъ: сопутникъ его не вѣдалъ объ этомъ, и на оборотъ, когда поэтъ начиналъ говорить о сѣнокосахъ, угодахъ монастырскихъ, о доходахъ и преимуществахъ разныхъ обителей, поварищъ не понималъ его. Однакожь они ѣхали мирно, весело, каждый думая о своемъ. Отецъ Антоній часно подшучивалъ надъ Малороссіяниномъ, который исправлялъ должность извозчика. Это въ самомъ дѣлѣ былъ прелюбопытный оспапокъ

пѣхъ казаковъ, о кошорыхъ и нынѣ вздыхають жипели прежней Гепманщины. Для него каждый Малоросеянинъ былъ первое лицо въ мѣрѣ, а пошому и самъ онъ почиталъ себя, въ качествѣ Малороссеянина, чѣмъ-шо очень значительнымъ. Угрюмоспѣ, сродная всѣмъ кореннымъ Малороссеянамъ, изглаживалась въ немъ только доброю кваршою вина, и тогда-шо онъ дѣлался инымъ человекъ, рассказывалъ о баснословныхъ подвигахъ своихъ любимыхъ героевъ, пѣлъ казакскія пѣсни, вздыхалъ, и часшо даже плакалъ о сшаринѣ.

Сначала все эшо занимало сѣвернаго урожденца, кошорый видѣлъ себя среди новой природы и новыхъ людей; но вскорѣ, невѣжештво, окружавшее тогда весь южный край Россіи, сдѣлалось для него несстерпимо, а пошомъ и природа, невинная няня шамошнихъ жипелей, не понравилась ему.

« Эшо ни зима, ни лѣшо! » думалъ онъ, глядя на пестрые дни весны. « То-ли дѣло въ нашемъ дальнемъ сѣверѣ: прешъ года пламентешъ лѣшо, и пошомъ выразишельно насшпаешъ зима, не меньше лѣша мужешшвенная. Переходы временъ года у насъ рѣзки; весна кончштся въ при недѣли, и сама предшавляешъ дивную борьбу силъ природы: снѣга превращаюпся въ рѣки, и водопадами хлещушъ съ горъ; рѣки и море раздвигаюпся съ громомъ, шакъ-же какъ

громко и поржешвенно зазирають ихъ осенью льды.»

Онъ ждалъ опдыха чувспву при взглядѣ на города, но не умѣлъ опличить ихъ опъ деревень; ждалъ по крайней мѣрѣ пріятнаго впечатлѣнія подѣзжая къ Кіеву, и взоромъ искалъ величешвенныхъ громадъ, подобныхъ сколько нибудь Москвѣ. Но, какъ нарочно, время было шуманное, лошадь ихъ выбилась изъ силъ по пескамъ, и везла шакъ шихо, что ночь заспала пушешественниковъ еще на дорогѣ, въ нѣсколькихъ верспахъ опъ Кіева: они вѣхали въ городъ поздно, въ шемношѣ, и не видали ничего, покуда шѣлега не опшановилась передъ довольно огромнымъ зданіемъ.

Послѣ долгаго ожиданія, Ломоносова ввели въ какую-шо обширную комнапу, гдѣ храпѣло нѣсколько человѣкъ служишелей. Ему указали скамью и посовѣшовали опдохнуть опъ дороги.

« Неужели здѣсь опяшь начну я жизнь, шакую-же какъ въ Заиконоспасскомъ монаспырѣ?» подумалъ онъ. Но дѣлапъ было нечего. « Не привыкапъ мнѣ спашъ на голой доскѣ, » прибавилъ онъ мысленно, свернулся, и заснулъ.

На ушро его разбудилъ говоръ и спукъ служишелей, кошорые безъ церемоній принялись за свои заняпія: одинъ мелъ комнапу, другой носилъ дрова, шрешій посшукивалъ, вколачивая

гвозди въ чоботы; оспальные выходили и приходили. Спать было не лзя. Ломоносовъ вспаль, помолился Богу, и выщель во дворъ. Тупъ увидѣлъ онъ почти шо-же, чпò можно видѣшь во всѣхъ монашьяхъ Русскихъ: подлѣ спѣнь длинныя ряды жилыхъ покоевъ, посреди церковь, и вѣчный служба въ своей пѣсной кануркѣ подлѣ ворошь. Прївзжій спросилъ объ ошцѣ Антоніи; ему ошвѣчали, что онъ у Архимандрита.

Тоска запала въ душу Ломоносова. Бродя по двору, онъ думаль, какъ сходно эшо начало съ пѣмъ, чпò видѣлъ онъ въ Москвѣ. То-же сиропство, шо-же одиночество среди людей; холодность и невниманіе одинаковы. « Да гдѣ-же люди, съ копорыми была-бы у меня одна мысль, одно желаніе?» подумаль онъ и ошановился.

— Михайло! Михайло! — кричалъ ему знакомый голосъ. Эшо былъ монахъ Антоній. — Къ ошцу Архимандриту! — сказалъ онъ и движеніемъ руки велѣлъ ему слѣдовать за собой.

Дверь въ комнату Архимандрита распворилась: посреди комнаты споялъ невысокій, худощавый человекъ. Проницательные глаза, умная физиогномія, живость во всѣхъ движеніяхъ ошличали его. Онъ сказалъ опривисшо:

— Будь здоровъ! Ты изъ Москвы?

« Точно такъ, Ваше Высокопреподобіе.

— Учишься къ намъ? Покажи свидѣтельство.
Ломоносовъ подаль ему бумагу. Архимандритъ прочиталъ ее.

— Ты желаешь вступишь въ *Большую братію*?

« Я желаю учиться здѣсь Философіи, Физикѣ, и Математикѣ.

— Ну, да! Философія и Богословіе принадлежатъ *Большому братству*. Развѣ ты не знаешь, что учащіеся раздѣляются у насъ на *Братію большаго и малаго собранія*, *Sodales majoris et minoris congregationis*. Въ Большое братство вписываются только тѣ, которые обучаются Богословію и Философіи, а въ Меньшее учащіеся Риторикѣ, Поэзіи и разнымъ языкамъ. Искренне-ли ты въ эсихъ послѣднихъ знаніяхъ?

« Япъ лишьъ учился я, почти исключительно эсимъ предметамъ.

— Слѣдовательно знаешь ихъ?

« Знаю.

— Такъ испытанія не нужно: успѣхи могутъ оправдать свои слова. Черезъ недѣлю назначенъ диспутъ: явись туда. А между тѣмъ поди со своею бумагою къ Префекту Старшаго братства.

Ломоносовъ явился къ Префекту. Тотъ, вмѣстѣ съ *Ассистентами*, прочиталъ его бумагу,

передалъ ее *Секретарю*, и черезъ нѣсколько часовъ Ломоносовъ былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ *Большою братією*.

Новые брашья его были всѣ уже зрѣлые юноши; многіе даже болѣе нежели мужеспвенныхъ лѣтъ. Смѣсь ихъ удивила прїѣзжаго сѣверянина: онъ нашелъ шущъ немногихъ чисто-Русскихъ, и множество Малороссіянъ, копорые говорили своимъ особеннымъ нарѣчіемъ, смѣшаннымъ съ Польскими словами. Въ большомъ упопребленіи у нихъ былъ языкъ Лапинскій. Ломоносовъ свободно изъяснялся на немъ, и попому говорилъ съ ними больше по-Лапини.

Вскорѣ общесшво эшихъ людей не понравилось ему. Вмѣстѣ съ немногими благонравными, умными людьми, онъ видѣлъ шолпу лѣнивыхъ, безпечныхъ, буйныхъ юношей, и все что впослѣдствіи описалъ съ шакою испиною Нарѣжный въ своемъ *Бурсакѣ*, было передъ глазами Ломоносова. Въ часы опдыха, и еще болѣе по ночамъ, они выходили на разныя проказы: опусшошали огороды, пускались за городъ, пѣли шамъ пѣсни, декламировали — дѣлали многое и хуже. Рѣдко проходило имъ эшо безъ наказанія, и розги были необходимою принадлежноспью ученья для проказливыхъ бурсаковъ.

Благонравный, чиспый душою Ломоносовъ не шолько не вмѣшивался въ ихъ шалоспи, но и получилъ еще новое опвращеніе опъ безпуш-

шва, которое являлось шупъ въ самомъ красивомъ видѣ.

За нѣсколько дней до диспуша, всѣ, даже шалуны, прилежно занялись приготовленіями къ нему. Надобно сказать, что въ Кіевской Академіи искони было введено ученіе самое классическое, чтобы не сказать схоластическое. Тамъ щцщательно учились языкамъ Латинскому и Греческому, а въ Философіи ограничивались искаженнымъ Аристотелемъ, и разбирали способности души человѣческой какъ механическую игрушку.

Ломоносовъ съ любопытствомъ ждалъ состоянія Кіевскихъ умовъ, и самъ думалъ вмѣшаться въ споры; впрочемъ, онъ помышлялъ объ этомъ съ робостью, потому что въ Москвѣ рѣдко бывали торжественные диспушы, да и не славились они такъ какъ Кіевскіе.

Собрано было все Большое братство; шупъ присушествовали также: Ректоръ, Архимандритъ Амвросій Дубневичъ, Префектъ, Іеронимъ Милкевичъ, и всѣ учители, въ числѣ которыхъ были извѣстные впоследствии Сильвестръ Кулябка и Михайлъ Козачинскій. Диспушъ долженъ былъ происходить о *философическихъ матеріяхъ*. На средину собранія вышелъ одинъ изъ опытныхъ диспутантовъ, поклонился на всѣ стороны, и громко сказалъ:

« Я ушверждаю, что блаженства жизни человеческой ни какія мученія опнятъ не могутъ, и, какъ Перипапешики говорятъ : *блаженная жизнь можетъ войти съ словѣкомъ въ Фаларидова быка.* »

Онъ поклонился еще разъ и ожидалъ оспориваній : они не замедлили.

Выступилъ длинноволосый, длиннолицый человекъ изъ толпы, и началъ :

« Сей быкъ былъ сдѣланъ изъ мѣди, внутри пощъ; Фаларидъ запираетъ въ него людей, и подложивъ огонь, безчеловѣчно ихъ мучилъ. Тѣло спрадало при семъ; но древняя мудрость говоритъ : *Mens sana in corpore sano.* Блаженство разумѣемъ конечно не одно шѣлесное, плопское, а шoliko-же и душевное; *но лишь въ здоровомъ тѣлѣ здоровый бываетъ умъ*, а въ Фаларидовомъ быкѣ было худо уму, поелику шяжко было шѣлу; кошорое, спрадая, лишаетъ и умъ здравія, каковое для ума и души называется блаженствомъ. »

— Это ясно! ясно! — сказали многіе.

Предложившій шему отвѣчалъ :

« *Tenue est mendacium ; perlucet, si vel minimum diligenter inspexeris* (*), говоритъ Сенека.

(*) Ложь уверплива; но она видна насквозь, если разсмотримъ ее внимашельно.

По моему мнѣнію, Перипапешики и древніе Академики пускай говорятъ свободно, не обвиняюсь, что блаженство жизни въ Фаларидова быка войдши можешъ. Подлинно, что болѣзнь кажется бытъ жестокая добродѣтели непріятельница. Сія на оную пламень возжигаетъ; сія мужество, великодушіе и перпѣніе ослабишь грозится. И пакъ или уже побѣждена будешъ ошъ ней добродѣтель? Никакъ, блаженная и постоянная жизнь премудраго мужа ей уступитъ? о Боже мой! Коль-бы скредно сіе было.

— *Приступъ и парафразисъ хороши* — сказалъ Префектъ.

«*Парафразисъ съ прикиною,*» поправилъ его Ректоръ Дубневичъ.»

«Нужны-ли примѣры?» продолжалъ диспутантъ. «Спаршанскія малыя дѣши бичами жестоко перзаемы, болѣзнь сносятъ безъ сненанія. Взрослыхъ юношей множество видѣлъ въ Лакедемоніи самъ Цицеронъ, какъ между собою съ невѣрояпною перепужностью бьются кулаками, пяпами, ногшями, зубами, и лучше хопшатъ бытъ до смерти убишы, нежели сказать, что ихъ одолѣли. Кое варварство ешь грубѣе и дичае Индіи? Но во всемъ народѣ, которые премудрыми называюпся, вѣкъ живущъ наги; Кавказскіе снѣги и зимніе пуши безъ бо-

лѣзни сносятъ, и прикоснувшись пламени, безъ спенанія ожигаюся. Женщины въ Индіи, когда ихъ мужъ умреть, спорятъ между собою, копорую онъ любилъ больше, ибо одинъ мужъ много женъ имѣеть; копорая въ спорѣ побѣдитъ, па въ провожаніи своихъ сродниковъ съ веселіемъ на косперъ восходитъ, и съ мужемъ своимъ сожигается; побѣжденная опходитъ печальна. Нашуры никогда-бы обыкновеніе не преодолѣло, ибо она всегда естъ непобѣдима; но мы пѣнью мнимаго добра, роскошми, покойнымъ жишіемъ, слабоспью и лѣнивспвомъ духъ свой заразили. Обыкновенія Египтянъ кшо не знаешь? копорые имѣя собспвенными заблужденіями наполненную голову, всякое мученіе прежде понесши могутъ, нежели цаплъ, или змѣй, или кошкѣ, или собакѣ, или крокодилу учинятъ какое поврежденіе, и ежели что имъ не нарочно сдѣлають, однако ни опъ какого за то наказанія не опрекутся. Но сіе говоримъ о людяхъ. Чшо-же несмысленныя жившныя? Не претерпѣвають-ли спужи и голоду? не сносятъ-ли по лѣсамъ и по горамъ спруднаго спранспвованія? не защищають-ли своихъ дѣшей, принимая раны, никакихъ спремленій, никакихъ ударовъ не ужасаясь? Не упоминаю коливо сносятъ и коливо шерпятъ кичливые для чесши, любящіе похвалу для славы, возженныя любовію для слаши.»

Въ кругу учителей замѣтно было неодобрительное движеніе при послѣднихъ словахъ.

Диспушантъ продолжалъ :

« Жизнь человѣческая полна такихъ примѣровъ. Даспъ, испинно даспъ себя на мученіе блаженная жизнь, и послѣдуя правосудію, воздержанію, а паче всѣхъ мужеству, великодушію и перпѣнію, не оспановишся возрѣвъ на лицо мучишелево. И когда всѣ добродѣтели съ нею на мученіе пойдушь, не успрашишся, и передъ шемничными дверьми не оспанешся; ибо что скареднѣе бышь можешъ, и что безобразнѣе, ежели она одна оспавлена, и опъ сего шолликаго сообщества ошлучена? Но ни коимъ образомъ сіе спашся не можешъ, ибо ни добродѣтели безъ блаженнаго жившя, ни блаженной жизни безъ добродѣтелей бышь невозможно.

« И шакъ, оной опъ себя не опшущаешъ, но повлекушь съ собою, къ какой-бы онѣ болѣзни и мученію приведены ни были. Ибо свойшвенно ешь премудрымъ ничего не дѣлаешъ, о чемъ-бы они послѣ каились; ничего въ неволю, но все прехвально, посшоянно, важно и чеспно; ничего шакъ не ожидаешъ, какъ необходимо бышь имѣющаго, и все что случаешся, шому не удивляешся, какъ нечаянному и новому. »

— Убѣдительно и сильно! — воскликнулъ Префектъ.

« И какая полная хрія! — примолвилъ учитель Ришорики. — Замѣтили-ль, свяшой ошець, какъ искусно расположены были: *Приступъ, парафразисъ съ пригиною, примѣры, противное и заключеніе?*

— Недоспаешъ, кажешся, полько часши свидѣтельства. Но похвально, похвально — сказалъ Префекшъ.

Новый прошивникъ выступилъ прошивъ диспушанпа и началъ шакъ:

— Несомнѣнно ешъ, какъ шому бышь надлежишъ, чшо блаженшво не искореняешся ниже огнемъ, мученіями, ниже спраданіемъ каковымъ либо. Но Фаларидовъ быкъ, примѣръ и шема первые, не согласуюшся съ послѣдующими, или, яснѣе, шема и присшупъ не совмѣшны съ заключеніемъ, поелику ввергнушый въ мѣдянаго Фаларидова быка мгновенно испускалъ духъ, ишжаривался и превращался въ нѣчшо шакое натуральное, копорое ни силъ душевныхъ, ниже добродѣшелей имѣшъ не могло. А спраданіе единое не ешъ еще добродѣшель. *Nemo de miserâ vitâ gloriari potest.*

« *Adsuesce et dicere verum et audire!* » (*) съ жаромъ воскликнулъ диспушаншъ. « Не объ умершвлломъ человекѣ, но о живомъ предшав-

(*) Научись и говоришь и выслушивашъ ишпину.

ляемъ себѣ. Таковъ сочувствуетъ блаженству въ Фаларидовомъ быкѣ, примѣръ, издавна приводимомъ знаменитѣйшими писателями Древности.

— Въ историческихъ сказаніяхъ находимъ извѣстіе о семъ безчеловѣчномъ мучителѣ — сказалъ оспоривающий. — Но орапоры Древности не приводили въ примѣръ сего пагубнаго ипиранства.

«Орапоры Древности приводили его не разъ въ примѣръ,» возразилъ диспутантъ.

— Сіе невозможно естъ — сказалъ оспоривающий. — Примѣръ историческій не всегда естъ доказательство философическое.

«Мы не встрѣчали сего примѣра,» прибавили двое другихъ.

— Можеть быть онъ и встрѣчается, но не въ великихъ наставникахъ Древности.

«Напротивъ!» рѣзко сказалъ диспутантъ. «Нужно-ли доказательство вамъ?»

— Несомнѣнно необходимо, ибо какъ иначе оцѣнимъ примѣръ? — ошвѣчали нѣсколько головъ.

«Мы теперь въ области не Краснорѣчія, а Философіи,» сказалъ диспутантъ. «*Fac ut principii consentiant exitus* (*).

(*) Началу пусть соответствуетъ конецъ.

— Подражаніе законъ всѣхъ наукъ и художествъ — возразилъ длиннолицый. — Подражаніе авторамъ, въ расположеніи и изобрѣшеніи мыслей, едва-ли не больше нужно, нежели самыя лучшія правила.

« Умолкните-же и не осуждайте сами себя! » возгласилъ диспушаншъ, « Не хочу присвоивать себѣ чужаго. Homo justus nihil cuiquam, quod in se transferat, detrahit (*). Всѣхъ распространенныхъ мною въ видѣ хриіа доказательствъ, находящихся буквально въ Тускуланскихъ *Запросахъ* Цицерона, въ книгѣ 5-й.

Общее одобреніе слѣдовало за эшимъ неожиданнымъ доказательствомъ. Споръ еще продолжился было о томъ, для чего защищавшій перевелъ свои доказательства изъ Цицерона; но такое *подражаніе* считалось истиннымъ совершенствомъ (самъ Ломоносовъ послѣ дѣлывалъ это), и противники диспушанша вскорѣ умолкли, внутренне приспѣянные шѣмъ, что не знали автора, надъ кошорымъ корпѣли сполько лѣтъ. — Да, погда изучали авторовъ Латинскихъ, какъ послѣ изучали у насъ Французскихъ стихотворцевъ, и совершенствомъ образованности почивалось знаніе наизусть всѣхъ

(* Правдоушный не похищаетъ, у кого-бы то ни было, ничего, для присвоенія себѣ.

ораторовъ , какъ послѣ у насъ знали Французскихъ спихотворцевъ великаго вѣка. Привычка къ заимствованіямъ господствовала тогда для Лапінцевъ, какъ послѣ для Французовъ.

Ломоносовъ не спорилъ на эпомъ диспутъ ; не спорилъ и на другихъ, потому что здравый умъ его былъ не доволенъ такимъ философствованіемъ, гдѣ все дѣло заключалось въ словахъ. За то онъ прилежно посѣщала лекціи преподавателей Философіи, и, къ удивленію своему, также не былъ доволенъ ими. И сама Философія походила на то, что слышалъ онъ во время диспуша. Онъ хощѣлъ прилежнѣе заняться Математикой и Физикой, но ихъ не преподавали въ Кіевской Академіи. Послѣ этого, удостоверившись, что поѣздка его въ Кіевъ была неудачною попыткою, онъ ходилъ на лекціи только для вида, и большую часть времени посвящала чтенію книгъ церковныхъ, Греческихъ и Лапінскихъ. Особенное вниманіе его обратили на себя Русскія лѣтописи, копорыхъ нашелъ онъ въ Кіевской библіотекѣ много списковъ. Пылкая голова его всегда искала познаній, истины, но по временамъ была занята однимъ какимъ нибудь предметомъ : теперь пришла очередь Русской Испоріи, копорая уже и въ Москвѣ приковала его къ себѣ на нѣсколько времени.

Это естественнo привело его къ изслѣдова-
нію мѣстностей Кіева, гдѣ совершались главныя
событія нашей старой Исторіи. Бродя по бе-
регу Днѣпра, онъ вспоминалъ, онъ воображалъ
то время, когда Великій Владиміръ торже-
ственно принялъ Христіанскую вѣру и въ бла-
годушныхъ спруяхъ Днѣпра омылъ Рускихъ
опъ язвчествъ. Онъ предсвлялъ себѣ свирѣ-
паго Свяшополка, мужественнаго Ярослава, и
долгую распрю Князей, раздѣлившую наконецъ
Русь. И вошь, померкла жизнь старой Руси!
невѣдомые пришлцы овладѣли обширными зем-
лями ея, испребили жипелей; Русь оставалась
въ немногихъ уцѣлѣвшихъ. Прошли сполѣшія,
и древнее величіе Кіева исчезло. Русь цвѣтеть
новою жизнью, но уже не на берегахъ Днѣпра
сердце ея: оно подлѣ смиренныхъ водъ Москвы,
оно у величавыхъ береговъ Невскихъ. Сколько
событій совершилось для такого измѣненія
Россіи! И Ломоносовъ пщательно спарался
вникнуть въ Исторію своего отечества. Но
бѣдность источниковъ ея и пылкость соб-
ственнаго характера мѣшали ему. Кришика
Русской Исторіи еще не зараждалась тогда, а
его умъ не былъ предназначенъ создать ея.

Въ Кіевѣ былъ во время Ломоносова испин-
ный покровитель просвѣщенія, Архіепископъ
памошній, Рафаиль Заборовскій. Труды его
только еще начинались: онъ переспраивалъ

Академіческія зданія, учреждавъ новыя классы, распроспранялъ ученіе прежнихъ, ходашайспововалъ о поощреніи учащихъ и учащихся. Сопрудникомъ его былъ Ректоръ Академіи, Амвросій Дубневичъ, которій получилъ первый въ эпомъ званіи санъ Архимандрита. Но могъли Ломоносовъ, бѣдный пришлецъ, имѣть доступъ къ эшимъ особамъ? Онъ былъ далеко отъ нихъ. Ближе узналъ онъ Сильвестра Кулябку, одного изъ преподавателей, которій почитался философомъ. Но эшотъ достопамятннй проповѣдникъ и ученый человекъ былъ всегда сполько занятъ, прудами въ наспоящемъ и планами въ будущемъ, что не могъ обращать особеннаго вниманія на Ломоносова, хопя и опличалъ его за умъ и свѣдѣнія.

При шакомъ опчужденіи людей, Ломоносовъ съ радосшю замѣнилъ одного юношу, поже учившагося въ Академіи, но еще въ *Маломъ братствѣ*. Эшо былъ знаменишнй, впослѣдствіи Георгій Конискій, а погда молодой дворянинъ, Нѣжинскій уроженецъ, исполненный дарованій, высокихъ чувствъ и ума. Онъ съ особеннымъ прилежаніемъ занимался Пипикою и самъ писалъ списхи. Назначая себя къ духовному званію, онъ опличался нравспвенностью самою спрогою, посвящая въ досуги чтенію въ библіонекѣ, и шупъ-шо сблизился съ Ломоносовымъ. Однажды завязался у нихъ разговоръ.

— Послушай, Ковискій — сказалъ Ломоносовъ. — Неужели ты хочешь кончить здѣсь свое ученіе ?

« Надѣюсь, если поможетъ Богъ. »

— Но эта преданность согласна-ли съ твоимъ желаніемъ ?

« А почему-же нѣтъ ? »

— У насъ въ Москвѣ учать лучше.

« Зачѣмъ-же ты пріѣхалъ сюда ? »

— Мнѣ много наговорили о здѣшней Академіи; да я и не раскаяваюсь: все-таки я увидѣлъ Кіевъ, узналъ здѣшнее ученье. Но я не останусь здѣсь долго.

« Почему-же ? »

— Потому что я опущенъ только на годъ; да сверхъ того, я пріѣхалъ сюда учиться Математики, Физики, Философіи, и не нашелъ здѣсь этого. Философія у васъ—пустыя словопрениа; Математикой и Физикой почти вовсе не занимаются.

« Вошь, видишь-ли, какое у насъ разное направленіе! Ты любишь почныя науки, а я люблю легкокрылую Поэзію, сладкогласное Краснорѣчье; для этого здѣсь пособій много. »

— А развѣ ты думаешь, что я не люблю Поэзіи? Но я желалъ-бы писать стихи *по-Русски*, говоришь рѣчи *по-Русски*. Возможно-ли это? У насъ нѣтъ ни языка, ни правилъ для Стихотворства и Краснорѣчья.

«Говариваль-ли ты объ эшомъ съ нашимъ Козачинскимъ?»

— Чпò мнѣ говоришь съ нимъ! Да и неужели ты почищаешь его великимъ чловѣкомъ?

— Не великимъ, а умнымъ, краснорѣчивымъ. Я имѣлъ случай прочесть его *Теорію панегириковъ*: хорошо! Только не понимаю, какъ хочешь онъ, чшобы говоришь рѣчь по наукѣ? Я думаю, для эшого надобно что нибудь другое.

«Нѣтъ, любезный Конискій! ты еще слишкомъ молодъ и поному говоришь шакъ. Подражаніе, подражаніе древнимъ орашорамъ — вошь единое средство Краснорѣчію. Если мнѣ случится говоришь когда нибудь рѣчь, я спану всячески подражаю Цицерону.

— А я нѣтъ! я хочу самъ бышь Цицерономъ! — пылко воскликнулъ Конискій.

Они оба засмѣялись и Ломоносовъ сказалъ:

«Какъ далеко залешѣли мы! Я хочу подражаю Цицерону, а ты и самъ бышь Цицерономъ.

— Шушки въ сторону. Скажу тебѣ пайну души моей. Я стараюсь всевозможно изоощришь свой умъ науками, изучишь правила Краснорѣчія и самому научишься произносишь орашорскія рѣчи, для шого чшобы дѣйшвовашь на умы, ко благу Церкви и нашей православной Императрицы. Говоряшъ, что въ наше время Краснорѣчію шѣсно поприще. Но посмотри

что дѣлается съ нашими братьями въ Польшѣ: Уніаты, Каполики припѣсняють, оскорбляютъ ихъ. Я хочу защищать ихъ *словомъ*, потому что не могу гремѣть оружіемъ противъ гонителей нашей Церкви. Въ устахъ оратора, истиннаго оратора, слово шакъ-же сильно и спрашно, какъ мечъ въ десницѣ воина.

Ломоносовъ смѣялся надъ Конискимъ, почитая его пылкимъ мечшашелемъ. Онъ еще не зналъ, какіе громы будущъ лепашъ нѣкогда изъ устъ этого защитника православныхъ! Онъ не зналъ, что изъ пылаго юноши образуется краснорѣчивѣйшій Русскій ораторъ, которій будешъ прогашъ и услаждашъ Царей.

Между тѣмъ, вскорѣ Ломоносовъ рѣшишельно спашъ скучашъ въ Кіевѣ и просишъся назадъ въ Москву. «Что мнѣ пушъ дѣлать?» думалъ онъ. «За тѣмъ-ли я пріѣхалъ сюда, чтобы слушашъ ихъ словопренія? Нечему научишъся мнѣ у нихъ, если и здѣсь не вижу я своей любимой науки о природѣ. Поѣду назадъ, въ Москву. Тамъ скоро долженъ кончишъся курсъ моего ученія. А послѣ него увидимъ.»

Съ такими мыслями, онъ изъявилъ желаніе возврапишъся въ Московскую Академію. Его не удерживали. Нашлись какіе-то сопушники и онъ опправился съ ними, по шой-же дорогѣ, по копорой ѣхалъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Такимъ образомъ, въ Кіевѣ Ломоносовъ не про-

быль и году. Онъ совершенно разочаровался шамъ опъ всѣхъ надеждъ, съ какими ѣхалъ впередъ, и оставилъ безъ сожалѣнія Кіевскій разсадникъ наукъ. Только добраго, пылкаго Конискаго жаль было ему осшавишь, можешъ бышь для того чшобы уже болѣе не свидѣться съ нимъ. Пуши эшихъ двухъ необыкновенныхъ чловѣкъ были различны.

Глава VI.

Ломоносовъ возвратился въ Москву съ нѣкоторою робостью : онъ боялся встрѣишь прежнія недовольныя лица своихъ наставниковъ , не охотно опнуспившихъ его въ Кіевѣ. Друзейповарищей у него не было ; а безъ нихъ кому встрѣишь и успокоишь прїѣзжаго ? Однакожь онъ пошчасъ увидѣлъ , что опасенія его были напрасны. Въ это время , и Рекпоръ и Префектъ были новые, очень хорошо расположенные къ нему, пошому что имя Ломоносова уже славилось въ Академіи , шакъ , что когда онъ явился къ новому Префекту, Антонію Кувичицкому, этошъ почтенный человекъ встрѣишилъ его съ радушнымъ видомъ , и началъ говорить какъ съ старымъ знакомымъ.

— А! Г. Ломоносовъ ! здравспвуй, любезный другъ , здравспвуй ! Скоро , брашъ , возвратился ты.

«И жалію, что не послушалъ шѣхъ, кошорые не совѣшовали мнѣ ѣздишь въ Кіевъ.»

— А что? развѣ себя дурно приняли памъ?

« Нѣшъ, я благодаренъ наставникамъ и властямъ Кіевской Академіи; но я имъ, а они мнѣ были чужды.

— Ошъ чего-же шакъ?

« Философическій кругъ ихъ ученія не былъ для меня удолелпворипшеленъ, а наукамъ словеснымъ я не училса памъ, потому что проходилъ ихъ здѣсь. Я ѣхалъ особенно для Математики и Физики, а именно эшихъ наукъ нѣшъ въ Кіевской Академіи.

— Чѣмъ-же шы занималса памъ?

« Ходилъ на философическія лекціи, на диспушы; а больше всего чилалъ книги въ Академической библіопекѣ.

Префекшъ началъ распрашивашъ его; Ломоносовъ опшѣчалъ, хвала многое, умалчивая о многомъ, и особенно превозносилъ попеченія Преосвященнаго Рафаила о наукахъ, просвѣщеніи, и благочиніи. Довольный его разсказами, Префекшъ сказалъ наконецъ:

— И шакъ, шы поспушаешъ шеперь въ Ришорическій классъ, къ ошцу Порфирію Крайскому. Надѣюсь, что будешъ училса по прежнему, шо есть хорошо.

« Постараюсь удвоилъ силы, чшобы оправдашъ милосптивное вниманіе ваше.

— А былъ-ли шы у Архимандриша?

« Нѣшъ еще.

— Иди-же, съ Богомъ, къ нему.

Явившись къ Архимандриту, Ректору Спешану Калиновскому, Ломоносовъ нашель у него приємъ сполько-же радушный какъ и у Префекша. Ректоръ далъ ему нѣсколько наславле- ній пашырскихъ, и благословиль на новыя шруды.

И вошь Ломоносовъ оиашъ въ Москвѣ, въ прежнемъ жилищѣ, какъ будшо не вѣдвши въ Кіевъ!

Въ эшо время онъ узналъ одного замѣчательнаго человекъ, Даніила Сѣченова, копорый училь въ Академіи Лапинскому слогу, и еще не былъ посприженъ. Даніиль опличался опкрышымъ умомъ, ученосшью и рѣзкимъ краснорѣчіемъ. Для усовершеншвованія себя въ Лапинскомъ слогѣ, Ломоносовъ спалъ учисья у него, и шущъ-шо понялъ глубокую душу эшого человекъ, кошораго онъ прежде зналъ поверхношно. Показывая наружное презрѣніе къ почесямъ, Даніиль былъ гордъ собшвеннымъ достоиншвомъ. Въ разговорахъ съ Ломоносовымъ, онъ изъвлялъ высокія надежды на будущее.

«Трудъ и добро не ошанушя безъ награды!» говаривалъ онъ. «Я шружусь шеперь; награда буденъ послѣ. Можешъ бышь мы вспрѣшимся съ шобой, Михайло, на иномъ поприщѣ и въ

инныхъ обшояпельшвахъ. Между шѣмъ , прудись , другъ мой.»

Ломоносовъ усердно слѣдовалъ эшому совѣту , прудился , и оказывалъ пакіе успѣхи , которые не могли бытъ не опшичены . Вскорѣ начали его шавишь въ примѣръ другимъ , и не шолько за одни знанія , но и за поведеніе , чистое , безупречное , смиренное и вмѣстѣ благородное .

Но шаково сердце челоѡка , рожденного съ пламенными спрасшиями : Ломоносовъ скучалъ однообразіемъ жизни и заняшій своихъ ! Часпо , среди самыхъ пылкихъ изученій , онъ невольно покидалъ книгу и сѣшовалъ на неудовлешворишельность своего направленія . Дѣлишься думами было ему не съ кѣмъ ; онъ разсуждалъ самъ съ собой .

« Когда-же кончится эша монаспырская , зашворническая жизнь ? Скоро-ли найду я пищу всѣмъ способностямъ ума , и волю для своихъ заняшій ? Добры , благодѣшельны мои насшавники ; но я начинаю видѣшь односторонность въ ихъ учености и въ ихъ направленія . Они опреклись опъ міра , а я хочу дѣйспшовать въ немъ ; они идущъ къ своей цѣли , а я (кто знаетъ ?) , можешъ бытъ удаляюсь опъ моей ! Пора , пора осшавишь мнѣ эшопъ монаспырскій міръ и бытъ въ кругу людей , ученыхъ не для кельи . Неужели нѣтъ учености свѣшской ?

Сполько лѣпшѣ ищю я средспвѣ для заняшій науками математическими, и не нахожу ихъ. Право, если-бъ у меня были крылья, полетѣлъ-бы куда нибудь за моря: можешь бышь памъ ешь училища, о кошорыхъ вздыхаю шеперь въ спѣнахъ монастыря.»

Но онъ вскорѣ одумывался, находилъ свои мысли дерзкими, раскаявался въ нихъ, и принимался за прежнее ученѣе.

Зимою 1734 года, неожиданно посѣщилъ его спарый пріятель и невольный благодѣтель Пименъ Никишичъ. Ломоносовъ съ удовольствіемъ увидѣлъ челоувѣка, кошорый зналъ опца его, и былъ для него самого хоша мгновеннымъ пушеводцемъ на поприщѣ жизни; но непріятное чувство пробудилъ онъ въ душѣ Ломоносова, когда началъ слѣдующее нападеніе:

— Такъ-шо, брашъ, Михайло, пакъ-шо; живемъ, живемъ, да и свидимся; шолько жаль, чпо дѣлишки-шо швои все плохи. Не наскучила-ли шебѣ эша горькая жизнь?

«Почему-же, Пименъ Никишичъ, вы называете ее горькою?»

— Да какъ-же, брашець! посмопри шы на себя.

«Слава Богу, я здоровъ.»

— Здоровъ, да въ лохмопьяхъ, да пишаешься хлѣбомъ съ водицей.

«Здѣсь не Курооспровская волость; моря нѣтъ, а въ Москвѣ рѣкъ рыбы мало,» сказалъ усмѣхаясь Ломоносовъ.

—То-шо, брашъ, шо-шо. Эхе, хе! . . . сберись-ка ты съ умомъ, да ворошись домой, къ опцу.

«Зачѣмъ? Чшобы слышашъ брань злой ма-чихи? . . . Бишь-шо себя шеперь я ужъ не поз-волю!»

—Да и она не спанешъ бишь, какъ у тебя будешъ молодая жена. А какую красавицу я высвапалъ-бы шебѣ!

«Благодарю васъ за дружбу, Пименъ Никипичъ! Но гдѣ мнѣ, бѣдняку, думашъ о женишьбѣ!»

—Бѣденъ ты, да опецъ швой богашъ; онъ-шо и велѣлъ мнѣ, еще поговорить шебѣ объ эшомъ. Право, брашъ, чыхъ-же и совѣшовъ слушашъ какъ не опцовскихъ.

«Я уже слышу эшо предложеніе не опъ пер-выхъ васъ, Пименъ Никипичъ, но сказалъ на-чисно, что не ворочусь въ свою деревню и не хочу женишься.

— Не хочешъ, шакъ Господь съ шобой! мое дѣло спорона. А богашую-бы дѣвку ошдали за шебя.

Чувство досады волновало юношу, уже вы-соко споявшаго надъ эшимъ міромъ, въ кошо-ромъ безвыходно жилъ Пименъ Никипичъ.

— Вы издѣваешесь надо мной, Пименъ Никипичъ. Женишься, и на богачой, уговаривали меня, когда я былъ еще въ своей деревнѣ: я бѣжалъ опшуда; а шеперь, когда я сполько лѣшъ просидѣлъ надъ книгами, эшо ужъ вовсе мнѣ не подѣ спашь.

«Да вѣдь, право, брашъ, лучше жишь съ женой, чѣмъ съ сумой.

— Во-первыхъ, я не нищій, и съ сумой, благодаря Бога, еще не хаживаль. . . .

«Экой, брашець, да вѣдь эшо такъ говорихся шолько.

— Во-вторыхъ, всякой живешъ на свой ладъ. И безъ меня много охотниковъ женишься. А въ-прешьихъ и въ послѣднихъ, прошу васъ не говоришь мнѣ объ эшомъ.

«Да почему, брашець, не говоришь? дѣло ясное. . . .

— Не для всѣхъ. Я понимаю, что вашъ совѣшъ не годишся мнѣ, а вы не поймеше, когда я скажу вамъ, что ни за какія деньги не соглашусь оспавишь своей бѣдноспи: она мила мнѣ, пуце всѣхъ богачьихъ невѣспъ въ мѣрѣ.

«Трудненько и поняшь эшо, брашъ, Михайло! Не худо, какъ побольше денегъ: такъ я разумѣю своимъ глупымъ умишкомъ» — сказалъ съ увѣренносью Пименъ Никипичъ.

— Эши деньги были-бы для меня углеіе гб-рящіе ! . . .

«Да какіе уголья! Чшо-шы, чшо-шы !

— Полноше, Пименъ Никишичъ ! мнѣ пора въ классъ. . . .

«Въ какой классъ ? . . . Да шы, кажешся, ужъ начинаешъ сердиться.»

Онъ ушелъ, сказавши еще нѣсколько своихъ поговорокъ.

— Вошъ человекъ ! — вскричалъ невольно Ломоносовъ , оставшись одинъ , и попомъ съ горесью подумалъ : « И съ такими-шо людьми былъ я осужденъ прожить вѣкъ ! И они-шо хопящъ ворошишь меня къ себѣ ! Нѣшъ, я докажу имъ, чшѣ можешъ сдѣлать смѣлая мысль , зародившаяся въ головѣ мальчика они увидяшъ наконецъ свое невѣжесиво Но когда будешъ эшо ?

Онъ задумался.

Насупилъ Январь 1735 года. Надобно было получать жалованье. Сколько, думаете вы, получилъ Ломоносовъ , за всю шрепъ ? *Три рубля пятьдесятъ копѣекъ !* Но и шо казалось ему богашесивомъ , при насупленіи каждой новой шрепи , потому чшо къ концу прежней онъ часто забиралъ въ долгъ квась и хлѣбъ.

Около эшого-шо времени, шо ешъ въ началѣ 1735 года, изъ Пешербургской Академіи

Наукъ, не за-долго основанной по мысли Пепра, получено было въ Московской Заиконоспасской Академіи пребываніе, самое благопріятное для Ломоносова. Требовали нѣсколько человѣкъ семинаристовъ, которые уже разумѣли-бы по-Лашински, для обученія ихъ Физикъ и Машемашикъ у Пешербургскихъ Профессоровъ.

Извѣстіе объ этомъ пошчасъ разнеслось по Московской Академіи, и общій голосъ поварищей обрекалъ Ломоносова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, на отправленіе въ Пешербургъ. Многіе, боясь *Нѣмцевъ*, радовались, что ихъ не пошлютъ изъ родимой Москвы. А онъ?

Онъ съ восторгомъ услышалъ радостную для него вѣсть, и, боясь какого нибудь неожиданнаго препяшснвія, даже не хотѣлъ вѣрись, чтобы судьба пакъ благосклонно выполнила давнее его желаніе. Просись своихъ начальниковъ онъ не смѣлъ; но они сами вспомнили о немъ.

Призывъ къ Рекпору заспавиль его содрогнувшись опъ неперпѣнія и неизвѣспности. Съ безпокойспвомъ явился онъ; но веселый видъ Архимандрипа оживиль его.

—Вопъ, брапецъ — сказалъ Рекпоръ — какъ чудны пупи Провидѣнія! Ты давно желалъ учисья Машемашикъ и Физикъ?

«Эпо извѣспно Вашему Высокопреподобію.

— Желаніе твое можешь теперь исполнишься. Академія Наукъ пребуешь опъ насъ хорошихъ семинарисповъ, именно для обученія Физикъ и Математикъ. Надъешься-ли ты на себя и желаешь-ли вѣхать въ Пепербургъ?

«Молю Ваше Высокопреподобіе объ этомъ! Способности мои вамъ извѣсны, и вы лучше можете судить, достоинъ-ли я вашей великой милости.

— Да дѣло, братецъ, въ томъ, что я едва-ли могу себя оправить. . . .

Ломоносовъ перемѣнился въ лицѣ опъ внутренняго движенія.

— И все потому, что ты собственно не принадлежишь къ нашей Академіи! Ты не семинаристъ, а опъ насъ пребуешь именно семинаристовъ. Ты здѣсь Богъ знаешь какъ: *по милости!* А дѣло новое, щекошливое. Право, я опасюсь. . . .

Ломоносовъ не имѣлъ силъ говорить.

— Я зналъ, что это огорчитъ тебя, и призывалъ къ себѣ распросить еще кое о чемъ. Хочешь-ли, я оправлю тебя какъ семинариста?

«Господь исполнишь все, что прикажете.

— Но вѣдь разъ записавшись въ семинаристы, ты будешь долженъ исполнять всѣ ихъ обязанности. Какъ воспитаннаго на иждивеніи Духовнаго Начальства, тебя могутъ опредѣлить въ духовное званіе.

« Признаюсь , Ваше Высокопреподобіе , я не чувствую никакой склонности къ этому званію.

— Ну, вошь видишь-ли! А одно естъ слѣдствіе другаго.

« Я не умѣю ничего совѣщовать вамъ , и только молю о заспуленіи.

— Да я, брашецъ , радъ , но какъ поступишь , ума не приложу ! Твои успѣхи въ наукахъ и доброе поведеніе споль похвальны , что я желалъ-бы оказашъ тебѣ всякое пособіе , но не знаю подъ какимъ *титломъ* ошправитъ тебѣ въ Петербургъ.

« Ошправыте меня , Ваше Высокопреподобіе , просто какъ Михайлу Ломоносова , и повѣрьте , что я не попыжусь Академіи нашей , гдѣ сполько лѣтъ просвѣщаль свой разумъ .

Архимандритъ усмѣхнулся . — Да этого не лзя сдѣлать : съ именемъ надобно еще званіе . Чтò я значу какъ Шефанъ Калиновскій ? но Рекшоръ и Архимандритъ имѣютъ нѣкоторое значеніе .

Одушевленный Ломоносовъ воскликнулъ :

« Кшо знаетъ , Ваше Высокопреподобіе , что я , можешъ бытъ , и просто какъ Михайло Ломоносовъ , буду значить чтò нибудь !

— Если не гордосшь говоришь это въ тебѣ , то созчаніе собшвенныхъ силъ похвально . Я желаю тебѣ прославишь свое имя , но исперъ надобно думаешь не о помъ .

«Неужели-жъ для меня погибнетъ случай, можешь бышь единственный?»

—Нѣтъ, я постараюсь чшобы этого не было. Но такъ какъ ты не хочешь вступишь въ званіе семинариста, по я долженъ придумать что нибудь другое. Спупай съ Богомъ.

Съ горестію вышелъ опъ него Ломоносовъ. Лестная надежда его, близкая къ исполненію, улешала, вырывалась изъ рукъ. Онъ почти плакалъ, думая объ этомъ, и обратился къ единному защитнику сирыхъ, Богу. Теплая молитва его вскорѣ была услышана.

Черезъ при дни послѣ разговора съ Рекшоромъ, Ломоносова опашь позвали къ нему. Онъ пошелъ, ожидая почти вѣрнаго неуспѣха, но Архимандришь лишъ только увидѣлъ его, какъ воскликнулъ:

—Ты ѣдешь въ Пешербургъ! прешапствія всѣ усшранены.

Ломоносовъ кинулся цѣловать его руку, но Архимандришь поцѣловалъ его самъ, и спѣшилъ сказать :

—Не меня, не меня благодарить долженъ ты, а милосердную благосклонность Высокопреосвященнаго Теофана.

«Какъ?» воскликнулъ изумленный Ломоносовъ.

— Онъ самъ удостоилъ писать въ Академію нашу, и просилъ опривить извѣснаго ему

своими успѣхами въ наукахъ, студента Михайлу Ломоносова. Его слово могущественно, шѣмъ болѣе, что онъ беретъ себя подъ свое высокое покровительство и общается непременно помѣстивъ въ число студентовъ Пешербургской Академіи.

«Неужели Высокопреосвященный вспомнилъ обо мнѣ?» радостно спросилъ Ломоносовъ.

— Какъ видишь самъ! И не только вспомнилъ, но особенно ходатайствовалъ о тебѣ, общая и впредь свое покровительство.

«Какъ возблагодарю я Высокопреосвященнаго?..

— Новымъ прилежаніемъ, новыми успѣхами. Богъ одарилъ тебя способностями: не угашай ихъ, Михайло, но постарайся употребить всё во благо.

«Эшо голосъ души моей! Ваше Высокопреподобіе говорите то, что давно есть мой первый обѣщъ.

— Безъ предшательства Высокопреосвященнаго, мы не могли-бы отправить тебя, не смотря на все желаніе тебѣ добра. Я и отецъ Префектъ хотѣли даже испрашивать на это особеннаго разрѣшенія. Но письмо Архіепископа окончило все; при шакомъ заспунникѣ, ты можешь ѣхать смѣло.

Воспоргъ Ломоносова былъ невыразимъ. Онъ съ шоржесвомъ возвратился въ свою камеру,

и съ гордостью глядѣлъ на все окружавшее его, понимая, что только личныя достоинства проложили ему путь къ новымъ успѣхамъ. Поступокъ Теофана также запечатлѣлъ въ душѣ его глубокую признательность къ этому великому архипаспырю. Можетъ быть, онъ прежде всѣхъ опдалъ истинную справедливость дарованіямъ Холмогорскаго бѣглеца, тогда замѣшательнаго только одною спраспью къ ученію, и успѣхами въ наукахъ, необходимымъ слѣдствіемъ эшой благородной спраспи.

Ломоносову нечего было долго сбираться къ опѣвзду; но другіе выбранные изъ Академіи спуденшы сбирались не такъ скоро. Почти у каждаго изъ нихъ были родспвенники, а у нѣкопорыхъ и родишели; они опсускали ихъ въ Пешербургъ какъ на край свѣта, приходили плакать вмѣспѣ съ ними, шили для нихъ новое плашье, снаряжали ихъ какъ на свадебный пиръ. Многіе избранные даже опказались опъ поѣздки, и умѣли опдѣлаться разными пустыми предлогами: у одного было слабо здоровье, у другаго нашлась престарѣлая бабушка, и такъ далѣе.

Бодрѣе всѣхъ, радоспнѣе всѣхъ былъ Михайло Ломоносовъ, кошорый не зналъ крова, не имѣлъ приспанища, ни родныхъ, и подвигался ближе къ своей цѣли опсправляясь въ Пешербургъ. Какія каршины рисовало передъ нимъ

воображеніе ! Тѣсный міръ , въ которомъ жилъ онъ до сихъ поръ , давно сдѣлался скучнымъ , шажкимъ для него ; самыя окружающіе , почти исключительно духовныя , наскучили ему . Онъ хопѣлъ новаго , желалъ бытъ въ свѣтѣ , а не въ монашырѣ ; онъ надѣялся , что свѣтскіе ученые , какъ истинныя его братья , примутъ молодаго ученаго въ свое общество , и раскроютъ передъ нимъ всѣ тайны науки . Какія тайны ? это представлялось ему чѣмъ-то не яснымъ , однако чрезвычайно обольстительнымъ . Даже имя *Академіи Наукъ* такъ хорошо звучало въ ушахъ его ! А самый Пестербургъ , эшотъ городъ , возникшій по мановенію генія , еще не такъ блестящій тогда какъ теперь , но уже славный , какъ средоточіе Правительсва , какъ сборище ученыхъ , вызванныхъ попечительными Царями Русскими изъ западной Европы , какъ мѣсто многихъ , дополнѣ невѣдомыхъ заведеній ? Пестербургъ увлекалъ теперь Ломоносова , гдѣ надѣялся онъ всупить на истинное поприще для дѣятельнаго ума .

Въ назначенный для отъѣзда день , приказано было всѣмъ отправлявшимся явиться къ Архимандриту и къ Префекпу , для благословенія . Они совершили молитву и сначала пришли къ Архимандриту . Эшотъ человекъ , благодушель и попечитель ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ , разспался съ ними съ чувствомъ , осо-

бенно обрапилъ рѣчь къ Ломоносову, къ нѣкошорымъ другимъ, и наконецъ пожелалъ всѣмъ успѣховъ и счаснiя. Префектъ сдѣлалъ имъ кромѣ шого нѣскольکو насшавленiй, и шакже напушсшвовалъ добрыми желанiями.

Во дворѣ монашшрскомъ ожидала ихъ иная сцена. Тупѣ собралось множесшво шарухъ, мальчишекъ, и всякаго народа. Начались обниманья, цѣлованья, слезы, почши крикъ и вопли. Монахъ, оншправлявшiйся въ видѣ дядьки съ молодыми людьми, уговаривалъ всѣхъ шшше изьявляшъ свою горесшъ, но эшо не помогало. Между шѣмъ въ шѣлеги погрузили множесшво мѣшечковъ, сверпочковъ со всякой всячиной; кульки съ пирогами и қалачами слѣдовали шудаже; наконецъ посадили и господъ спуденшвовъ. Не извѣшно кшò были они; извѣшенъ одинъ изъ нихъ: Михайло Ломоносовъ. Онъ бодро вскочилъ на шѣлегу, и шолько пожалѣлъ, что много мѣспа опняли всякими запасами, шакъ что и сидѣшъ шшало нѣгдѣ.

Проѣхавши засшаву, куда провожали родшвенники своихъ милыхъ ребяшъ, поѣздъ ошановился. Сошли съ шѣлегъ, начали молишъся на Московскiя церкви, и опяшъ рыдашъ, плакашъ, цѣловашъся. Одна изъ шарушекъ, по видимому сохранияшшая болѣе другихъ перцѣнiя, сказала своему сыну:

— Смошри-же шш, Гаврюша, будь уменъ.

Нескладный парень опивчалъ ей комически-печально:

« Буду, машушка.

— Учись хорошенько, а пуще всего, помнишь, берегись прехъ искушеній : чарки , шабаку , да зерни.

« Буду, машушка.

— Не забывай своихъ родителей.

« Не забуду, машушка.

— Ходи въ церковь Божію , уважай священство. . . .

Тутъ раздался громкій голосъ провожааго монаха :

— Пора! пора! что за слезы, друзья мои. Сидишь, съ Богомъ.

Всхлипыванія, жалобы, плачь удвоились, а мужественная шарушка продолжала :

— Смопри-же, Гаврюша, помни родителескія наспавленія.

« Буду помнишь, машушка.

— Боюсь я, дидяшко мой, чтобы ты къ чаркѣ-то не прильпился. Въ ней-то и кроется Сашана !

« Не бось, машушка, не спану пипшь.

— Будешь ты памъ съ Нѣмцами , не учись у нихъ шабачице-то куришь. Это вѣдь смершній грѣхъ. . . .

« Буду помнишь, машушка.

— А пуще того, спанушь себя Нѣмцы со-
блазняшь пипь кофей: не пей; знай, что онъ
изъ Іудина чрева выросъ.

Невольно улыбулся Ломоносовъ, слыша эпи-
родисельскія наставленія. Онъ думалъ: «Въ при-
минушы хочешъ она выучишь своего сына все-
му, что почипаешъ добрымъ! Возможно-ли эшо,
и къ чему эшо, если въ сердцѣ его прежде не
посѣяны сѣмена добродѣтелей?»

Но какъ ни справны казались ему слова
шпарухи, а невольная грусть запала въ его
сердце, когда онъ сообразилъ, что въ эшихъ
просподушныхъ наставленіяхъ кроется любовь
машеринская; что не умѣя выразить чувствъ
своихъ, шарушка превосходно выражаешъ одно:
неизмѣримую любовь свою къ сыну; она спра-
шился всего: гнусныхъ пороковъ и мѣлкихъ
предразсудковъ, и спрашился пошому именно,
что горячо заботишься о своемъ сынѣ. Да и
вся эша, можешь бышь безобразная сцена раз-
спаванья, что выражала она какъ не горяч-
ность родныхъ, пугающихся неизвѣснаго бу-
дущаго? Зачѣмъ смошрѣшь только на обманчи-
вое наружное? Подъ эшими бѣдными одеждами,
подъ эшими несносными слезами и смѣшными
наставленіями, вы видише людей, которые еще
не вовсе управили нѣжностью чувствованій. А
ны, пришлецъ, самовольный изгнанникъ изъ
родисельскаго дома, что позаботишься о шебѣ?

Ты самъ разорвалъ всѣ узы родства, бросился въ міръ, тебѣ неизвѣстный; ты вымаливаешь у людей состраданія, участія, и они холодны къ тебѣ, они безъ великодушія даютъ тебѣ кусокъ хлѣба и уголь, но не могутъ дать того, чего нѣтъ у нихъ для тебя — любви родственной! Для другихъ, она неистребима въ сердцѣ, связанномъ съ ними священными узами; она всегда готова на пожертвованія, на услуги, на вольныя изъявленія дружбы и невольныя слезы; а для тебя?... Спрашисъ упрямишь чувство къ эпой святой любви, и не смѣйся надъ тѣмъ, чего нѣтъ для тебя въ мірѣ. Ты одинокъ посреди людей, и долженъ все покупать у нихъ услугою, прудомъ, превосходствомъ силы.

Такъ думалъ Ломоносовъ, и грустно было сердцу его. Онъ одиноко помолился, въ послѣдній разъ, святымъ Московскимъ угодникамъ, и сѣлъ опять въ шлегу, уже вмѣстѣ съ провожаемымъ монахомъ, который избралъ его себѣ сопутникомъ, собесѣдникомъ, и помощникомъ. Монахъ слышалъ о хорошей славѣ, объ опличныхъ дарованіяхъ пришлеца Холмогорскаго, и хотѣлъ на него свалишь половину своихъ занятій, потому что, можешь быть, не надѣялся одинъ управиться съ полною подчиненныхъ ему юношей. Онъ велѣлъ Ломоносову крѣпко смотрѣть за ними, не позволяшь имъ оплучаться, не позволяшь ссориться другъ съ

другомъ. «Бѣда мнѣ, коли въ дорогѣ случится что нибудь, не доброе для славы нашей Академіи!» воскликнулъ онъ. «Тамъ воспинываются не ученые, а забіяки, скажущъ въ Пешербургѣ.»

Но опасенія добраго монаха были напрасны. Ошправленные съ нимъ семинаристы были смиренныя ребята, и во всю дорогу они очень скромно пили, ѣли, спали, и забавлялись только пѣніемъ псалмовъ. Монахъ былъ очень доволенъ эшимъ и приписывалъ успѣхъ своего пушешествія Ломоносову, кошорый однакожъ мало занимался своими поварищами, пошому что весь заняшъ былъ собшвенною своею судьбою.

«Наконецъ буду я подъ руководшвомъ истинныхъ ученыхъ!» думалъ онъ. «Я изучалъ до сихъ поръ только словесныя науки; но теперь-шо начнешя истинная, основная наука. Природа, со всѣми своими шайнствами, раскроешя передъ моими глазами; земля и небо краснорѣчивѣе заговоряшъ уму; сердце не будетъ сжимашся опъ неудовлешворяемаго любопытства.»

Увидимъ, сбудушя-ли надежды и предположенія юноши; не разочаруешъ-ли его и шрешій городъ, какъ разочаровали два первые. Сначала Москва была единшвенною цѣлю его, для кошорой оставилъ онъ родину, и бѣжалъ черезъ снѣга всей сѣверной Руси; но Москва уже дав-

но перестала удовлетворять его жажду къ познаніямъ, его неперѣлимый, испытательный духъ; онъ искалъ высшаго просвѣщенія въ Кіевѣ, и слишкомъ скоро увидѣлъ свою ошибку. Теперь, какъ будто сама судьба увлекала его на берега Невы, въ юный городъ, основанный волею Пешра. Все это: Пешръ, осяняющій свое созданіе; новая ученость людей свѣтскихъ, и сами они, эти люди, новые для Ломоносова; Теофанъ, уже два раза двигавшій его впередъ, на прудномъ пути жизни; переменна жребія, даже близость къ милому сѣверу, все являлось въ его воображеніи, все занимало его почти непрерывно. Онъ едва замѣчалъ какъ проходили дни, какъ исчезало разсѣпаніе подъ лѣгкими ногами коней, которые по видимому не поропились въ Пешербургъ. Наконецъ Великій Новгородъ мелькнулъ передъ глазами путешественниковъ, и Ломоносовъ успѣлъ зайдши только помолиться Святой Софіи, въ знаменитомъ Новгородскомъ соборѣ.

Г л а в а VII.

« Не воображайте первобытнаго Рима такимъ, каковъ былъ онъ во время своего величія,» сказалъ Моншескѣ. Не будемъ воображать, что и Пешербургъ, черезъ шридцать два года послѣ своего основанія, былъ уже городъ великолѣпный. Напрошивъ, эшо были кой-гдѣ расбросанные дома и лачуги, посреди кошорыхъ возвышались немногія обширныя зданія. Даже расположеніе его было совсѣмъ не похоже на нынѣшнее. Адмиралшейская спорона, гдѣ красуются теперь лучшія зданія, гдѣ видимъ истинное средопочіе города, тогда была самою ненаселенною часпью Пешербурга. Дикіе лѣса, шундры и болоша почши примыкали къ Невѣ на шѣхъ мѣспахъ, гдѣ нынѣ красивая Липейная, великолѣпные каналы и единспвенный Невскій проспектъ. Только напрошивъ крѣпости, внизъ по лѣвому берегу рѣки, просширались зданія довольно видныя, между прочимъ домъ бывшій Меншикова, и Адмиралшейшво; но во-

обще эта часть города была населена флотскими офицерами, мажорантами и разными рабочими людьми. Слѣды Пепра еще были живы черезъ десяшь лѣтъ послѣ его кончины, когда прїѣхалъ шуда Ломоносовъ.

На берегу Невы, съ жадностью глядѣлъ онъ на эти исполинскіе слѣды: они были видимы въ начатыхъ и часпїю оконченныхъ строенїяхъ, въ пвердынѣ, кошорая возвышалась на противоположномъ берегу, и всего болѣе въ огромной мысли, вознесши столицу *Русской части свѣта* на болошахъ Ингерманландїи. Жизнь и дѣятельность кипѣли по обоимъ берегамъ Невы, и показывали, что мысль Пепра благословляетъ Небо, что она довершилася его наслѣдниками, и сдѣлалася долговѣчнымъ его памяшникомъ, передъ кошорымъ ничтожны кажутся всѣ памяшники міра. Въ самомъ дѣлѣ, Пешербургъ, живая мысль Пепра, увѣковѣченная въ гранитѣ, и безпрерывно одушевляемая новыми поколѣніями, составляетъ такой оригинальный, чудный, единственный памяшникъ эшого генїя, что передъ нимъ жалки мершвыя громады Египетскихъ пирамидъ. Вся Россїя была поприщемъ его бессмертныхъ подвиговъ; она вся носилъ печашъ его прудовъ, его заботливости о нашемъ благѣ; но только Пешербургъ выражаетъ вполнѣ эшого генїя, Пешербургъ, любимое дїла его, кошорое началъ онъ лелѣяшь своими руками.

Тутъ, на проспранствѣ немногихъ верспъ, вы можеше изучишь Пешра, лучше нежели во всякомъ другомъ мѣспѣ обширнаго его владѣнія; шушь Пешръ во всемъ своемъ величїи, со всею смѣлоспью, упорспвомъ, и даже съ нѣкопорыми слабоспями генїа, благодѣшельнаго для Россїи.

Пушешеспвенники переправились черезъ Неву въ лодкахъ и вышли на Васильевскїй оспровъ, къ зданїю Академіи. Ломоносовъ искалъ глазами пѣхъ необыкновенныхъ людей, съ копорыми гошовился шеперь жишь. Эшо всегда еспешспвенно въ молодомъ человекѣ, робко вспунающемъ въ шопъ городъ, гдѣ живешъ много людей, извѣспныхъ ему своими дарованїями, ученоспью, славою. Въ каждомъ вспрѣчающемся думаешъ онъ видѣшь ихъ, или по крайней мѣрѣ доспойныхъ жишь близко нихъ. Его не сполько занимаешъ новосп самыхъ блестящихъ предметовъ, сколько мысль о близоспи, о прїсупспствїи эспихъ важныхъ для него лицъ. Тутъ все кажешся значштельнымъ, пошому чшо все эшо близко къ нимъ. Мысль о шакїхъ людяхъ переживаешъ ихъ, и прїводишь въ благоговѣйный прешпъ вспупающаго въ зѣмокъ Валленшпейна, въ келью Люпера, въ кабинетъ Ньютона.

Ломоносовъ не зналъ даже именъ пѣхъ великихъ мужей, къ копорымъ прїѣхалъ учишься; однако онъ воображалъ ихъ чѣмъ-шо удивѣ-

пельнымъ, не похожимъ на по, что видѣлъ до сихъ поръ. Съ неперпѣливымъ ожиданіемъ оспановился онъ, вмѣстѣ съ другими, подлѣ дома Академіи, и между пѣмъ какъ провожапый ихъ пошелъ узнавашъ, куда и какъ помѣспипшь пріѣхавшихъ съ нимъ спуденшовъ, онъ ждалъ не-обыкновенной вспрѣчи, привѣспливыхъ вопрошовъ, и перебиралъ въ умѣ всю свою ученоспшь, приготовляясь ошвѣчашъ.

Прошло съ полчаса.

Монахъ возврашился и сказалъ, что имъ велѣно идиши въ Гимназію, соспопщую подлѣ вѣдомспшвомъ Академіи.

— А не въ Академію?—спросилъ Ломоносовъ.
«Нѣшъ, въ Гимназію.

Голова поникла у нешерпѣливаго Ломоносова. Онъ не зналъ, что въ Академіи не было классовъ, и что это высшее ученое мѣспо предоспавлено для занятій не ученическихъ.

Ни одного знаменишаго человекка не видалъ онъ: его и споварицей его приняли безъ всякой вспрѣчи, размѣспили по классамъ Гимназіи, и велѣли имъ являшъся вмѣспѣ съ другими учениками къ слушанію лекцій.

Такъ разрушились мечпы Ломоносова; однакожъ суспественноспшь ушѣшила его: онъ началъ учипшься Физикѣ, Математикѣ, и забывалъ всѣ обманы своего воображенія, быспрѣ шагая ошъ

успѣха къ успѣху въ наукахъ. Онъ имѣлъ рѣшительную склонность къ Естественному, къ наукамъ шочнымъ; онъ давно жаждалъ извѣдать въ нихъ свой умъ, и принялся за исчисленія, за неясную въ его время науку о силахъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, Физика тогда незаконно присвоивала себѣ цѣлыя обласпи другихъ наукъ; но этого не могъ замѣшшть самый прощщательный умъ, пошому что не его вѣку было предославлено опредѣленіе границъ Физики: надобны были пруды и успѣхи болѣе нежели полусполѣшія, чтобы науки вошли каждая въ свои границы. Сверхъ того, опшщительною черпою Ломоносова была собсшвенно неушполимая жажда ко всѣмъ познаніямъ, а при этомъ ему недосугъ было дѣлать опшщршщія, особенно при началѣ своего ученаго поприща. Онъ необходимо впадалъ въ *рутинку* обыкновенныхъ ученыхъ, и шолько по временамъ блестялъ геній его, освѣщавшій иногда шемныя шпороны наукъ и искусствъ.

Ровно сто лѣтъ прошло шеперь, послѣ вступленія его въ Академическую Гимназію. Можно вообразить, какова тогда была методъ ученія, если и шеперь, послѣ столькихъ опышовъ, не удовлетворяешь она ума человѣческаго, безпрерывно шпрямящагося къ совершенству. Однакожь и при этой методѣ, Ломоносовъ не шелъ на ряду со своими сверспниками, а опе-

режалъ ихъ во всемъ. Эшо обращало на него вниманіе учипелей, начальниковъ, и еще болѣе соучениковъ, большею часшію избранныхъ молодыхъ людей, опличавшихся хорошимъ поведеніемъ, познаніями и любовью къ ученю. Изъ числа ихъ одинъ, Виноградовъ, особенно полюбилъ Ломоносова, и скоро сдѣлался другомъ его.

Однажды Виноградовъ замѣпилъ своего любимаго поварища не за учебными шепрадами, а за лишкомъ бумаги, на кошоромъ писалъ онъ *стихи*—*Русскіе стихи*.

«Чшѡ эшо, Михайло? ты пишешь. . . . боюсь ошибиться! . . .

—Спиши!—опвѣчалъ съ веселымъ видомъ Ломоносовъ.

«Русскіе спиши?»

—Да, брапецъ; эшо уже не новосль на нашемъ языкѣ. Спиши пишупъ у насъ шеперь многіе, Піипика Русская образуешя.

Виноградовъ засмѣялся.

—О чемъ-же смѣешься ты?—съ нѣкошорымъ огорченіемъ спросилъ Ломоносовъ.

«Помилуй!» сказалъ Виноградовъ. «Писапъ спиши можно на Лашинскомъ, на Греческомъ, на Французскомъ, но, воля швоя, Русскіе спиши едва-ли не всегда будушъ чѣмъ-шо дикимъ для слуха.

— Я самъ испытываю , что нашъ языкъ упря-
мился и не поддается никакому размѣру стихо-
творному; однакожь искусные люди, напримѣръ
Тредьяковскій , Кантемиръ , и прежде ихъ нѣ-
кошорые духовные опцы, сочиняли стихи пре-
изрядно. Я уже давно упражняюсь въ стихо-
творствѣ , но еще недавно увидѣлъ образцы
названныхъ мною авторовъ , и теперь хочу
подрѣжашь имъ.

«Во-первыхъ , брашець , надобно имѣть и да-
рованія эпитихъ людей, а во-вторыхъ , признашь-
ся себѣ, я исподнишка смѣюсь надъ всѣми сти-
хами въ мірѣ.

— Смѣешься ?

«Да, пошому что считаю ихъ пустымъ пре-
провожденіемъ времени; какая польза отъ нихъ?

— Образованіе языка.

«Пустое! въ стихахъ только ломають языкъ.
Посмотри что дѣлаешь съ языкомъ самъ Тредь-
яковскій, и даже Кантемиръ.

— Правда , языкъ и у нихъ шжеловашъ , но
пѣишическія прикрасы есть всѣ , какъ и у ве-
ликихъ образцовъ. Пошрудимся , постараемся
улучшить языкъ.

« Не спишишь шруда эша головоломная рабо-
ша. Особенно дивлюсь что ты , который боль-
ше меня привязанъ къ ученію Физики и Мате-
матики, ты занимаешься эпитими пустяками.

— Неужели-жь ты въ самомъ дѣлѣ почишаешь спиховорство пущымъ заняшемъ ?

« Безъ сомнѣнiя.

Ломоносовъ взялъ свой ящикъ бумаги и разорвалъ его на нѣсколько часшей.

« Чшо ты эшо, чшо ты ? » вскричалъ Виноградовъ.

— Да, брашець: ты правъ ! спихи мои не споили шруда, кошорый я приложилъ на нихъ.

« Не далъ и прочишаешь ! » прибавилъ съ сожалѣнiемъ Виноградовъ.

— И слава Богу ! ты присыдилъ-бы меня еще больше. Но чшо-же дѣлаешь, когда спрахъ какъ хочешся мнѣ образовашъ Русское спиховорство !

« Послушай, Михайло ! Ты будешь первый во всемъ , чѣмъ ни спанешъ занимаешься : полгода ученя вмѣстѣ доказали эшо не мнѣ одному. Чего-же хочешь ты , когда передъ шобою необозримое поприще Математики , Физики , Химii ?

— Эхъ, брашець, Виноградовъ ! Тяжко мнѣ, а долженъ признашься : не шого ждалъ я ошъ эшихъ наукъ. Ты знаешь какъ я люблю ихъ ? Повѣрь-же, иногда меня грусь беретъ , когда занимаюсь ими , и вошъ въ эши-шо часы опдаюсь я бѣсу спиховорства.

« Но чѣмъ-же ты не доволенъ въ эшихъ наукахъ ?

— Мнѣ кажется, что насъ не шакъ и не тому участь.

«Съ чего ты взялъ это?»

— Самъ не знаю, а чувствую, что это не-удовлетворительно.

«Намъ показывающъ всѣ возможные экспери-меншы.

— Да, эксперименшы, а больше ничего.

«А чего-жь бы тебѣ хотѣлось.

— По чѣмъ я знаю! Если-бъ зналъ, шакъ и дѣлалъ-бы иначе.

«Ну, право, мнѣ кажется, ты хочешь проказничать.

— Говорю искренно: мнѣ мало этого ученья.

Виноградовъ задумался, и черезъ нѣсколько секундъ сказалъ:

«Можешь быть ты и правъ; но, я думаю, наше ученье и не кончится эшимъ; полько въ наукахъ не лзя прыгать черезъ сшупеньку.

Ломоносовъ началъ дальше развивать ему свои идеи, свои сомнѣнїя; говорилъ, что онъ недоволенъ и своимъ ученьемъ *Словесныхъ Наукъ*; изъяснялъ догадки, предположенїя, мечшы свои. Увлеченный краснорѣчїемъ и умомъ его, Виноградовъ вскричалъ наконецъ:

«Михайло! Я горько ошибаюсь, или ты рожденъ бышь великимъ челоувкомъ. Скажи мнѣ: какъ Богъ вселилъ тебѣ эти быспря понятїя,

эпи глубокія догадки о таинствахъ природы?
Откуда взялся ты со своимъ умомъ?

Ломоносовъ опвѣчалъ, улыбнувшись:

— Развѣ ты не знаешь, что я мужикъ, бѣглець Холмогорскій!

«Знаю, слышалъ, и почи не вѣрю.

— Да, Виноградовъ. Я почно мужикъ, по ешь сынъ мужика; родился и провелъ первые годы свои среди самага глубокаго невѣжества; наконецъ бѣжалъ изъ своей родины въ Москву... да эшо долгая исторія!

«Но ты никогда не рассказывалъ мнѣ ея подробно.

— И не хочу рассказывать.

«Почему-же?

— Потому что грустно... да, грустно вспомнишь мнѣ о первыхъ годахъ юности! Сколько могъ-бы я уже сдѣлать до сихъ поръ, если-бы началъ учиться во время!...

«Боюсь докучать тебѣ своей просьбою, а желалъ-бы узнать подробности, какъ провелъ ты эти грустные годы? Примѣръ свой былъ-бы полезенъ и мнѣ. Я не вѣдалъ никакихъ великихъ преиспвѣй въ жизни, и самымъ обыкновеннымъ образомъ перешелъ изъ родительскаго дома въ училище.

— А я долженъ былъ для эшого подвергнушь опасости свою жизнь. Слушай.

«Я родился на оспрову, не далеко опъ Холмогоръ, въ деревнѣ, кошорая называешся Денисовскою: эшо въ Двинскомъ уѣздѣ, въ Курооспровской волости. Теперъ мнѣ двадцашъ чешыре года, слѣдовапельно 1711-й годъ былъ годомъ моего рожденія.

«Надобно сказашь шебѣ о моемъ опцѣ, что эшо человекъ въ своемъ родѣ необыкновенный. Не знаю для чего спрашалъ онъ свой умъ опъ людей, кошорые видяпъ въ немъ проспаго рыбака: я вижу въ немъ что-то гораздо больше. Правда, онъ рыбакъ промыломъ, но умъ его глядипъ не на однѣхъ рыбѣ. Предсавъ себѣ шолько, что онъ первый изъ жипелей нашего края вздумалъ поспроишь и поспроилъ галионъ: эшо родъ небольшого корабля, оснащенный по корабельному, съ парусами, и съ удобстввами для рыбнаго промысла и для груза. Кой-какъ сбился онъ деньгами для эшого суденышка, но поспроивши его наживалъ порядочные доходы. Онъ перевозилъ на немъ запасы, казенные и частные, опъ города Архангельскаго въ Пусшозерскъ, въ Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, плавалъ около береговъ Лапланди, въ рѣку Мезень, къ Самоѣдамъ. Но главнымъ заняшiemъ его была рыбная ловля, для кошорой плавалъ онъ каждое лѣшо и каждую осень въ Бѣлое и Сѣверное моря.

«Мнѣ было десяпъ лѣпъ, когда онъ въ первый

разъ взялъ меня съ собой. Я какъ ребенокъ радовался этому, и пособлялъ ошцу въ чемъ могъ; онъ спалъ брашь меня съ собою каждое лѣшо. Мы плавали далеко на сѣверъ, въ Океанъ, и доспигали иногда 70-ши градусовъ широты. Тушь-шо наглядѣлся я на чудеса природы, какихъ вѣрно не увижу больше. Одно море, не здѣшняя Финская лужа, а необозримое Сѣверное море, предспавляепгъ уже шакое дивное зрѣлище, на которое не лзя нарадовашься. Прекрасна шихая гладь его; но я всего больше любилъ глядѣшь на него въ бурю, когда волны перелешаюпгъ черезъ корабль, и кидаюпгъ его по хребтамъ своимъ какъ щепку. Мнѣ казалось шогда, что въ морѣ еспь спраспи, что оно сердидься, что оно хочепгъ наказашъ дерзоспгъ людей, которые осмѣлились ходипгъ по свѣшлому зеркалу его. Кипѣнне волнъ, свиспгъ вѣпра, всплески вспрѣтаюпгхся валовъ, говорили, казалось мнѣ, что-шо спранное, непосшижимое для ума, но поняшное душѣ. Я прислушивался къ этому говору, и радъ бывалъ, когда спешенно спихало море: мнѣ думалось, что оно мирипся съ нами, что оно шепчепгъ что-шо намъ своимъ непоняшнымъ языкомъ. Оно спихло; оно ошпгъ гладко, свѣшло какъ спекло. Новое, чудное, величеспвенное зрѣлище! Не валы ходяпгъ по морю, не вѣсперъ подымаешъ, цѣлмя рѣпки воды, но что-шо живое, что-шо

близкое, сродное морю колеблется громадой по немъ. Подплываемъ ближе: это исполинъ-рыба, это кишъ роскошесшествуетъ, опдыхаешъ, нѣжися на влажной его поверхности. Мы въ мирѣ съ моремъ; но покуда оно спишь пихимъ сномъ, начинаешся смершельный бой съ исполиномъ, обиапашелемъ его. Ловкая, привычная рука вонзаешъ въ него оспрое желѣзо: кишъ взмахнулъ шяжкимъ хвостомъ своимъ, и легкое суденышко наше едва не хлебнуло воды, едва не опрокинулось; онъ пуспилъ фоншанъ воды и едва не запопилъ насъ эшимъ спрашнымъ ливнемъ; кинулся въ бездонную глубь моря, и веревка, привязанная къ оспрогѣ, задымилась опъ скорости движенія; въ нѣсколько секундъ онъ вывершѣлъ ее всю, и боченокъ, къ которому была она привязана другимъ концемъ, полешѣлъ въ море. Скрылось все; но кишъ не ушелъ опъ своихъ непріашелей; они сперегушъ его; а ему шяжко подъ водой; ѣдкая соленая вода разѣбдаешъ его шѣло, и вошъ боченокъ явился на поверхности; за нимъ выплылъ и кишъ. Новый ударъ, новая опасносшь для насъ, и, по прешъему удару, гибель мощному сопернику. Я часшо бывалъ свидѣшелемъ ловли кишовъ, и никогда не могъ привыкнушъ къ эшому зрѣлищу: мнѣ бывало спрашно за своихъ, и жаль благороднаго непріашеля.

«Иногда мы ошавались въ морѣ до поздней

осени, и погда-шо видѣли всю игру спраспей его. Оно какъ будшо гнало насъ съ лона своего ужасными, свирѣпыми бурями, и наконецъ высмало прошивъ непослушныхъ громады льдовъ. Эпи неприехали поопаснѣ кипа. Они грозили разбишь наше ушлое поспроєніе, пребовали всего искушва мореходнаго, и будшо изъ милосши позволяли намъ убѣгашъ къ берегамъ.

«И какъ пріятно бывало спуцишь на берегъ послѣ шакихъ опасностей! Опець мой вводилъ въ заливъ свою *Чайку* (шакъ называлъ онъ свой галіюшъ) и начиналъ шорговлю наловленной рыбой, или считалъ деньги, заработанныя перевозкой чужихъ пѣжесшей. У насъ была шеплая изба, и въ ней оспавались мы почши все зимнее время. Извѣсно какая у насъ зима: она продолжается восемь мѣсяцевъ, изъ кошорыхъ шесшь царшвуешъ ночь. Во все эшо время почши нѣшъ солнца, и мы бродили-бы полгода въ пошемкахъ; ежели-бы предусмошрительная природа не зажигала въ небѣ пожара, кошорый называешся сѣвернымъ сіяніемъ. Ты видалъ его и въ Пешербургѣ, но чшд здѣшнее сѣверное сіяніе передъ нашимъ! Предспавъ себѣ, что полгоризонша обѣяшо пламенемъ, и шакимъ яркимъ, шакимъ блиспашельнымъ, шакихъ чудныхъ цвѣшовъ, чшо, право, развѣ дуракъ не придетъ ошъ него въ восхищеніе.

«Я не былъ равнодушень къ этому чудному явленію, шакъ-же какъ не былъ равнодушень къ чудесамъ моря, льдовъ, полуговой ночи, и къ нашимъ лѣсамъ, въ копорыхъ ешь шакія мѣспа, гдѣ не бывала еще спопа человѣка. Я спарался обьяснишь себѣ, молодымъ умишкомъ своимъ, опъ чего происходишь шо, опъ чего другое? Для чего наконецъ все эшо? И вошь еще шогда-шо запала мнѣ въ умъ спрасшь къ изученію природы, копорое называемъ мы шеперь и Физикой и Намуральной Испоріей, и Богъ знаешъ какъ еще!

«Въ шо-же время, не одна природа привлекала меня изучашъ себя. Я спалъ учишься Русской грамошѣ, и учишель мой, приходскій дьячекъ, удивлялся, что вскорѣ я спалъ чишашъ и писашъ порядочно. Черезъ два года я былъ уже почно лучшимъ чпецомъ въ церкви, и живши по зимамъ всегда дома, не пропускалъ ни одной службы безъ шого, чтобы не чишашъ на клиросѣ или за амвономъ. Другіе ученики нашего дьячка вскорѣ спали бранишь меня, и да же бишь за шо, что я чишалъ лучше ихъ. Многіе были гораздо спарше меня, учились гораздо больше, а не умѣли чишашъ вяшно; дьячекъ хвалилъ меня за *ложкость* и *пріятность голоса*, какъ называлъ онъ эшо, и навязалъ мнѣ шѣмъ цѣлую кучу гонишелей.

«Я былъ принужденъ чишашъ больше дома;

но пупгъ ожидала меня еще спрашнвйшая гроза. Надобно сказашь шебѣ, что машь моя умерла прежде нежели я могъ помнишь себя; я осмался единственное дитя у ошца моего, пошому что хошя онъ и женился въ другой разъ, но дѣшей у него больше не было. Впорая жена его, моя мачиха, самое злое швореніе, какое шолько можно вообразишь. Она была самою ужасною моею гонишельницею, ненавидѣла меня и увѣряла моего ошца, что я никуда негодный мальчишка, лѣншай, кошорый вѣчно сидишь по пусшому за книгами. Спарикъ иногда ошмалчивался, пошому что любилъ меня, но иногда и самъ приходилъ въ гнѣвъ. Наконецъ она успѣла довести его до шого, что онъ спалъ запрещаешь мнѣ чипаешь книги. . . . Можешь повѣришь, какъ эшо было мнѣ горько; но я уходилъ въ уединенныя мѣшпа, въ дремучій лѣсъ, и шамъ чипалъ и учился чему было можно; шерпѣлъ холодъ и голодъ, но ошсашъ ошгъ ученья не имѣлъ силъ.

Разсказывая шебѣ всю жизнь свою, не могу умолчаешь объ одномъ обшояшельствѣ, кошорое до сихъ поръ шягопишь мою душу. Мнѣ было принадлеаешь лѣшъ, когда я подружился съ нѣсколькими раскольниками изъ ближней деревни. Они держались секшы, называемой *Безпоповщина*. Я лѣшилъ имъ, и не безъ корыспныхъ видовъ: я зналъ, что у нихъ ешь доволь-

но книгъ, а мнѣ совсѣмъ нечего было читать. Я попросилъ у нихъ книгъ; они дали мнѣ ихъ, начали толковать догматы религіи по своему, и наконецъ привлекли меня въ свою секшу. Между ними были говоруны, кошорые изъяснялись пакъ красно, съ пакимъ убѣжденіемъ! . . . Два года держался я нелѣпыхъ мнѣній раскола, но наконецъ самъ увидѣлъ свое заблужденіе. Удаляясь поспешенно отъ враговъ души моей, я наконецъ совсѣмъ отспалъ отъ нихъ. . . . Благодарю всемогущаго Бога, что онъ освѣшилъ младую душу мою свѣшомъ истиннымъ! Но самъ себѣ не могу просишь эшого грѣха. Раскольники не прелѣдовали меня, пошому что надъ ними носились громы Пепровы; о заблужденіи моемъ не зналъ никшо; но эшопъ слушай былъ важенъ своими послѣдспвіями.

«Разспавшись съ раскольниками, я спалъ съ омерзѣніемъ смолрѣшь на ихъ книги. Между шѣмъ умспвенная жажда помила меня. Всѣ духовныя книги, кошорыя были въ нашей приходской церкви, прочиталъ я давно. Я спалъ просишь у моего учителя какихъ нибудь другихъ, свѣшскихъ книгъ; но онъ отпвѣчалъ, что нѣшь ихъ у него, да нѣшь вовсе и на Русскомъ языкѣ; что если я хочу учиться и читать книги всякія, по для эшого необходимо знашь Лашинскій языкъ. Чшò шакое Лашинскій языкъ?— Да языкъ, на кошоромъ есть вся-

кія книги; а научишься ему можно въ Москвѣ, Кіевѣ, и Пешербургѣ, гдѣ учреждены для этого особенныя школы.

«Тогда-шо въ первый разъ вспало мнѣ на умъ иди въ Москву. Но какъ сдѣлашь это? Я проронилъ нѣсколько словъ о своемъ намѣреніи, желая вывѣдашь, согласишься-ли онецъ опшущишь меня. Когда онъ понялъ о чемъ идешь дѣло, шо поднялъ шакую грозу, что я не зналъ чѣмъ успокоишь его. Мачиха моя присоединилась къ нему, начала жалѣшь, что у мужа ея шакой безпупный сынъ, начала плакашь, выпь.... Спарикъ разсердился еще больше и хошѣлъ выгнашь меня изъ дому. Окончилось шѣмъ, что меня хорошо поколошили и велѣли гнашь изъ головы дурь.

«Но судьба какъ будшо нарочно поджигала спрашь мою къ ученю. Случайно, въ домѣ одного заживочнаго человекъ, Христофора Дудина, увидѣлъ я наконецъ не духовныя книги. Помню, что я пришелъ въ совершенный восшоргъ, и перевершывая листы, пожиралъ ихъ глазами. Ты спросишь: какія были это книги? Спаринная Славянская Грамматишка, и Ариемешика, напечатанная въ Пешербургѣ, въ царшвованіе Петра Великаго, для навигацкихъ учениковъ. И предметы эшихъ книгъ, и языкъ ихъ, и изложеніе были для меня совершенною новостью. Я спалъ неопшущно просить спа-

рика Дудина, чтобы онъ позволилъ мнѣ про-
чипашь драгоценныя его книги; онъ не согла-
шался. Не разъ возобновлялъ я эшу просьбу, и
всегда понапрасну: Дудинъ не хотѣлъ дать
мнѣ своихъ книгъ даже на нѣсколько дней. Я
рѣшился употребить хипроспъ: началъ ужо-
дашь сыновьямъ его, дѣлалъ и дарилъ имъ иг-
рушки, выдумывалъ игры, рассказывалъ сказки,
и довелъ ихъ до того, что они полюбили ме-
ня и были готовы сдѣлать все для пріятеля.
Я спалъ просишь у нихъ почиашь книгъ оп-
цовскихъ; сначала не соглашались, но по усиль-
ной просьбѣ выдали ихъ мнѣ. Эшого было до-
вольно: книгъ уже я не опдалъ назадъ, не раз-
спавался съ ними, чипалъ ихъ всякой день, во
всякой свободный часъ, и наконецъ выучилъ на-
изуспъ. Такимъ образомъ узналъ я Ариемепи-
ку, хотя въ книгѣ Магницкаго, авпора моеей
Ариемепики, она изложена очень дурно, много-
глаголиво и безполково; узналъ опчаспи и
Граммаспику. Эпи двѣ книги были *вратами уче-*
ности моеей!

«Между шѣмъ, въ умѣ моемъ созрѣвала мысль
о побѣгѣ въ одинъ изъ названныхъ учипелемъ
моимъ городовъ. Бѣжашь изъ родипельскаго
дома! Спрашно и выговоришь эпи слова. Но
посуди о моемъ положеніи: неугасимая спраспъ
къ ученью жгла мою душу, тревожила меня
днемъ и ночью, лишала покоя; а надѣяшьяся,

чтобы отецъ согласился опустить меня и благословилъ на просвѣщеніе ума наукою, было невозможно; оверхъ того жить, при безпреспанныхъ нападкахъ и перзаніяхъ опъ мачихи, спало мнѣ совершенно несносно. Я рѣшился убѣжать.

«Но какъ исполнить эту дерзкую мысль? Я придумывалъ разные планы, искалъ случая, спрашивалъ ѣдущихъ въ дальніе города; но средства не предшавлялось никакого. Наспустилъ 47-й годъ моей жизни. Изъ нашей деревни опправлялись иногда обозы съ рыбою; я узналъ, что и въ эпошъ годъ опправляется одинъ въ Москву. Сердце мое запрепешало. Я рѣшился непременно уйдти съ обозомъ.

«Никому не опкрывалъ я своего намѣренія; не говорилъ ничего съ мужиками, которые нагружали рыбу на возы, и боялся даже какъ-бы по глазамъ моимъ не узнали, что паишся въ душѣ моей. Рѣшимось придавала мнѣ швердоши. Наконецъ, упроемъ одного дня, зашевелилось, заскрыѣло на улицѣ: обозъ опправляется въ дальній пушъ. Я выскочилъ на улицу вмѣстѣ съ другими, и будто изъ пуснаго любопышства смопрѣлъ какъ скользили возы, какъ снимали шапки и креслились извошцики. Я сдѣлалъ эпо для того, чтобы лучше скрышъ свое намѣреніе, а уйдти хопѣлъ ночью и догнашъ

обозъ на дорогѣ. Неопытность моя не предвидѣла никакихъ препятствій.

« День случился праздничный. Опець мой, не занятой ни какою работою, осматривался дома, и былъ необыкновенно веселъ и ласковъ ко мнѣ. За ужиномъ, какъ нарочно, онъ разговорился о своихъ надеждахъ, въ проспошѣ сердца высказывалъ смиренные свои планы, и оканчивалъ все тѣмъ, что я вѣрная подпора у него, что я на старости буду его кормильцемъ. «Руки приложишь, слава Богу, ешь къ чему; только ты будь добръ и послушливъ.» Это были, я думаю, послѣднія слова его ко мнѣ. Признаюсь, я гошовъ былъ бросишься къ ногамъ опца, испросишь прощенье въ спрашномъ непослушаніи, которое скоро хотѣлъ сдѣлать, и осматриваюсь навѣкъ добрымъ мужикомъ, на утѣшеніе спарику. Но матица моя вдругъ взбѣсилась за что-то, и пошчасъ выгнала изъ сердца моего всю чувствительность. Такимъ образомъ, она невольно шолкнула меня къ развязкѣ. Я легъ спать. Не помню, спалъ-ли я; но знаю, что кровь волновалась во мнѣ, что я былъ какъ въ лихорадкѣ, и когда насупила давно желанная минуша, я долженъ былъ призвашь на помощь всю бодрость свою.

« Послушай, Виноградовъ! Не доказываешь-ли чистоты намѣренія моего даже то, что я не думалъ о средствахъ дороги, не запасся ни

одною копѣйкою, ничѣмъ? Пускаясь въ далекій, безвѣстный пушь, одинъ, пѣшкомъ, я не воображалъ, что могу умереть съ голоду или замерзнуть на дорогѣ. Я хопѣлъ бѣжать, только бѣжать, къ неясной, единственной для меня цѣли.

«Боязливо поднялся я съ постели своей; но въ домѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Я ошискалъ ошущью свое чистое бѣлье, надѣлъ двѣ рубашки, и на нихъ овчинный шулупъ свой, который носилъ каждый день; завязалъ въ узелъ вѣрные свои книги, Арифметику и Грамматику; взялъ еще кусокъ чернаго хлѣба, оставшійся на шолѣ ошъ ужина, и началъ пошохоньку выходить. У порога я ошановился невольнo и прислушивался къ дыханію спящихъ (ты знаешь, что въ деревенскихъ избахъ всѣ спятъ въ одной комнашѣ). Какъ мнѣ хопѣлось взглянуть еще разъ на ошца! Я предшавлялъ себѣ его шо грознымъ, шо умоляющимъ; темнота придавала особенную игру воображенію.... Наконецъ, боясь измѣнить себѣ и разбудить кого нибудь, я пошѣшно ошперъ дверь, вышелъ во дворъ... надобно было еще ошпираться вороша. Мнѣ уже казалось, что въ избѣ сдѣлался шумъ... Торопливо выскочилъ я на улицу и пуспился бѣжать.

«Ночь была темная, но къ счастью не очень холодная. Я бѣжалъ не оглядываясь; напослѣ-

докъ выбился изъ силъ и принужденъ былъ присѣсть на сугробъ снѣгу. Туть-по пришло мнѣ въ голову, какъ опчаянно было предпріятіе, которое зашѣлъ я. Покуда я былъ среди людей, въ теплой комнаѣ, мнѣ казалось, что пройди до Москвы — игрушка: вспалъ да пошелъ! Но опбѣжавши нѣсколько верспъ опъ родипельскаго дома, ночью, въ пусынѣ снѣговъ, я почувсповалъ совсѣмъ иное. Взошла луна и освѣшила передо мною неизмѣримое проспранство, одѣное въ бѣлый саванъ: я, человекъ, уничтожался на эпомъ спрашномъ лонѣ природы. Слезы брызнули изъ глазъ моихъ, когда я не только вообразилъ, но и увидѣлъ свое одиноество. Оглядываясь къ родной споронѣ, я плакалъ пуще. «Ты одинъ, беспомощенъ пеперь!» сказалъ я самъ себѣ. «Ты самъ вырвался изъ родныхъ объятій!... Но ворочаться поздно!» подумалъ я. «Дома ждушь меня пеперь побой, долгій гнѣвъ опца, и—мачиха, со всею злостью своею. А впереди мое счастье, цѣль давнихъ желаній моихъ. Пойдемъ-же въ міръ, боропься съ нимъ!...»

«Бодро спалъ я на ноги и скорымъ шагомъ пуспился по дорогѣ. Всю оспальную ночь и весь слѣдующій день, я по шелъ, по бѣжалъ, не оспанавливаясь почти нигдѣ. Наконецъ успалось принудила меня оспановипься въ какой-то деревнѣ, уже поздно вечеромъ. Я спалъ

распрашиваешь, давно-ли проходилъ шупъ обозъ съ рыбою; мнѣ сказали, что передъ самымъ вечеромъ, и что онъ вѣрно остановился въ ближайшей деревнѣ. Я бросился на лавку и спалъ часа два мертвымъ сномъ; пробудившись, поспѣхъ отправился впередъ, и на разсвѣтѣ, часу въ десятомъ дня, догналъ обозъ, уже въ семидесяти верстахъ отъ нашего селенія... Оспальнаго досказываешь нечего.»

Виноградовъ слушалъ своего поварища съ такимъ вниманіемъ, что даже не прервалъ его ни разу. Когда Ломоносовъ переспалъ говоришь, онъ все еще напрягалъ слухъ, и наконецъ сказалъ :

— Знаешь-ли, Михайло, что я уважаю себя еще больше, когда знаю исторію швоей жизни.

« Мнѣ кажешся, въ этой жизни всего больше гореспнаго.

— И высокаго, превосходнаго! Обыкновенный человекъ, на швоемъ мѣспѣ, не рѣшился-бы уйдти въ одномъ шулуѣ, безъ копѣйки денегъ; нѣшъ, онъ все собиралъ-бы средства, жаловался-бы во всю жизнь на судьбу, и оспался-бы грамотнымъ мужикомъ, не болѣе.

« Правда, рѣшимости надобно было много! Но много и счастья, потому что я зависѣлъ отъ перваго встрѣчнаго.

— Богъ всегда награждаетъ такую благородную смѣлость , какова была пвоя.

« Но онъ-же испытываетъ такихъ бурныхъ людей , какъ я , и спрашиваи птяжкими. Неужели , ты думаешь , мнѣ легко пробивать грудью препятствія судьбы , и что мнѣ даромъ достаются мои ничтожные успѣхи ? Нѣтъ , мнѣ трудно нежели кому нибудь ! Голова моя горитъ и сердце какъ будто хочетъ выпрыгнуть отъ эшихъ сильныхъ ощущеній , которыя увлекаютъ меня , не знаю куда. А я такъ-же человекъ , какъ и другіе ! Не умѣю назвать спраши моей къ ученю , но уже много перепѣлъ я для нея. Ты видѣлъ , какихъ препятствій спойло мнѣ добратся до Москвы. Но шумъ ожидали меня испытанія новыя. Я выперпѣлъ все униженіе отъ людей , пока добился въ Спасскую школу. Всякій дуракъ величался передо мной , душилъ мое самолюбіе , напоминалъ о нищетѣ моей. . . А эта ужасная фурія , которую называють нищетоу ! Она не перестаетъ перзаетъ меня до сей поры , и кажется не перестанетъ еще долго. Грудь ломится , когда вспомнишь о прошедшемъ и будущемъ ! . . .

— Но главное шеперь уже сдѣлано ; въ будущемъ остаются для себя одни успѣхи.

« Успѣхи ? Да знаешь-ли ты , что значатъ для меня успѣхи ?

— Эшо слово имѣешъ общій смыслъ для всѣхъ.

« Для всѣхъ , но не для меня. Успѣхъ-ли, что я въ пяшь лѣшь выучилъ Лашинь, съ прибавкою кой-чего, и шакъ-же начинаю шеперь учисья Еспеспвознанію? Пожалуй, меня и шеперь можно сдѣлашь Профессоромъ въ эшихъ предме-шахъ; эшо и называющъ обыкновенно успѣхами. Нѣшь, надобно узнашь науку, и пошомъ самому сдѣлашь въ ней шагъ, распросранишь ея предѣлы. Мнѣ извѣсны шеперь двадцать пред-мешовъ, въ копорыхъ я *обязанъ* совершить ша-кіе успѣхи. Иначе, что я шакое? Школѣнцкъ!

— Ну, мнѣ кажешся, ты понимаешъ эшо ужъ слишкомъ свысока. Довольно и шого, что мы поравняемся съ другими. Да и можно-ли брашь-ся за все?

« А какъ-же иначе? Пожалуй, довольствуйся шѣмъ, что скажущъ или покажущъ шебѣ учи-шели, шакъ ты и будешъ ученый невѣжда. Вѣкъ и наука не ждушъ насъ, и своимъ чередомъ идушъ впередъ. Мнѣ хочешся не шолько до-гнашь, но и перегнашь ихъ. Иначе я не спалъ-бы и учисья. Что-же говоришь ты, будшо не лзя брашься за все, шо для насъ Рускихъ эшо правило покуда еще не умѣшно. У насъ шакъ мало дѣлашелей, что они обязаны брашь-ся за все. Иначе, осуди нашего Великаго Петра,

который не хотѣлъ бытъ только хорошимъ Генераломъ или хорошимъ кораблеспроиселемъ: онъ былъ все. Русскій ученый долженъ обрабатывать свой языкъ, изобрѣтать правила для Спихошворства и Краснорѣчія, переводить образцы. . . . А Науки Математическія? . . . Да что и говоришь!.. Не возражай, что я забавляюсь мечной: когда прекратишь жизнь моя, тогда только буду я не доступенъ всему окружающему. А теперь, когда сердце бьется во мнѣ съ такою силой, я хочу захватить себѣ цѣлый міръ.

Виноградовъ улыбнулся.

« Не мучь меня эшою равнодушною усмѣшкой! » вскричалъ Ломоносовъ. « Вы, благоразумные люди, не сдѣлаете ничего безъ насъ, полу-сумасшедшихъ. Наши-же пруды спанете вы приводить въ порядокъ.

— Но, скажи мнѣ, откуда взялъ ты всѣ эти мысли? Я ничего подобнаго не слыживалъ, и хоть не совсѣмъ согласенъ съ тобой, но не могу сказать, чтобы не нравились мнѣ твои слова.

« Да опъ кого-же могъ-бы ты слышать ихъ, когда я самъ придумалъ все эшо, » ошвѣчалъ развеселясь Ломоносовъ. « Глупаго празднаго времени ошпается много; я стараюсь наполнить его своими размышленіями. И ты можешь дѣлать шо же.

— Да у меня недостаесть времени на ученье!

« Чпò шупь учишь? Снова признаюсь тебѣ: я не совсѣмъ доволенъ здѣшнимъ ученьемъ. Все это мало, поверхностно, неудовлетворишельно.

— Какъ неудовлетворишельно? Мы слушаемъ лучшихъ Профессоровъ.

« Тѣмъ досаднѣе, что они какъ будто скривающъ отъ насъ что-то. Право, Виноградовъ, я недоволенъ ихъ ученостью.

Глава VIII.

Въ послѣднихъ словахъ Ломоносова заключалась истина, непонятная для него самого. Онъ почно былъ *недоволенъ* своими Профессорами, и пошому именно, что удовольствовашь пламенную спрасъ его къ ученю не могло ни что. Ознакомлясь съ предметомъ какой либо науки или искусства, онъ хощель обнять его во всей обширности, изслѣдовашь всею изыскашельностью своего ума, и, еще болѣе, своего поэшическаго чувсва. Робкая ученость не любилъ этого, пошому что ей надобны успѣхи извѣснаго размѣра, постоянные и постепенные. Раздвигаютъ науку не въ школахъ. Но Ломоносовъ не подозрѣвалъ этого, и съ жаромъ принявшись за Естествознаніе, вскорѣ пришелъ въ шакое-же недоумѣніе, какое мучило его при изученіи Словесности: онъ думалъ, что это не вся наука, что это лишь начала ея, и пошому-то въ часы досады восклицалъ, что

уцисели скрывающъ ошъ него истинную глублину знанія.

А между шѣмъ, учисели не нарадовались его успѣхами. И кто-же были это? Знаменитые въ ученоемъ мѣрѣ Бильфингеръ, Байеръ, Эйлеръ! Они удивлялись рѣдкимъ дарованіямъ молодого Рускаго и оказывали ему большія поощренія. Онъ прилежитѣ всего занимался Физикою, Химією, Металлургією, и сдѣлалъ быстрые успѣхи въ Математикѣ. Эйлеръ, эшотъ родоначалникъ всѣхъ математиковъ въ Россіи, погда еще юный, полный силъ, предсказывалъ, что изъ Ломоносова образуешя отличныи математикъ и натуралистъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пронилательность ума, соединенная съ любовью къ Математикѣ и Естествознанію, общала многое; но природная неперѣливосшь, и спремленіе къ всеобъемлемости, признакъ всѣхъ преобразователей и великихъ двигателей въ наукахъ, мѣшали многому. Иногда какой нибудь предметъ обращалъ на себя особенное вниманіе Ломоносова, и онъ посвящалъ ему дни и ночи, оставляя всѣ другія занятія. Иногда, неудовлетворенный ничѣмъ, онъ покидалъ все, для того чтобы снова приняшься за все съ новымъ жаромъ.

Участь въ Академической Гимназіи, онъ имѣлъ болѣе свободы нежели въ Законоспасской Ака-

деміи, гдѣ его держали почти взаперти. Онъ знакомился съ самимъ Пешербургомъ, наблюдалъ огромные начатки Пешра, и непрерывно больше влюблялся въ эшого великаго человѣка, безсмертнаго на всѣхъ пупяхъ человѣческаго общесства. Давно хощѣлъ Ломоносовъ посѣпить и славнаго сподвижника его, а своего благодѣтеля Теофана. Эшо было однакожь довольно шрудно. Теофанъ, опягченнѣй болѣзненными припадками, не могъ принимашь многихъ. Бѣднѣй студентъ не посшигалъ, что были и другія причины шруднаго доспуа къ знаменишому сановнику. Теофанъ охошно оказывалъ ему покровительство, но обремененнѣй дѣлами и опношеніями инаго рода, не могъ или не хощѣлъ принячь его. Онъ видѣлъ въ Ломоносовѣ умнаго, любящаго науки бѣдняка, съ которымъ не было у нихъ ничего общаго.

Однажды, въ свободнѣй часъ, онъ пришелъ въ переднюю Теофана: опячь не лъзя было видѣшь Архіепископа.

« Доложише Его Высокопреосвященству, что извѣстнѣй ему студентъ Михайло Ломоносовъ приходилъ засвидѣтельствовашь свое почтеніе.

— Не премину — опвѣчалъ служитель.

« Не лъзя-ли доложить и о томъ, что я прихожу не въ первый уже разъ, но до сихъ поръ не имѣлъ счастья лично изъяснить Его Высоко-

преосвященству мою душевную благодарносшь за всѣ его ко мнѣ благодѣянія.

— Докладываешь Его Высокопреосвященству о всѣхъ приходящихъ, и входишь въ объясненія о нихъ, не мое дѣло. Мало-ли сколько народу приходишь сюда!

Это задѣло самолюбіе молодого человѣка. Можешь быть еще въ первый разъ философсвуя въ передней, онъ сдѣлалъ непергъливое движеніе. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но споявшій вблизи, какой-то спаричекъ въ свѣтскомъ плащѣ, предупредилъ его словами:

— Не по пуши-ли иди намъ? Пойдемше. — И сдѣлавъ привѣпливый знакъ рукою, онъ пошелъ.

Удивленный Ломоносовъ невольно послѣдовалъ за нимъ.

Вышедши на улицу, незнакомецъ сказалъ пріяннымъ голосомъ:

— Вы конечно недавно въ Пешербургъ?

«Съ годъ,» опивчалъ Ломоносовъ. «И въ годъ не могу добиться увидѣшь моего благодѣтеля!

— Не удивительно: Архіепископъ всегда занятъ; а теперь еще онъ и боленъ, очень опасно.

«Опасно боленъ?»

— Да, медики опасаются за жизнь его. Впрочемъ, хотя у него застарѣлая и неизлечимая

болѣзнь, но не шакая, ошъ кошорой умирають мгновенно. Архіепископъ располагается ѣхать въ Новгородъ.

«Боже мой! И пакъ можешъ случисься, что я не увижу Высокопреосвященнаго! . . .

— Пріятно встрѣпшь такую признапельность къ человекъу, кошорого называете вы своимъ благодѣпелемъ.

«Онъ испинный мой благодѣпель. Болѣе всѣхъ ему обязанъ я пѣмъ, что продолжаю ученіе въ здѣпней Академической Гимназіи.

— А вы учипесь здѣсь, въ Академической Гимназіи! Радуюсь за васъ: Профессоры ваши люди Европейской учености.

«Да, и все Нѣмцы.

— Но развѣ Нѣмецъ, каковъ Эйлеръ, не украшеніе своего новаго опечесства? Рекомендація Бернулли и ученые шракшаны, имъ сочиненные, ручаються за него. Всѣ другіе Академики пакже люди опшличныхъ дарованій.

Эпошъ разговоръ начиналъ занимать Ломоносова. Онъ съ любопытствомъ спросилъ:

— Конечно вы знаете ихъ всѣхъ?

«Какъ-же и не знашь такихъ людей! Эпо цвѣпъ учености въ Европѣ.

— Но позволите спросить: съ кѣмъ имѣю честь разговаривать?

« Я Адамъ. Бурхардъ Селлій , учитель Александро-Невской Семинаріи .

— Селлій ? Но вы шакъ хорошо говорите по Русски , что я не подозрѣвалъ-бы въ васъ иностранца .

« Много чеспи ! Впрочемъ , я давно въ Россіи , люблю новое ошечество мое , обожаю религію вашу , и почель первымъ долгомъ выучиться сколько можно Русскому языку .

— Вы сказали : *нашу* религію ; слѣдовательно вы не принадлежите къ нашему исповѣданію ?

« Я Люшеранинъ .

— Но какъ-же обучаете вы юношество въ Семинаріи , будучи иновѣрцемъ ?

« Предметъ мой не касается религіи : я учу Лапинскому , языку , и еще прежде занималъ эту должность въ школѣ , заведенной Высокопреосвященнымъ Теофаномъ на Карповскомъ Новгородскомъ подворьѣ .

— Такъ вы близки и къ Высокопреосвященному ?

« Три года занимался я въ школѣ подъ его покровительствомъ . Извините , что я шакъ много сказываю вамъ о себѣ ; но я хочу чтобы вы знали меня , пошому что давно знаю васъ . Архіепископъ описывалъ мнѣ вашу необыкновенную жизнь , вашу любовь къ наукамъ , и успѣхи

въ нихъ. Когда вы назвали себя, я порадовался случаю познакомиться съ вами. Жалѣю, что не зналъ васъ въ Москвѣ.

— А вы были и въ Москвѣ.

« Какъ-же! я былъ и шамъ училелемъ въ Гимназіи.

Ломоносовъ еще въ первый разъ встрѣпилъ такого привѣшливаго ученаго. Онъ жалѣлъ, что должно было прекрапить разговоръ съ Селліемъ (имъ приходилось идти въ разные спорны), и обрадовался, когда умный Дашчанинъ пригласилъ его къ себѣ.

Въ его ученой кельѣ Ломоносовъ пришелъ въ восторгъ, когда увидѣлъ себя посреди множества книгъ, рукописей, и всѣхъ пособій учености. Показывая ему свои разные труды, Селлій сказалъ между прочимъ:

— Вотъ это выписки для Академика Байера.

« Для нашего Байера?

— Да. Онъ приглашаетъ меня иногда раздѣлять труды свои, пошому что вовсе не знаетъ Русскаго языка. Вотъ рукопись, которую приговляю къ печати: это *Schediasma litterarium de scriptoribus, qui Historiam Politico-Ecclesiasticam Rossiaë scriptis illustrarunt.*

« Я вижу у васъ удивительное богатство матеріаловъ для Церковной Россійской Исторіи.

— Эшо любимый предметъ мой, и я надѣюсь сдѣлать кой-что для будущихъ испориковъ Россійской Церкви.

« Но какъ можешь занимать эшошь предметъ вась. . . . Люперанина ?

— Молодой человекъ! Я Рускій душою, которая благоговѣнно прилѣплена къ Православной Церкви. Только обстоятельство мѣшающъ мнѣ до сихъ поръ принять святое муропомазаніе. Надѣюсь однакожь, что хошь при концѣ жизни Господь удостоитъ меня эшого счастья.

Съ изумленіемъ глядѣлъ Ломоносовъ на почтеннаго спарика Селлія. Онъ видѣлъ въ немъ человекъ, посвятившаго всю жизнь изысканію истины, и скромно спросилъ: какія-же причины удерживающъ его ошь вступленія въ Православную Церковь ?

— Миръ! — отвѣчалъ Селлій выразительно.— Миръ приковалъ меня къ себѣ заботами мясешной жизни, и я не могу опорваться ошь него. Мое желаніе: совершенно оставитъ житейское море и скрыться ошь людей подъ чернымъ крестомъ монаха.

« Не понимаю, » возразилъ Ломоносовъ, « какъ съ такими правами на жизнь, при такой обширной умственной дѣятельности, вы хошите обречь себя смерти ?

— Да, и прудно понять эшо человекъ, который лишь ховетъ вступать въ миръ! Но я

уже испытанный боець : я уснулъ, и душа моя требуетъ успокоенія. Впрочемъ, кпо знаетъ, скоро-ли я найду его? Можетъ быть, порывъ обстоятельство опять увлечетъ меня въ бурю свѣша!...

Разговоръ перешелъ къ путешествіямъ, которыми Селій совершилъ по Европѣ. Эпошъ замѣчательный человекъ родился въ Тондернѣ, въ Шлезвигскомъ Герцогствѣ, учился въ разныхъ иностранныхъ Университетахъ, и особенно занимался Медициною. Въ Іенѣ, слушая лекціи славнаго Доктора Богословія Буддея, онъ въ первый разъ обратилъ вниманіе на богословскія истины, и вскорѣ это сдѣлалось любимымъ его занятіемъ. Съ сомнѣніемъ въ душѣ и съ обширными познаніями въ Философіи, Словесности, Медицинѣ и особенно Богословіи, онъ пріѣхалъ въ Россію около 1722 года.

Ломоносовъ спрашивалъ его объ ученіи въ Европейскихъ Университетахъ, и выразилъ сильное желаніе побывать и поучиться тамъ.

— Конечно, — сказалъ Селій — это не можешь быть бесполезно; только надобно прежде всего надѣяться на себя. Никакіе Профессоры не внушатъ намъ любви къ наукѣ, если нѣтъ ея въ насъ самихъ; а кпо любилъ науку, пошъ можетъ многое узнать и въ своемъ отечествѣ.

« Но у насъ шакъ мало пособій ученыхъ.

— Не спорю, и думаю даже, что для усовершенствованія себя надобно извѣдашь разные способы и методы ученія, а для этого необходимо путешествовать; но, не воображай, молодой человекъ, что на Западѣ увидишь пы испинный свѣсъ учености. Всякій человекъ ложь, или, просто скажешь: человекъ.

« Однакожъ въ Россію призвали ученыхъ опшуда. . . .

— Почему что у насъ совѣмъ не было этого рода учености, которую можно назвашь свѣсскою. Вы, первые воспитанники Академіи, должны образовашь поколѣніе Русскихъ ученыхъ.

Это замѣчаніе воспламенило Русскую душу Ломоносова. Онъ съ жаромъ началъ высказывать свои надежды, свои планы, свое неудовлетворяемое ничѣмъ любопытство. Селій ободрялъ его, поправлялъ, старался пояснить его недоразумѣнія. Такъ продолжался разговоръ ихъ нѣсколько часовъ. Они разсѣлись; но Ломоносовъ испросилъ напередъ у новаго знакомаго своего позволеніе приходиль къ нему.

Вскорѣ Ломоносовъ услышалъ, что Теофанъ скончался въ Новгородѣ, куда уѣхалъ онъ уже больной. Эша вѣсшь поразила его. Онъ никакъ не воображалъ, чтобы шолько разъ въ жизни

случилось ему видѣшь и слышашь человѣка, бывшаго украшеніемъ Россійскаго Духовенства. «Просвѣщенный, ученый благодѣшель мой не сущесшвуешъ болѣе!» вскричалъ онъ. «Но и при концѣ жизни своей, онъ какъ будшо завѣщаль мнѣ благосклоннось человѣка, сшоль-же доспойнаго уваженія въ своемъ родѣ. Я приходилъ къ нему въ послѣдній разъ шолько для шого, чтобы узнашь Адама Селлія.»

Знакомство его съ эшимъ ученымъ мужемъ поддерживалось, и Ломоносовъ часшо посвящаль досуги свои бесѣдамъ съ нимъ. Вскорѣ однакожь обшошпельсшва развели новыхъ знакомцевъ.

Академія рѣшилась послашъ въ Германію двухъ спуденшовъ Академической Гимназіи, для усовершенсшвованія ихъ въ Химіи и Горномъ дѣлѣ. Ломоносовъ началъ прилагашъ особенное спараніе объ изученіи эшихъ наукъ. Съ его рѣдкою способносью узнашь многое въ немного времени, прудно-ли было ему опшличиться передъ всѣми своими шоварищами? Дѣйсшвительшо, когда надобно было наконецъ сдѣлать назначеніе объ опшправкѣ именно какихъ лицъ, назначили Ломоносова, и — къ радости и удивленію его — Виноградова.

— Любезный другъ и шоварищъ! — вскричалъ онъ. — Не нужно увѣрять себя, что я радъ опшличію, кошорое оказала мнѣ Академія. Но

повѣринь-ли? Меня еще больше радуешь по, что мы поѣдемъ вмѣстѣ.

« Спасибо, Михайло! А мнѣ съ побой будешь шакъ легко и весело.

— Но скажи, ради Бога! какъ эшо сдѣлалось? Ты, правда, всегда былъ опличный ученикъ, шолько не въ шѣхъ предметахъ, которые шре-бующся опъ назначенныхъ въ Германію. Какимъ чудомъ назначили шебя?

« На все, брашець, ешь средспва, ешь ма-нера, какъ взяшься за что.

— Какая-же эшо манера, какія средспва?

« Ты взялъ грудью, по своему обычаю, *выси-дль* награду, какъ говоришься у насъ въ учи-лицъ; а для меня сыскались добрые люди, ко-шорыхъ опличіе поспараюшь я оправдашь.

— Какъ?.. Я не понимаю эшого.

« Эшо очень поняшно. Мои родные знакомы съ Академиками; они просили ихъ обратишь вниманіе на мои успѣхи—по ешь, если успѣхи ешь — и вошь Академики назначили меня.

Ломоносовъ поморщился, когда понялъ эшо по своему.

— Зачѣмъ-же не просшо хопѣлъ пы заслу-жишь опличіе?

« Какъ просшо?

— Трудомъ.

« Эшо хорошо , да не всегда вѣрно .

— А по вѣрно , да не хорошо .

« Чшо-же шущь худаго ?

— То , чшо я не хошѣль-бы видѣшь Виноградова , сгибающаго спину .

« Ломоносовъ ! шы обижаешь меня . Я не сгибался ни передь кѣмъ , не былъ ни у кого въ передней ; за меня шолько сказали нѣсколько словъ . Повѣрь , мой другъ , безъ эшихъ маленькихъ хипросшей не лзя жипшь на свѣштѣ .

— Не лзя , шакъ и не живи .

« Ну , вопъ , видишь-ли куда приводишь швоя логика : *ad absurdum* .

Ломоносовъ могъ-бы доказашь справедливоспъ швою , въ кошорой былъ онъ убѣжденъ . Но онъ искренно любилъ Виноградова за умъ и доброе сердце , и пошому ошошно ошпановилъ въ дальнѣйшихъ убѣжденіяхъ . Такъ любимъ мы всегда прощашь маленькія слабоспи въ человѣкѣ , близкомъ сердцу , извиняя пошупки его необходимоспью , неопышноспью , невѣдѣніемъ .

Сборы къ опъѣзду нѣсколько времени занимали друзей . Имъ дали обширную инспрукцію , въ кошорой было сказано , чшо Академія , опшчая необыкновенныя способности и прилежаіе спуденшовъ Ломоносова и Виноградова , опшправляетъ ихъ , для дальнѣйшаго усовершенспвованія въ наукахъ Машемашическиххъ , въ

Физикъ , Химіи и Металлургіи , къ славному въ ученѣмъ мірѣ Философу и Математику Христіану Вольфу ; что они ошправляются на иждивеніи Академіи , на первый случай въ Марбургъ , мѣшпопробываніе упомянушаго ученаго ; что послѣ *изряднаго* обученія у Христіана Вольфа , *имѣють они* ѣхашъ , по его совѣту , въ другія мѣста Германіи .

За эшимъ слѣдовали наснавленія нравственныя и экономическія : веспи себя порядочно ; въ проѣздѣ черезъ Россію и чужеспранныя Государства оказывашъ повиновеніе власнямъ ; соблюдашъ усшавы религіи и благонравія ; всемѣрно заботишъся и пецись о наукѣ ; наконецъ , не издерживашъ болѣе назначенной имъ на расходы суммы , и шакъ далѣе .

Въ поржеспственномъ засѣданіи Академіи вручили имъ инспрукцію , деньги , письмо къ Христіану Вольфу , и въ заключеніе всего сказали еще маленькое увѣщаніе , о исполненіи обязанностей . Молодымъ ученымъ назначено было оправишъся въ пушь на другой день .

Ломоносовъ улучилъ минушу забѣжашъ къ Селію . Старикъ обрадовался , что юный другъ его ѣдешъ въ средопочіе просвѣщенія , что шеперь ошъ него самого зависишъ довершишъ начашое шакъ шасшливо .

« А я увѣренъ , что какъ скоро зависишъ эшо ошъ Ломоносова , онъ не обманешъ на-

деждь Академіи. Какъ знашь, мой другъ, что, можешъ бышь, шѣбѣ предназначено бышь первымъ Русскимъ ученымъ; можешъ бышь, шы призванъ судьбою показашъ, къ чему способенъ въ наукахъ знаменишый Русскій народъ.»

Такое шоржешвенное, лешное поощреніе изъ ушъ опышнаго ученаго, было усладишельно душѣ Ломоносова. Онъ съ жаромъ поцѣловаль его руку, благодариль за учасіе къ судьбѣ своей, и почши со слезами на глазахъ вышелъ ошъ Селлія.

Чѣмъ ближе спановилась минуша ошѣзда, шѣмъ болѣе превожилась душа Ломоносова. Мысль, что онъ долженъ разшашься съ опечешвомъ, въ первый разъ сдѣлалась для него чувспвишельна. Все родное заключалось у него въ словѣ: *Россія*, потому что онъ уже давно разлучился съ опцомъ, кошорый одинъ сосшавлялъ для него семейшво. Онъ привыкъ жить одинокимъ, безроднымъ среди людей; но еще у него оспавалось опечешво. Теперь, надобно было покинушь и его, покинушь родной воздухъ, родной языкъ, родную землю.

«О, ешъ многое, чего не цѣнимъ мы по достоинству, и что узнаемъ шолько шогда, когда лишаемся его!» сказалъ онъ самъ себѣ, кидаясь на постель вечеромъ, наканунѣ ошѣзда. Можно предспавишь себѣ, спожойно-ли

провелъ Ломоносовъ ночь. Онъ вспалъ рано ушромъ , и шоропилъ Виноградова ѣхашъ.

Но Виноградовъ , окруженный своими родными , не могъ бышь шакъ бодръ какъ шоварищъ его. Наконецъ и онъ кинулся въ повозку, провожаемый слезами и благословеніями. Ломоносовъ спарался ободришь друга , описывалъ ему шаспливую Германію , чудеса Европы , и собшвенное ихъ будущее , шопорое улыбалось очень привѣшливо.

— Вообрази прежде всего — сказалъ онъ — что мы наконецъ свободны въ своихъ поспуцкахъ , можемъ дѣйшвовашъ какъ граждане міра, а не какъ школьники.

« Поздравляю шебя ; но, я думаю, эшо пошруднѣ нежели сидѣшь спокойно за книгою. Не знаю почему , шолько я не радуюсь своей волѣ. Мнѣ пошши жаль , что ѣду изъ Россіи.

— Жаль и мнѣ оставишь ее, можешъ бышь на долго. Но за шо, какъ весело будешъ ворошишься намъ , обогащеннымъ новыми познаніями , опышношью , и можешъ бышь какими нибудь заслугами !

« Дай Богъ , чтошбы сбылись швои слова.

Подумавъ немного , Ломоносовъ сказалъ :

— Во всякомъ случаѣ , школьничешкая жизнь наша кончилась ; пора дѣйшвовашъ на поприщѣ свѣша.

ГЛАВА IX.

Какое чувство шѣснилось въ груди Ломоносова , когда онъ ославилъ за собою границу Россіи?... Радость, что онъ всшупилъ въ Государства , славныя своею образованностью, пока разлуки съ отечествомъ , и неизвѣстность будущаго , которое всегда грозѣе представляется намъ въ подобныхъ случаяхъ: вошь что испышывалъ путешественникъ, пылкій во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Вѣроятно , не разъ подумалъ онъ и о томъ : съ какими чувствами встрѣчу я оцять себя, моя родина? Какъ представившись тогда мнѣ ты, и каковъ буду я самъ, возвращаясь на твою священную землю? Достойнаго-ли сына увидишь ты во мнѣ , или человека , ушрашившаго счастье, миръ души и средства бышь полезнымъ отечеству?

Но задумчивость обоихъ путешественниковъ прошла , когда они вѣхали на равнины Саксоніи.

«Наконецъ мы въ Германіи,» сказалъ съ нѣкопорою поржешественностью Ломоносовъ своему соупшнику.» Посмошри какія богашья, обрабопанныя поля, какіе красивые перелѣски, какія шучныя пажшши! Послѣ песчаной Бранденбургіи они кажушся еще прелесшнѣе. И чшѡ за миловидные домики! чшѡ за хорошенкїя личики выглядывающъ изъ эшихъ домиковъ!

— Все эшо хорошо—опшвѣчалъ Виноградовъ—но мнѣ, право, жаль, чшѡ мы уже проѣхали пески Бранденбургіи.

«Жаль? не шого-ли, чшѡ мы не будемъ шашшсь на ряду съ обозными шѣлегами, по одной милѣ въ пять часовъ?»

— Ну, везущь-шо и насъ не слишкомъ бойко: не какъ въ Россіи! А жаль, чшѡ мы все дальше и дальше опъ родимой спороны.

«Чшѡ-жь дѣлаеш, Виноградовъ! Надобно и шущъ пожершвованіе.

— Грустно!

«Нѣпъ, я не хочу грушшшь. Я хочу насладашсь мыслью, чшѡ мы шеперь среди образованнаго народа. Не грушшшь, а учишсь у него прїѣхали мы.

— Ужь вѣрно у эшихъ мужиковъ научишсь нечему. Иное дѣло Нѣмецкіе Профессоры....

«Мнѣ нравяшся и мужики здѣшніе. Какъ они опряшны, занашы своимъ дѣломъ, веселы!

— Все не шѡ, чшѡ у насъ.

«Теперь намъ, еще рано судишь объ этомъ :
поживемъ у Нѣмцевъ, тогда увидимъ. На взглядъ
у нихъ славно !

— Скучно.

«Да полно-же, Виноградовъ, посковашь !
Эшакъ не лѣзя ничѣмъ бышь довольнымъ. Углу-
бляйся въ науки, а не въ поску. И какъ не
радовашься, глядя на эши веселыя мѣспа !

— Мы не дѣши.

«Нѣшь, я всегда останусь диня, когда мнѣ
весело. Философшвуй какъ хочешь ; пеперь я
не поварищъ шебѣ.

И онъ вдыхалъ въ себя воздухъ Саксоніи,
давалъ полную волю глазамъ, и почно радовал-
ся всѣмъ, что видѣлъ и чувшвовалъ.

Поняшно эшо чувшво въ молодомъ, двад-
цати-шести лѣшнемъ человекѣ, воспитанномъ
среди снѣговъ Сѣвера и долго прожившемъ въ
спѣнахъ школы. Какъ вольная пшичка, выпу-
щенная изъ клѣшки, онъ радуешя природой,
и каждый предметъ имѣешъ для него несрав-
ненную цѣну, удвоиваемую свѣжесшью чувшвѣ.

Но Ломоносовъ не долго могъ наслаждашься
природою Германіи : онъ и поварищъ его ско-
ро достигли мѣспа своего назначенія, Мар-
бурга.

Эшопъ городъ не имѣлъ тогда славы, какою
пользовался онъ нѣкогда. Послѣ Цвингли и Лю-

шера, копорые совѣщались въ немъ объ испи-
нахъ и догматахъ новой своей религiи, Мар-
бургъ процвѣпалъ много лѣшъ, и Универси-
шешъ его сдѣлался славенъ своими учеными и
необыкновеннымъ спеченiемъ учащихся. Но раз-
новѣрiе, учрежденiе Пропешпаншскаго Универ-
сшеша въ Гиссенѣ, многiя народныя бѣдспвiя,
язва, Тридцати-лѣпняя война и другiя слѣдо-
вавшiя за нею войны, скоро заспавили мирныхъ
Музъ удалишся изъ эшого убѣжища. Только
переселенiе Хршпiана Вольфа въ Марбургъ на-
чало ошпшъ привлекашъ шуда молодыхъ ученыхъ,
и напомнило прежнюю славу Марбургскаго Уни-
версшеша.

Хршпiанъ Вольфъ не былъ шогда еще ни
Барономъ, ни богашѣйшимъ изъ ученыхъ людей,
но уже обращалъ на себя вниманiе Европы. Во
время профессорсшва своего въ Галле, онъ про-
славился Философическими лекцiями. И дѣйшви-
шельно, Философiя его дала новое движенiе
умамъ. Онъ былъ пояснштель, исправштель си-
спшемы Лейбница, и оказалъ великую услугу
наукъ своею спрогою, математическою мето-
дою изслѣдованiй. Онъ привлекъ къ себѣ жар-
кихъ послѣдовашелей, не защишился ошъ пе-
даншовъ, копорые принимая методу его шоль-
ко вредили ей, и наконецъ былъ гонимъ за
свою Философiю. Однимъ изъ самыхъ опчаян-
ныхъ враговъ его былъ соченъ по Универси-

пешу, Галльскій Профессоръ Ланге, энтузиастъ и піеписиъ, который находилъ въ Вольфовоѣ Философіи гибель для умовъ и даже для религіи. Онъ привлекъ на свою спорону нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, и соединенными силами они достигли того, что повелѣніемъ Короля Фридриха Вильгельма 4-го, Вольфъ былъ изгнанъ изъ Прусскихъ владѣній. Ему приказали подь смертною казнію оставишь Галле въ 24 часа. Оскорбленный философъ удалился въ Марбургъ, гдѣ былъ приняшь съ опличіемъ и занялъ мѣсто при шамошнемъ Университетѣ. Между пѣмъ слава его распроспранялась болѣе и болѣе; многіе Университетшы предлагали ему самыя выгодныя мѣста; но онъ опклонялъ всѣ предложенія, и уже не хотѣлъ возвратишь въ Галле, когда особо учрежденное собраніе ученыхъ въ Берлинѣ оправдало его опъ всѣхъ нарѣканій, и Король снова призывалъ его въ свои владѣнія.

Ломоносовъ зналъ славу своего будущаго учишеля, и по пріѣздѣ въ Марбургъ хотѣлъ какъ можно скорѣй явишься къ нему. Онъ съ поварищемъ своимъ занялъ маленькую кварширу, въ опдаленной часши города, и на другой-же день пошли они къ Вольфу.

Все казалось Ломоносову преображеннымъ, когда наконецъ онъ былъ въ зданіяхъ Универ-

сипеша, и робко постучался въ дверь знаменишаго ученаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какое странное сближеніе событій! Человѣкъ, рожденный по видимому проведши свою жизнь на берегахъ Бѣлаго моря, съ неведомъ, вырывается изъ непоспимой глубины невѣжества, и прудомъ, ученіемъ пролагаетъ себѣ путь къ кабинету перваго изъ современныхъ ученыхъ и философовъ. Онъ былъ какъ будто предсавишелемъ Сѣвера, пребывающаго просвѣщенія у Запада. Въ видѣ Ломоносова, Россія спучалась въ двери Вольфа, съ жаждою науки и знанія.

Слуга отворилъ дверь, и на вопросъ путешественниковъ, можно-ли видѣть Профессора, отвѣчалъ :

« Пожалуйше. »

Они вошли въ прекрасныя, хорошо убранныя комнаты. Имъ велѣли безъ доклада отворить дверь кабинета Вольфова. Нѣсколько секундъ Ломоносовъ сбиралъ силы сдѣлать это, и наконецъ отворилъ дверь.

Вольфъ сидѣлъ посреди кабинета, за большимъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами. Онъ поднялъ упомянутые работою глаза свои, и видя незнакомыхъ, вспалъ.

Ломоносовъ подалъ ему письмо Академіи и прибавилъ по-Лашински :

« Пепербургская Академія , въ лицѣ нашемъ , свидѣтельствуетъ глубокое уваженіе свое Христіану Вольфу. Она прислала сюда насъ , подавелей этого письма , учишься истинамъ , которыми просвѣщаете вы людей.

Вольфу пріямно было это неожиданное привѣщаніе , и онъ отвѣчалъ съ самою радушною улыбкою :

« Благодарю васъ , благодарю Пепербургскую Академію за вниманіе къ трудамъ моимъ , конечно не важнымъ , по крайней мѣрѣ усерднымъ. Прошу васъ , господа , садитесь. Вы рѣдкіе госпи у меня , и , кажется , даже я не имѣлъ удовольствія видѣть у себя Рускихъ.

— Нашъ Императоръ , Пепръ Великій , былъ первый Рускій , который пріѣзжалъ на западъ Европы учишься просвѣщенію. Мы идемъ только по направленію , какое далъ онъ своему народу.

« Да, Пепръ былъ не только Великій , но и величайшій изъ Государей. Жалѣю , что я не могъ пріѣхать , по приглашенію его , въ вашу Академію. Мы не поняли другъ друга ; сверхъ того , и Академія тогда еще не была открыта. Впрочемъ , другъ мой Бильфингеръ памъ , и я спокоенъ объ участи Философіи въ Россіи.

— Академикъ Бильфингеръ всегда называетъ себя ученикомъ вашимъ , и по его-то особенному желанію отправлены мы къ вамъ.

« Онъ раздѣляетъ мои философскія идеи , это правда , но такой ученикъ можетъ быть достойнѣе своего учителя. Лейбницъ : вопль общій нашъ душеводитель. Не называю его своимъ учителемъ , потому что не вполне раздѣляю идеи его. . . . Но , позвольте мнѣ прочесть письмо. »

Вольфъ распечаталъ письмо Академіи , началъ читать его , и далъ время посѣпшителямъ обглядѣть все , окружавшее ихъ. Съ какою жадностью смотрѣлъ Ломоносовъ на все это : каждая книга на столѣ Вольфа казалась ему чѣмъ-то избраннымъ , достойнымъ вниманія мудреца ; каждый исписанный листъ представлялъ онъ себѣ символомъ богатыхъ мыслей , и , можетъ быть , какой нибудь счетъ хлѣбника воображалъ глубокимъ математическимъ исчисленіемъ. Кабинетъ Вольфа , впрочемъ , не представлялъ никакихъ ученыхъ принадлежностей , кромѣ книгъ , и больше опличался богатствомъ вещей обыкновенныхъ .

Прочитавъ письмо , Вольфъ сказалъ :

« Академія Пешбургская поручаетъ васъ , молодые люди , моему руководству. Съ радостью принимаю на себя эту обязанность и почту за особенную честь содѣйствовать благородному ея намѣренію. Вы имѣли такихъ опличныхъ наставниковъ , послѣ которыхъ мнѣ остается не много труда. Мысль Пешра , освѣ-

ценная глубокомысленнымъ Лейбницемъ , должна принести обильные плоды. Сколько лѣтъ учились вы въ Академической Гимназіи ?

— Два года — отвѣчалъ Ломоносовъ.

« Послѣ пригошовишельнаго ученія , это доспашочно. Теперь , какъ я вижу изъ письма , васъ предназначающъ къ особенному изученію Философіи , Химіи и Металлургіи. »

Онъ вспалъ , началъ ходишь по комнатамъ , и какъ-бы размышлялъ вслухъ :

« Два, при года надобно посвящешь ученію въ Университетъ ; для Химіи и Металлургіи необходимо сдѣлашь нѣсколько путешествій , побывашъ въ рудникахъ , практически занимаешь памъ , и наконецъ сдѣлашь репешіцію всѣхъ приобрѣтенныхъ познаній. Дай Богъ , чтобы все это исполнилось ! . . . Какую часть Философіи преподавалъ вамъ Бильфингеръ ? » сказалъ онъ , обращаясь къ молодымъ людямъ .

— Послѣ общаго введенія — отвѣчалъ Ломоносовъ — онъ изъяснялъ Карпезіеву и Лейбницеvu системы , опровергалъ ученіе о монадахъ и предуспавленной гармоніи ; наконецъ обратился къ вашей системѣ .

« Слѣдственнo занимался новѣйшею Философіею . Не говорилъ-ли онъ чего либо о моихъ противникахъ ?

— Онъ упоминалъ о нихъ, прибавляя что они не споятъ опроверженія.

« Напрасно. Въ Философіи шерпимосць дороже нежели во всѣхъ другихъ наукахъ. Умъ человѣческій способенъ заблуждаться; но каждое заблужденіе естъ опытъ, копорымъ должно воспользоваться. Пропивники мои смѣшивають Философію съ Религією, и называють ученіе мое безбожнымъ. Но истина не боится ни какихъ нарѣканій. Время оправдаешъ меня.

— Оно уже и оправдало васъ, ученый мужъ!— сказалъ съ жаромъ Ломоносовъ. — Въвѣченосцы удостоивають васъ своею довѣренностью.

« А ученые гонятъ меня со свѣпа! Да, я много прешерпѣлъ за Философію, и примѣръ мой послужитъ новымъ урокомъ для будущихъ философовъ. Никогда и ни что не прешерпѣвало такихъ гоненій, какъ Философія. Сократъ выпилъ за нее цикушу; Джіордано Бруно, эшотъ добрый мечпашель, былъ сожженъ на коспрѣ; Карнезіи бѣжалъ изъ своего опечесшва. За что? за нѣсколько идей, копорыя не нравились другимъ людямъ.

— Общее уваженіе было всегда наградой великихъ прудовъ.

« Но въ самомъ прудѣ, въ самомъ подвигѣ лучшая награда его. Не себялюбіе говоритъ

это: нѣтъ, я вполне чувствую, напримѣръ, лесное опличіе, которое сдѣлала мнѣ Пешербургская Академія, пославши сюда васъ, молодые люди. Но никакая награда, никакое опличіе не могли быть цѣлю моей жизни. Вступая на шрудное поприще учености, и особенно Философіи, вы должны знать, что васъ ожидаетъ, прежде всего, борьба съ самими собою и съ жизнью. Чувствовали ли вы довольно мужества для такой борьбы?

— Да! — отвѣчали въ одинъ голосъ молодые люди.

« Это необходимо. Если какія нибудь поспороннія причины увлекаютъ человека на ученое поприще, онъ лучше сдѣлаетъ, если обратится къ чему нибудь другому. Только душевная твердость и спросъ къ самой наукѣ подкрѣпляютъ ученаго. Больше нѣтъ для него никакихъ обольщеній.

Ломоносовъ думалъ слышать въ эпихъ словахъ свою собственную исторію. Онъ не смѣлъ проронить ни одного слова изъ сужденій Вольфа.

— Впрочемъ, не пугайтесь спрогихъ предвѣщаній моихъ. Я хочу только, чтобы вы съ самаго начала знали, къ какому великому шруду предназначило васъ ошечество. Увѣренъ также, что Академія избрала достойныхъ изъ учениковъ своихъ. Небольшой разговоръ нашъ дока-

зываетъ , что я разсуждаю съ вами какъ спарый вашъ другъ. Прошу и мнѣ плашпшь шакоюже искренностью.

Молодые путешественники не знали какъ благодарпшь Вольфа за его привѣпливость. Они сказали нѣсколько вѣжливыхъ фразъ , и спросили , когда позволпшь онъ имъ посѣщашь Университетъ.

— Чѣмъ скорѣе , шѣмъ лучше. Завтра , если можно , приходпше въ мою аудппорю. После лекціи я предспавлю васъ другимъ Профессорамъ.

Такъ окончплся эпощъ разговоръ , доспопашпый для Ломоносова Онъ былъ совершенно очарованъ Вольфомъ , хоща еще не услышалъ опъ него ничего необыкновеннаго. Но уже одна мысль , что онъ бесѣдовалъ съ шакимъ знаменпшымъ мужемъ , приводпла его въ воспоргъ.

— Ну? что скажешь пш о Вольфѣ? — спрашпвалъ онъ у Впноградова , и сердплся что поощ не раздѣлялъ сильныхъ его впечашлѣній. Впноградовъ хощѣлъ сначала *осмотрѣться , подумать , посудпть*. Обыкновенныя изрѣченія мударости для домашняго обпхода!

На лекціи Вольфа нашли они многочисленное собраніе слушателей. Тутъ были молодые люди изъ всѣхъ спранъ Германіи , изъ Нидерландовъ , даже изъ Англіи и Франціи. Съ благоговѣйнымъ

вниманіемъ слушали они своего Профессора ; самые опытные пребывали у него иногда поясненій , доказательствъ , и онъ съ удивительнымъ присуществіемъ ума удовлетворялъ каждого. Ломоносовъ почелъ себя перенесеннымъ въ Академію Платона, или, еще больше, въ какой-то очарованный міръ. Онъ съ невыразимымъ счастьемъ слушалъ слова Профессора и глядѣлъ на все окружающее его. Это собраніе цвѣтущихъ юношей , пришедшихъ изъ разныхъ странъ учиться мудрости , казалось ему такимъ величественнымъ зрѣлищемъ, кошорое находилъ онъ выше всего , чпò когда нибудь видѣлъ и воображалъ.

Вольфъ не забылъ своего слова. Послѣ лекціи, онъ опыскалъ прїѣзжихъ изъ Россіи , повелъ ихъ въ Университетскіе Кабинеты , предсказавъ многимъ изъ своихъ товарищей-Профессоровъ, и просилъ почтшаго Ломоносова и Виноградова людьми, особенно ему порученными. Рекомендация такого значительнаго чловѣка открыла имъ входъ всюду. Они стали свободно посѣщать Университетъ , Профессоровъ, и скоро сблизились съ многими изъ своихъ соучениковъ.

Ломоносовъ увидѣлъ необходимость выучиться Нѣмецкому языку. Лашинскій былъ доспапочень для слушанія лекцій и даже для разговоровъ съ Профессорами и соучениками. Но и

эши не всё говорили свободно на языкѣ Римлянъ; да, сверхъ того, при одномъ Лашинскомъ, часто надобно было оспаваться нѣмымъ съ пуземцами; а эшо скучно и неудобно.

Съ обыкновенною силою рѣшимоспи своей, Ломоносовъ началъ учисься Нѣмецкому языку, изъ книгъ и изъ обращенія. Знакомые студентшы изъясняли ему Грамматику, исправляли произношеніе его, и говорили съ нимъ, часпо для того только, чшобы говорить. Виноградовъ учасшвовалъ въ эшомъ ученѣ, можешъ бышь не съ такимъ усердіемъ какъ поварищъ его, однакожь съ успѣхомъ. Прошло шри, чешыре мѣсяца и Ломоносовъ уже довольно свободно говорилъ по-Нѣмецки. Эшо еще больше придало ему охопы; онъ спалъ чаше видашься съ своими соучениками, иногда проводилъ съ ними цѣлые дни, и незамѣшно привыкалъ къ Нѣмецкой жизни.

Славная была эша жизнь! мирная, опрятная, безъ запѣйливыхъ спрасшей, и со всѣми прикрасами спокойшвія и пишины. Ломоносовъ опдыхалъ опгъ умешвенныхъ прудовъ своихъ въ кругу добрыхъ горожанъ, судилъ съ ними о хозяйшвѣ, рассказывалъ имъ чудеса о своемъ опечешвѣ, и часпо удивлялъ своими рассказами. Его полюбили спарики и спарушки за веселый характеръ, за опсрый умъ, копорымъ оживлялъ онъ ихъ разговоры, а всего больше

за желаніе узнать ихъ нравы и примѣнишься къ нимъ. Но если Ломоносова полюбили спешенные люди, по еще больше привязались къ нему люди молодые, у кошорыхъ шакъ-же кипѣла кровь какъ и у новаго шоварища ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Нѣмцѣ надобно различашъ двухъ человѣкъ: молодаго и спараго. Первый, почи всегда, проводить свои годы въ самомъ живомъ весельѣ, поддается пылкимъ спрасшамъ, и не знаешь границъ юношеской дѣяпельности своей. Онъ влюбляется, сумасбродствуетъ ошъ любви, и для одного слова добраго шоварища гошовъ спрѣляпшься, идиши въ огонь и въ воду. Дружба, любовь, наслажденія — вошъ для чего живешь молодой Нѣмецъ. Но проходятъ годы юности, насшаешъ возрастъ мужесшва, спешеншва, и лобъ огненнаго Нѣмца покрывается морщинами, взглядъ, пошшушь его принимающъ какую-шо важность, и черезъ десяшь лѣпшь вы не узнаешъ прежняго человѣка. Онъ безспрасшенъ: онъ хладнокровно глядишь на свѣпшь, на лешащія мимо его собышія, и думаешъ шолько о мирномъ уголкѣ своемъ, не думая болѣе о спрасшяхъ. Изъ Донъ-Кихота молодосши, онъ дѣлаешъ Санчо-Пансою пожилыхъ лѣпшь. Бываешъ шо-же во всѣхъ народахъ; но ни у одного, кромѣ Нѣмцевъ, нѣпшь шакого единообразія въ переходахъ жизни, шакой рѣзкой перемѣны въ направленіи ума. Нѣмецъ бѣсшпшся

до двадцати пяти лѣтъ, и благоразумно проводилъ всю оспальную жизнь. Исключеній мало, да и въ пѣхъ всегда есть слѣдъ общаго направленія.

Однажды, двое добрыхъ пріятелей студеновъ пригласили Ломоносова къ себѣ на вечеръ. Онъ еще никогда не бывалъ на студенческихъ пирушкахъ и охотно пришелъ къ нимъ, вмѣстѣ съ Виноградовымъ.

Время было подъ осень, однакожь солнце еще хорошо согрѣвало благодатную землю Германіи, и даже вечера уподоблялись лѣтнимъ.

«Гдѣ Шпрингнадель и Кругеманнъ?» спросилъ Ломоносовъ у хозяйки, пришедши на кварширу своихъ пріятелей.

— Въ саду—опвѣчала спарушка.

Рускіе пошли въ садъ, и увидѣли тамъ, на небольшомъ клочкѣ земли, усаженномъ деревьями, облѣпленномъ зеленью и усѣянномъ цвѣтами, множеству молодыхъ людей, почти все пріятелей своихъ или знакомыхъ.

«А, Ломоносовъ, Виноградовъ!» закричало нѣсколько голосовъ.

— Добро пожаловать! Васъ только и недоспавало—сказали хозяйка.

Ломоносовъ очутился среди самаго веселаго общества. Человѣкъ двадцать сидѣло вокругъ зеленаго крашенаго стола, усавленнаго бу-

шылками, спаканами, фрукшами, бушпербропомъ. Всѣ госпи уже скинули кафшаны, не смотря на приближающійся вечеръ; нѣкоторые изъ нихъ курили шрубки, другіе наливали виномъ и опорожнивали спаканы; претшь сидѣли въ задумчивоспи, сложивъ руки; наконецъ иные мурлыкали про себя народныя пѣсни. Въ разговорѣ не было ничего общаго, связнаго; всякой предлагалъ вопросы не думая объ опвѣсахъ, смѣялся, шушилъ и высказывалъ всѣ задушевныя мысли.

—Ну-ка, Русскіе брашья, чару за брашество!— вскричалъ Шпрингнадель и нацѣнилъ огромные спаканы.

Ломоносовъ не зналъ въ Россіи что значило вино; въ Германіи онъ уже попривыкъ пить его за обѣдомъ, и даже полюбилъ эшо; но скудные доходы его не позволяли ему ни малѣйшей роскоши. И вдругъ увидѣлъ онъ себя шеперь въ обязанности осушитъ огромный спаканъ, потому что выпить за брашество былъ обязанъ каждый. Чокнулись, выпили.

«Теперь за прівзжихъ изъ Россіи!» сказалъ кто-шо изъ собесѣдниковъ. Снова засверкало вино, зашумѣли добрыя желанія, и спаканы были осушены.

—Пора вспомнить и Философію — сказалъ Клугеманнъ. — Мы еще ничего не пожелали великому нашему учителю, Хрисшіану Вольфу.

«За Хриспіана Вольфа!» закричало нѣсколько голосовъ.

—Самыхъ искреннихъ желаній ему счастья!— прибавилъ Шпрингнадель. Онъ взялъ лучшаго вина, какое было на столѣ, разлилъ его всѣмъ въ спаканы, и сказалъ:

—Здоровье его надобно пить споя, господа!

Всѣ вскочили; курившіе бросили свои пубки; благоговѣнно произнесены были слова:

— Здоровье учишеля нашего, Хриспіана Вольфа!

«Да здравшвуешъ!» закричали всѣ, осушивъ спаканы.

Послѣ эшого завязался разговоръ, живѣе и шумнѣе прежняго. Быстро перемѣнялись предметы: Философія шла за веселымъ анекдотомъ, Богословскій вопросъ слѣдовалъ за воспоминаніемъ о шаринѣ; пѣсня гремѣла въ промежуткахъ.

Ломоносовъ, хопя пришелъ позже другихъ, уже чувствовалъ, что голова у него начинаетъ кружиться. Когда снова предложенъ былъ поспѣ, за жизнь и за смерть въ дружбѣ, онъ замѣшилъ своимъ шоварицамъ, что они забываютъ мудрое правило: *никого съ излишкомъ!*

—*In vino veritas!*— ошвѣчалъ Шпрингнадель. — Мы будемъ искреннѣе говорить, вошъ вся бѣда.

«Конечно, если шолько въ силахъ будемъ говорить что нибудь.

— Какой вздоръ ! вскричалъ хозяинъ. — Развѣ мы ребенокъ ? И зачѣмъ-же пришелъ ты, если не хочешь дѣлать съ нами веселья ?

Надобно было согласишься.

Между шѣмъ Ломоносовъ уже худо понималъ, что съ нимъ дѣлается. Веселье пылало въ головѣ его ; онъ пѣлъ со своими поварищами Нѣмецкія пѣсни, шумѣлъ и веселился не хуже другихъ ; но все это начинало приниматься какой-то дикій видъ. Напрасно Виноградовъ, лучше сохранившій себя, нѣсколько разъ говорилъ ему на ухо, что пора имъ ворошиться домой ; Ломоносовъ не хотѣлъ слушать его, и наконецъ, когда еще разъ услышалъ совѣтъ своего поварища, закричалъ во все горло по-Русски :

«Убирайся ты отъ меня, плакса !» И прибавилъ по-Нѣмецки: «Господа! избавьте меня отъ этого человѣка: онъ хочетъ вырвать меня отъ васъ.

Грозныя слова посыпались на Виноградова со всѣхъ сторонъ. Нѣкопорые даже замахнулись пубками, и огорченный Виноградовъ принужденъ былъ умолкнуть. Выбравъ удобную минуту, онъ рѣшился уйдти одинъ и воспользовался для этого темною ночью, оставивши Ломоносова полуусыпленного. . . .

На другой день, солнце было уже высоко, а Ломоносовъ только что проснулся. Онъ не помнилъ, какъ окончилъ вчерашній день и гдѣ былъ шецерь. Чувствуя жестокую боль въ головѣ, онъ вспалъ, оглядѣлся, и увидѣлъ, что находишься въ квартирѣ пріятелей, у которыхъ пировалъ вчера. Онъ не могъ привести себя на память, какимъ образомъ возвратился въ комнату, какъ дошелъ до канаве, на кошоромъ проспалъ ночь, и куда дѣвались всѣ окружающіе его. Неприятное, извѣстное чувство спукнуло въ его душу, когда онъ сообразилъ все это.

«Забывшись до такой степени! уподобиться бессмысленному живописному, или, нѣтъ, хуже: безумцу, человѣку, самовольно отказавшемуся отъ разсудка!» Въ это время онъ былъ готовъ обвинять себя какъ преступника.

Въ другой комнатѣ закашлялъ кто-то, и скорѣ показался опшуда Шпрингнадель.

Съ негодованіемъ глядѣлъ на него Ломоносовъ, но пошъ, не замѣчая этого, дошелъ до канаве, бухнулъ на него, и зѣвая сказалъ:

«Заспались, братья, мы!... Ну, куда вы, Михайло? Опвѣша не было.

Шпрингнадель взглянулъ на Ломоносова, и замѣтивши въ лицѣ его негодованіе, спросилъ:

«Да чнѣ вы хмуришься? Голова болншь? пройдешь!»

— Но не пройдетъ досада моя на васъ, развращниковъ! — вскричалъ Ломоносовъ. — Вы заставили меня безумствовать и забыть все!

Шпрингнадель ушавиль на него глаза и пошомъ расхохотался.

«Да ты еще спишь, Михайло! ты еще и теперь не понимаешь себя.

— Нѣтъ, я понимаю, что вчера уподобился вамъ. Но впередъ не будетъ этого: я буду бѣгать ошъ васъ, какъ ошъ язвы.

«Да что ты это, братецъ! съ чего вздумалъ бранишь насъ? что сдѣлали мы шакого ужаснаго?

— Вы буйствовали, пили, и забыли все.

«Такъ что-же? Для того-то и пьюшъ, что бы забыть житейскія горести.

— Нѣтъ, они еще сильнѣе грызутъ теперь мое сердце. Вы успѣли забыть только разсудокъ.

«А на что тебѣ этошъ воркунъ разсудокъ, когда ты хочешь повеселиться? Вошъ онъ ошашъ съ шобой: люби да жалуй, наслаждайся имъ вдоволь.

— Напрошивъ, я теперь не могу думать ни о чемъ, кромѣ своего просупка.

«Пройдетъ, братецъ, шолько займись дѣломъ.

— Но куда я гошусь съ этою головою болью, съ лихорадкой во всемъ шѣлѣ?

« Ну , давно-бы сказалъ ! Значишь : надо выпить еще . Поспой , у меня оспалась еще бутылка славнаго вина .

Ломоносовъ схватилъ свою шляпу и хопѣлъ бѣжать вонъ . Шпрингнадель успѣлъ поймать его за руку и сказалъ :

— Михайло ! я жалѣю , что заспавилъ тебя сердиться . Но , повѣрь , ты самъ увидишь какъ это несправедливо . Ни я , ни ты , ни кто не виноваты ни въ чемъ . Выпей спаканъ вина и головная боль своя пройдетъ . Повѣрь-же мнѣ хопъ въ этомъ .

— Но я не могу перенер думать о винѣ . Пусти меня , Шпрингнадель .

« Нѣтъ , ты долженъ выпить со мной .

Видъ безобразнаго Шпрингнаделя еще больше отвращалъ Ломоносова отъ мысли о новомъ пьянствѣ . Онъ вырвался отъ него и ушелъ .

Возвращаясь домой , онъ еще вспомнилъ , что вчера обидѣлъ Виноградова , и это расперзало его новымъ мученіемъ . Онъ не нашелъ Виноградова дома : тотъ былъ на лекціи . Ломоносовъ бросился на стулъ и въ самомъ грустномъ расположеніи рѣшилъ дожидаться его .

« Такъ вотъ зачѣмъ пріѣхалъ я въ ученую Германію ! » подумалъ онъ . « Вотъ какъ идушь мои часы , опредѣленные на ученье ! Вотъ какъ я оправдываю довѣренность Академіи ! Нѣтъ , я

недоспоинъ благодѣяній моего опечеспва , которое вывело меня , рожденнаго бышь мужикомъ , въ самый благородный санъ , въ разрядъ людей просвѣщенныхъ. Но сдѣланный одинъ разъ просупокъ надобно поправить. Помирюсь съ Виноградовымъ , выпрошу у него прощеніа , и строгимъ наблюденіемъ за самимъ собой постараюсь уничтожить минушнюю забывчивость.»

Такъ внутренно упрекалъ себя Ломоносовъ за эпошъ первый шагъ къ нравственному паденію. Онъ былъ крѣпокъ въ правилахъ самой строгой душевной чистоты , и пошому-шо ему было тяжело увидѣшь первое пятно на своей чистотѣ , свѣшлой душѣ.

« Другъ Виноградовъ ! проси меня ! » вскричалъ онъ , увидѣвши своего поварища. « Я обидѣлъ шебя ! Но еще больше виноватъ я передъ неумолимымъ разсудкомъ , который пошерялъ на вчерашнемъ буйномъ вечерѣ. »

Виноградовъ обнялъ его и съ чувспвомъ сказалъ :

« Любезный Михайло ! забудемъ эпошъ прокляпый вечеръ ! Ты самъ видишь , какъ неприлично велъ ты шебя ; эпого довольно. »

— Но ты прощаешь меня ?

« Опшъ всего сердца ; но мнѣ и не въ чемъ прощать шебя. Ты правду сказалъ , что больше виноватъ передъ самимъ собой. »

— Да, да! Вошь и сегодняшняя лекція пропала для меня: это слѣдствіе вчерашняго безумства. Чшò чшпалъ сегодня Вольфъ?

«Онъ нездоровъ и пошому не былъ на кафедрѣ.

— Нездоровъ? А гдѣ-же былъ ты?

«Ты знаешь, что мы давно хотѣли перемѣнить эту кварширу: она далеко отъ Университета, да и помѣщеніе въ ней неудобно. Я рѣшился употребить утро на осмотръ нѣсколькихъ кварширъ, и нашелъ одну, кажешся, предпочтительную.

— Гдѣ?

«Очень близко отъ Университета. Двѣ комнаты, чистыя, свѣтлыя; столъ вмѣстѣ съ хозяевами, и цѣна почти та-же что здѣсь.

— Прекрасно! У кого это?

«Хозяинъ какой-то дорпной. Добрѣйшій видъ его порука за его добрыя качества. Это также дѣло не маловажное: имѣть добраго хозяина.

— Правда, правда. Такъ ты и рѣшился?

«Нѣтъ. Пойдемъ, осмотришь эту кварширу еще съ тобой вмѣстѣ.

— Пожалуй.

Они оправились. Ломоносовъ радовался, что товарищъ такъ великодушно забылъ вчерашнюю обиду, но это было ему едва-ли не тяжелѣе самыхъ горькихъ упрековъ. Человѣкъ, упрекаю-

щій за нанесенное ему оскорбленіе, какъ буд-
шо уже получаешь возмездіе. Мы почиаемъ
себя не въ долгу передъ нимъ; онъ сказалъ
все, онъ удовлетворенъ. Не эпо-ли чувство
служишь и основаніемъ варварскаго обычая воз-
награждать обиду кровью? Тамъ шакже вознагра-
ждение, расшаша, и главное не кровь про-
шивника, а нравственное униженіе его. Но
если міръ пребуешь вознагражденія за все, шо
и великодушіе берешъ свою оплату. Чашо
оно бываешъ шажеле самой жестокой мещи.

Полуробкій разговоръ друзей прервался вмѣ-
стѣ съ приближеніемъ ихъ къ дому поршнаго.
Въ самомъ дѣлѣ эшо былъ домикъ прелесш-
ный: небольшой, и чрезвычайно опряшный, не-
давно построенный, свѣшлый, веселый. Вошед-
ши въ него, Ломоносовъ какъ будшо вошелъ въ
міръ шихой радости. Еще больше ушѣшилъ его
хозяинъ, человекъ не молодой, но пріяшный
наружношью, веселый, разговорчивый. Черезъ
нѣсколько минушъ они заключили съ нимъ до-
говоръ, и дали задашокъ, съ шѣмъ чшобы пере-
браться въ нанашныя комнаты на другой-же
день. Половину слѣдующаго дня опняли у
нихъ заботы переселенія. Наконецъ, къ вечеру,
они устроились въ новой кварширѣ, шо ешть,
расклали по шолоамъ свои книги, шешради, на-
значили мѣшпо для каждой вещи, и любовались
новымъ своимъ помѣщеніемъ.

—Славно заживемъ мы здѣсь, Виноградовъ!—
сказаль, садясь гордо на канапе, Ломоносовъ.

«Дай Богъ; полько ужь вѣрно не опъ спѣнь
можно бышь веселымъ!» опвѣчалъ Виноградовъ.

—А почему не опъ спѣнь? Мнѣ спало весело,
когда я вошелъ въ эпопѣ домикъ; весело и
неперъ. Эпо значить, что онъ производить
на меня пріятное впечатлѣніе. Слѣдовательно,
пушъ виноваты спѣны, или лучше скажешь до-
микъ.

«Эпо вѣрно логически, но не вѣрно филосо-
фически. Внѣшніе предметы могутъ произвести
впечатлѣніе пріятное, но временное, проходя-
щее. Въ три дни приглядишься къ лучшимъ
красошамъ природы, и къ самымъ великолѣп-
нымъ комнашамъ; а ты говорилъ объ удоволь-
ствіи продолжительномъ, гдѣ надобно оспа-
ваться съ самимъ собой. Слѣдовательно пушъ
счастіе должно бышь не внѣ насъ, а въ насъ.

—Спарая пѣсня, Виноградовъ! Надобно чаще
перемѣнять внѣшніе предметы: тогда они не
перяють цѣны новости и свѣжести.

«То есть, надобно вѣшреничать!

—Никакъ. Члѣ такое удовольствіе? Удо-
влешворяемая дѣятельность чловѣка; надобно
давать ей пищу, и въ удовольствіяхъ шакъ-же
какъ въ шрудѣ; тогда съ нею можно сдѣлать
много прекраснаго. Повѣрь мнѣ, Виноградовъ,

полюко пѣ, въ комъ естъ эша дѣяшельность духа, полюко пѣ производяшъ великія дѣла. Ихъ часно называюшъ вѣпрениками, но не справедливо. Вѣпреность опносися къ мѣлочамъ, а мѣлочное во всякомъ случаѣ значить немного. Впрочемъ, и маленькая вѣпреность не бѣда.

—Но мы говорили объ удовольствіяхъ; а въ нихъ эша дѣяшельность, что́ иное какъ не вѣпреность?

«Но зачѣмъ-же и говоришь о злоупотребленіяхъ? Можно самую добродѣшель сдѣлать орудіемъ зла. Такъ и дѣяшельность духа, обратившись къ чему нибудь ничтожному, увлекаетъ въ дурачества, даже въ пороки; но на пути добра производить она благодѣшельныя послѣдствія, и вообще не бываетъ прямо вредною ни въ чемъ.

—Трудно согласишься съ шобой. По крайней мѣрѣ я держусь пословицы: кто гонится за двумя зайцами, шопъ не поймаетъ ни одного.

«Эши несносныя пословицы шочно щипы для всякаго вздора! Къ чему шупъ ввернулъ шы пословицу, которая не имѣетъ смысла? Можно ли гнашься за двумя зайцами, когда они бѣгутъ въ разныя стороны? А если они бѣгутъ вмѣстѣ, шо какъ-же не гнашься за обоими? Остановишься и дашь имъ уйдти? Сидя на мѣстѣ не догонишь никого. Вѣрно, швою посло-

вицу выдумалъ какой нибудь сидѣнь , кошорый любилъ умничать не сходя съ мѣсца.

Такъ почти всегда оканчивались споры Ломоносова съ Виноградовымъ. Они любили другъ друга , но были шакъ различны характеромъ , что часно одинъ не понималъ другаго.

Глава X.

Порпиной, хозяинъ дома, въ кошоромъ жили Ломоносовъ и Виноградовъ, былъ не обыкновенный ремесленникъ, какихъ встрѣчаемъ нынѣ на каждой улицѣ, въ каждомъ большомъ городѣ. Это былъ любящій свое занятіе человекъ, не гений, но масперъ своего дѣла. Совершенною честностію, прилежаніемъ, *аккуратностію* заслужилъ онъ уваженіе и довѣренность согражданъ, и лѣтъ въ шридцать труда соспавилъ себѣ маленькое соснояніе. Довольство было видно въ его домѣ, порядокъ господствовалъ во всѣхъ его занятіяхъ, и совершенное спокойствіе выражалось на лицѣ его. Онъ любилъ поговорить съ пріятелями въ праздничные дни, въ часы отдыха, но въ другое время почиалъ это невозможнымъ. «Какъ-же оспавишь свое дѣло?» говорилъ онъ въ шакихъ случаяхъ. И дѣлалось или нѣшъ дѣло, а онъ всегда былъ имъ занятъ, но естъ всегда молчалъ и съ заботливымъ видомъ кроилъ, мѣрля, смобрля

за работниками или вписывалъ въ книгу свои обороты. Нѣкоторымъ исключеніемъ изъ молчаливости его было время обѣда: пусть онъ позволялъ себѣ сказать нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ, или даже разговариваться, на примѣръ о хозяйствѣ, о погодѣ, о важныхъ происшествіяхъ, какими счастливо въ всѣхъ провинціальныхъ городахъ свадьбы, похороны и родины. Праздничные дни посвящались пріятелямъ, и съ ними разговорамъ о полиптикѣ. Тутъ было чего послушать!

Необыкновеннымъ происшествіемъ въ домѣ его было переселеніе жильцовъ. Нѣмецъ и пусть сохранилъ свой характеръ. Строя себѣ домикъ, онъ рассчитывалъ, что можно выгадать въ немъ двѣ комнаты и отдавать ихъ въ наемъ. Онъ напередъ предписалъ себѣ условія, на которыхъ будешь пускать въ свой домъ жильцовъ, и придумалъ все такъ, что они не могли ни сколько измѣнить порядка, заведеннаго имъ. Когда молодые наемщики объявили ему, что они желаютъ имѣть споль вмѣстѣ съ нимъ, онъ согласился на это, потому что уже напередъ рассчитывалъ, сколько будешь емъ прибыли отъ спола, и только включилъ условіе, что обѣдъ будешь подаваться ровно въ часъ, ни раньше, ни позже. Они согласились на это, потому что именно вшорой часъ по полудни оставался у нихъ свободнымъ отъ лекціи.

Какъ было сказано, пакъ и сдѣлалось. На другой день по переселеніи Ломоносова и Виноградова къ поршному, ровно въ часъ явился къ нимъ мальчикъ, съ извѣстіемъ, что кушанье подано. Они пошчасъ пошли къ сполу.

Спарикъ поршной встрѣпилъ ихъ съ ласковымъ, улыбающимся видомъ и сказалъ:

— Рекомендую вамъ молодую хозяйку, дочь мою!

Друзья вѣжливо раскланялись съ дѣвицею, кошорая краснѣла и присѣдала передъ ними. Ни что не поразило ихъ въ ней: она не была красавица, хопя личико ея опличчалось необыкновенною миловидностью. Проспой нарядъ былъ ей къ лицу, но не изумлялъ при первомъ взглядѣ. Въ обращеніи ея, особливо съ чужеземцами, кошорыхъ видѣла она въ первый разъ, не могло бытъ ничего кромѣ принужденности. Спарикъ радѣлъ завеспи разговоръ, оправдывалъ дочь въ неловкости, когда она всплеснула супъ разливая его, и чупъ не облила имъ Ломоносова; но всей Нѣмецкой ловкости его не доспало для шого, чшобы сдѣлать бесѣду занимательною. Съ грустью сказалъ онъ наконецъ:

— Вошь шо-шо! По неволѣ вспомнишь покойную мою спаруху. Безъ нея все чшо-шо не ладится! Христина моя хорошая хозяйка, да еще ребенокъ. Извинише, господа!

«А супруга ваша давно скончалась?» спросилъ съ участіемъ Виноградовъ, желая говорить о чемъ нибудь.

— Три года!

Слезы навернулись на глазахъ Хриспины, и крупнымъ жемчугомъ прокапились по розовымъ ея щекамъ. Виноградовъ замѣнилъ неоспороженосъ своего вопроса и хотѣлъ поправить его другимъ :

«Вы конечно были счастливы?»

— Очень счастливы, пакъ счастливы, что я не захошѣлъ-бы жить на свѣшѣ послѣ эшого, ёсли-бы Хриспина еще не привязывала меня къ жизни.

Добрый спарикъ задумался, а дочь его закрыла глаза плашкомъ. Вскорѣ обѣдъ кончился, и Ломоносовъ, который во все продолженіе его не сказалъ почти ничего, предославляя эшошъ шрудъ Виноградову, поспѣшилъ въ свою комнапу.

Тамъ онъ началъ ходить большими шагами, и не слыхалъ, что Виноградовъ уже нѣсколко разъ говорилъ ему: «Пора на лекцію!» Наконецъ онъ понялъ эши слова, и сказалъ: «Пойдемъ.»

Можешь бышь еще въ первый разъ Ломоносовъ не внимашельно слушалъ лекцію своего любимаго Профессора Вольфа, и даже спараясь бышь внимашельнымъ не понималъ почти ничего.

Онъ самъ не могъ дашь себѣ опчета, какимъ образомъ Хриспина, со своимъ розовымъ личикомъ, и съ полными слезъ глазами, и съ какимъ-то умоляющимъ видомъ, являлась въ мысляхъ его безпрестанно, о чемъ-бы ни началъ онъ думать. Въ немъ было шеперь одно, непреодолимое желаніе: видѣть ее, и онъ радовался воображая, что можешь видѣть ее каждый день. Вечеромъ общаго ужина не было, и пошому въ эпошъ день онъ не надѣялся взглянуть на свою милую хозяйку. Эпо спрахъ какъ печалило его. Богъ знаетъ что ошдалъ-бы онъ за то шолько, чтобы взглянуть на нее. Онъ думалъ, что эпо дѣвушка обрапила на себя вниманіе его шѣмъ необыкновеннымъ видомъ, въ какомъ предспавилась ему: краснѣющая, со слезами на глазахъ.

«Я не знаю ея, не слыхалъ ея голоса, слѣдовательно эпо одна жалоспъ къ ней, не больше. И какое-же иное учаспіе могу я принимашъ въ ней? Неужели эпо любовь, чувспиво, которое воспѣвали всѣ поэшы, начиная опъ Омира до нашего Тредьяковскаго? Смѣшно подумашъ! Да и можно-ли шакъ скоро влюбиться? Я-же ничего не чувспивовалъ глядя на нее. Говорашъ, что любовь разливаешся пламенемъ въ жилахъ, что она поражаетъ человѣка молніей, а я былъ очень спокоентъ; мнѣ шолько было спранно обѣдашь съ незнакомою дѣвушкою и пошомъ спало

жаль ея. Она такая хорошенькая! Впрочемъ не знаю: я почти не видалъ ея.... Нѣтъ, она хороша! Особенно была она хороша когда заплакала!... Эпошь несносный Виноградовъ! Съ чего вздумалось ему говорить объ умершей матери при такой чувствительной дочери! Надобно увидѣшь ее веселую, а то она все представляется мнѣ плачущею. Надобно увидѣшь ее, и ужь не говоришь при ней объ умершихъ.»

Таковъ былъ хаосъ различныхъ мыслей въ головѣ Ломоносова. Онъ не зналъ до сихъ поръ любви, не думалъ никогда, что явился она въ свою очередь передъ нимъ, не въ вычурныхъ разсказахъ Овидія, а въ живомъ образѣ милаго существа, и никакъ не догадывался, что не только Овидій, но и баснословный Пропей не могли-бы изобрѣсти, одинъ своимъ воображеніемъ, другой волшебствомъ, шѣхъ разнообразныхъ превращеній, въ какихъ любовь является передъ человѣкомъ и покоряетъ себѣ его. Жалость къ хорошенькой дѣвушкѣ! Онъ не подозревалъ, что это самое опасное превращеніе любви, а болпунъ Овидій не сказалъ ему о томъ ни слова. Можеть быть, при Окшавіи Августѣ любовь еще не принимала на себя плѣнительнаго вида плачущей дѣвушки: тогда любили женщинъ, блистающихъ роскошью и величіемъ красоты; въ наше время, напрошивъ, любящъ ихъ подъ покрываломъ смиренія, можеть быть больше

нежели подъ прозрачною шканию панцующей Вакханки. Въ нашъ вѣкъ, споль грозный своими бѣдспвіями, лучше понимающъ величіе и красосу смиренія. И чего не сдѣлаешъ юноша эшого вѣка, рано чувствующій силу окружающихъ его бѣдспвій, чего не сдѣлаешъ онъ при видѣ плачущей красосы? Слезы милой женщины скорѣ поймешъ его сердце, нежели сердце закаленого войною Римлянина, которій почиталъ женщинъ прелесшными игрушками, акприсами, панцовщицами, не подозрѣвая, что онъ шакже имѣющъ душу и сердце.

Безпокойно провелъ ночь Ломоносовъ, и на другой день ушромъ, слушая лекцію думалъ шолько о шомъ, что онъ скоро увидишь Хришшину.

Онъ увидѣлъ ее, шолько не печальную, а радущную, даже веселую, сколько позволяла ей непреодолимая заспѣчивоспъ не свѣшской дѣвушки. Какъ досадовалъ онъ на себя, сидя ошашъ за шшоломъ съ нею, что не могъ прямо глядѣшъ на нее и невольнo пошуплялъ глаза, когда они всшрѣчались съ глазами Хришшины. Одинъ разъ, онъ почувшвовалъ даже огонь въ лицѣ своемъ, когда она спросила его (какова смѣлоспъ?): нравяшся-ли ему Нѣмецкія кушанья.

— О, мнѣ очень нравяшся они!— сказалъ онъ съ замѣшательшвомъ. — Особенно когда при-

гоповлены своими ручками — прибавилъ онъ про себя.

«А у васъ въ Россіи,» сказалъ опець, «я слыхалъ, смѣюся надъ Нѣмецкимъ споломъ?»

— Можешъ бышь пѣ, кто не бывалъ за нимъ никогда. Хорошее любяшь вездѣ.

Такой благоразумный ошвѣтъ очень понравился спарику. Онъ распроспранился въ похвалахъ каршофельному и овсяному супу, рѣпному соусу и морковному пирожному. Съ ужасомъ слушалъ онъ описаніе Русскаго спола, и не понималъ, какъ можно ѣшь такъ много мяса и рыбы, какъ ѣдятъ ихъ Рускіе. Ломоносовъ не могъ объяснить ему что значить кулебяка, пошому что Нѣмецъ не понималъ соединенія рыбы съ пѣспомъ. Онъ качалъ головою при описаніи другихъ Русскихъ кушаньевъ, и такъ развеселился когда ему изъяснили сославъ крѣпкаго спавленаго мѣду, что сказалъ наконецъ со смѣхомъ:

«Вы люди ученые! у васъ не распознаешь правды опъ небылицы; можешъ бышь, вы и сочиняете эти описанія для меня спарика.

Обѣдъ кончился и Ломоносовъ съ воспоргомъ замѣнилъ, что Хриспина шолько съ нимъ сказала два слова; онъ не подумалъ на эшопъ разъ о ея заспѣнчивости.

Прошло нѣсколько дней, и Ломоносовъ чѣмъ больше глядѣлъ на Хриспину, шѣмъ больше на-

ходилъ въ ней совершенствѣ. Самая заботливостъ ея о хозяйствѣ правилась ему. Видя ея иногда, по упру, перебѣгающую черезъ дворъ въ кладовую или въ садъ, въ упренномъ чепчикѣ и въ фаршукѣ, онъ любовался ею какъ прелеснымъ ребенкомъ, которъ созданъ для счастья. Даже посреди самыхъ глубокомысленныхъ занятій науками, онъ часно выпускалъ изъ рукъ перо и циркуль, когда думалъ о Христинѣ; а онъ думалъ о ней почти безпрестанно.

« Да! я люблю ее! » сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ, какъ будто рѣшивши важную задачу. « Люблю, и не могу жить безъ нея, не могу быть чужимъ ей! Я умру отъ тоски, если такое состояніе души продолжится. До сихъ поръ я не зналъ счастья. Чтѣ занимало меня? Мечты, непрерывный прудъ, и недостижимое стремленіе къ какому-то совершенству въ наукахъ. Это также мечта? Я однакожь не ославлю ея, этой мечты, потому что она сдѣлалась жизнью для меня; науки вѣчно будутъ моимъ занятіемъ, моею цѣлю, утѣхою; но. . . . однѣ, могутъ-ли онѣ наполнить мою душу? Нѣтъ, онѣ ославляютъ въ ней какую-то пустоту, которую давно чувствовалъ я и не понималъ причины ея. Теперь, я вижу, чувствую, что для полноты въ жизни необходима любовь. Да, любовь! Только съ нею человекъ можетъ быть счастливъ. Если Христина любитъ меня,

что я не буду одинокъ въ мірѣ; а теперь я бездомный сирота, для котораго не бьется ни одно сердце. Такое состояніе ужасно! Знаешь, видишь свое одиночество, будешь увѣреннымъ, что люди холодно глядятъ на насъ, и только изъ корыстныхъ видовъ или по прихоти оказываютъ намъ участіе. . . . О, это ужасно! Я испыталъ и теперь испытываю это состояніе! . . . Дружба? Но я еще не встрѣтилъ друга, и, кажется, не встрѣчу никогда, если и добрый мой Виноградовъ любитъ во мнѣ только хорошее, только то, что нравится ему и что хвалятъ другіе. Нѣтъ! истинный другъ долженъ любить всего меня, любить мои недоспашки, обожать мои слабости, потому что въ миломъ сердцу человѣкѣ все прекрасно, все очаровательно! Вотъ безкорыстная привязанность! И могу-ли надѣяться, могу-ли требовать ея отъ людей? Они конечно не виноваты, если такъ созданы, но и я послѣ этого имѣю право искать привязанности сильнѣйшей! . . . Искать! . . . Какое холодное слово! Развѣ можно *искать* такихъ чувствованій? Они являются намъ какъ свѣтъ небесный, какъ радуга, завѣтъ надежды, какъ ангелъ утѣшитель! . . . Теперь передо мной эгоистъ ангелъ. Христина! я швей, на вѣки швей, и ты должна быть моею! Но. . . . любитъ-ли она меня? О, вѣрно любитъ: я чувствую это, я убѣжденъ въ

эпомъ, хоть не слыжалъ опъ нея почти ничего, не шолько слова о любви. Но милые глаза ея говорашъ пакъ краснорѣчиво. . . . они не обма- нывающъ меня. А если она любитъ меня, шо будетъ моею; для сильной воли нѣтъ прецѣп- ствѣй, особенно когда ее одушевляешъ лю- бовь.»

Ломоносовъ началъ искашь случаевъ чаще бышь съ Хриспиной и говоришь съ нею. И шо и другое было довольно прудно. Заспѣчи- вость Хриспины дѣлала и его робкимъ. Онъ не просилъ-бы себя, если-бы привелъ ее въ малѣйшее замѣшательство, а уже самое при- существіе его заспавляло ее краснѣшь. Но лю- бовь изобрѣшательна. Онъ сказалъ однажды опцу, что желалъ-бы почаще говоришь съ нимъ, для того чтобы скорѣе привыкнушь къ Нѣмец- кому языку. Спарикъ обрадовался, что въ свою очередь можешъ научишь чему нибудь ученаго чужеспранца, и просилъ его приходишь во всѣ свободные часы.

« Не я, пакъ Хриспина будетъ говоришь съ вами и поправляешъ ваши ошибки прошивъ Нѣ- мецкаго языка. Да, сударь, нашъ языкъ очень пруденъ, и ему надобно учишья долго. »

Спарикъ не подозрѣвалъ никакой опасности сближашъ свою дочь съ молодымъ человекомъ, скромнымъ, любезнымъ и — ученымъ. Онъ-же по-

любилъ Ломоносова за его веселый характеръ и всегда встрѣчалъ съ удовольствіемъ.

Мало по малу и Хриспина привыкла видѣть Ломоносова, и наконецъ уже безъ боязни разговаривала съ нимъ. Предметовъ для разговора было много: она рассказывала ему о своемъ городѣ, о своемъ семействѣ и занятіяхъ своихъ; онъ описывалъ ей свое далекое опечесво, чудеса его природы и оригинальные нравы жителей; говорилъ о преспольной Москвѣ и волшебномъ Пешербургѣ. Однажды, въ минушную опкровенности, онъ рассказалъ ей свою спранную жизнь, и пошомъ началъ говорить о своихъ надеждахъ, своихъ мечшахъ, о возвращеніи въ опечесво.

— А развѣ вы думаете уже скоро воропишь-ся въ опечесво? — спросила Хриспина.

« Не знаю и самъ: эшо зависишь опъ моихъ начальниковъ. Но, раньше или позже, все надобно будешъ возврапиться домой и опсавишь вашу прекрасную спорону.

— Спало бышь вамъ нравишся у насъ?

« Нравишся? Мало выражаетъ эшо слово: я счаспливъ здѣсь, или, лучше сказашъ, шолько здѣсь и спалъ я счаспливъ.

Хриспина пошупила глаза и сказала въ полголоса:

— Пріятно видѣть людей счаспливыхъ....

« На копорыхъ вы не хопише и глядѣшь.

— Ахъ, нѣшъ, Г. Ломоносовъ! — сказала она подымая свои глаза и краснѣя — право, я... только немного задумалась.

« О чемъ задумывашься вамъ, Хриспина! Иное дѣло я, сирота въ мѣрѣ, для кошораго нѣшъ родныхъ, нѣшъ близкихъ сердцу. А вы шакъ любимы своимъ родителемъ; вы живете мирно, счастливо.

— Да, благодарю Бога!... Но что-же мѣшаешъ вамъ оспашься здѣсь... по ешь у насъ, въ Германіи, если вамъ пріятно жить съ нами?

« Милое дитя! » сказалъ Ломоносовъ съ воспоргомъ. « Съ вами оспался-бы я навѣчно, оспавиль-бы родину и разорвалъ всѣ связи съ нею, если-бы только вы пожелали эшого.

— Ахъ, Боже сохрани! — вскричала Хриспина, будшо не понимая его. — Я никогда не пожелаю эшого.

« Никогда!... Зачѣмъ-же мнѣ оспавашься здѣсь, когда вы не хошите эшого? »

— Да что-же значишь для васъ бѣдное мое желаніе?

« Все, Хриспина! Скажу больше: если вы не скажете, что вамъ пріятно, чтобы я оспавался здѣсь, я постараюсь уѣхать какъ можно скорѣе отсюда, и навсегда!

— Ахъ, нѣшъ, зачѣмъ-же эшо! — невольно проговорила Хриспина. Лицо ея вспыхнуло и

она прибавила съ замѣшательствомъ: — Впрочемъ, я не имѣю ни какого права удерживать васъ; вы лучше знаете что должно вамъ дѣлать.

« Скажите одно слово: не уѣзжай, Михайло! Христина закрыла руками лицо и убѣжала въ другую комнату.

Эпопъ разговоръ рѣшилъ судьбу Ломоносова. Какъ ни былъ онъ неопытенъ въ искусствѣ понимать гіероглифическій языкъ женщины, однакожь ясно увидѣлъ, что Христина чувствовала вполнѣ каждый намекъ, каждое слово, которые внушало ему сердце; что она раздѣляетъ любовь его, и шолько не смѣетъ или не умѣетъ сказать этого. Въ разговорѣ любящей женщины слова служатъ не выраженіемъ, а шолько покровомъ тайной мысли. Счастливъ, кто видитъ сквозь эпопъ покровъ тайну души и сердца, тайну, копорой не открываетъ женщина никому, ни даже самой себѣ.

Съ обыкновенною своею пылкостью, Ломоносовъ объявилъ Виноградову, что онъ любитъ, что онъ любимъ, что онъ хочетъ и долженъ быть счастливъ.

Виноградовъ выслушалъ всѣ его воспорженныя восклицанія, и хладнокровно сказалъ:

— Неужели ты хочешь жениться на дочери порпнаго?

«Женишься? . . . Это никогда еще не приходило мнѣ въ голову! . . .» отвѣчалъ Ломоносовъ.

— Мнѣ кажется то-же, что это было-бы, просто сказать, глупо.

«Какъ?» вскричалъ Ломоносовъ. «Глупо найдли свое величайшее счастье? Но ты вѣрно хочешь не то сказать, или я не понимаю тебя, Виноградовъ! Я пошому никогда не думалъ о женишьбѣ, что это кажется мнѣ счастье недосяжимое, невозможное! Я схожу съ ума отъ одной мысли, что Хриспина можетъ быть моею женой.

—Есть отъ чего сходить съ ума. Простенькая дѣвочка, дочь поршнаго, Нѣмка! Удивительное счастье!

«Послушай, Виноградовъ!» сказалъ съ гнѣвомъ Ломоносовъ. «Если ты не шутишь, то я прошу тебя удержаться отъ такихъ выражений. Твоя вялая душа не понимаетъ Хриспины; ты не видишь ангельской прелести ея, и рассуждаешь только о томъ, что она дочь поршнаго. После этого мнѣ остаётся жалѣть, что я хочешь раздѣлить съ побой свою радость.

— Добрый мой Михайло! Я не думалъ огорчить тебя. Я говорилъ такъ, какъ думалъ; извини, если огорчилъ тебя, но позволь-же мнѣ сказать тебѣ, какъ другу, что ты поступаешь очень необдуманно.

« Поди ты опять меня со своею обдуманностью! » вскричалъ Ломоносовъ. « Тупъ нечего думаешь, когда я не могу выбирать: мнѣ надобно или упоишься, или быть счастливымъ съ Христиной. Я не могу жить безъ нея.

— Это конечно возраженіе сильное, однакожь, вспомни свое назначеніе. Ты пожертвовалъ всѣмъ, чѣобы вырваться изъ тѣсныхъ стѣпней деревенской жизни и дѣйствовать на обширномъ поприщѣ ума и знаній. Теперь, когда тебѣ оспается одинъ шагъ до цѣли, ты хочешь броситься въ объятія самой проспой жизни и сдѣлаться мѣщаниномъ Нѣмецкаго города, потому что, женись на Христинѣ, ты уже не можешь продолжать своего поприща.

« Почему-же не могу? »

— Потому что Академія, узнавши о перемѣнѣ твоей жизни, вѣрно откажетъ тебѣ въ своемъ покровительствѣ, и ты будешь принужденъ работать для насущнаго хлѣба.

« Ну, что-жь такое? буду работать и жить счастливо.

— Опъ души желаю этого, только не думаю, чѣобы сбылись твои слова. Ты не рожденъ для этой жизни? »

« Для счастья? »

— Это слово имѣетъ обширный смыслъ. Ты можешь быть счастливъ только необыкновен-

ною умшвенною дѣяшельностью; мѣщанская жизнь скоро надоѣспѣ шебѣ.

«Да чшо ты употребляешь пакъ часто это слово: мѣщанская жизнь? Я и рожденъ не для власши! Я былъ мужикъ, и мѣщанское счастье мнѣ кспаши.

—Я ни сколько не думаю унижать званія мѣщанина. Ты знаешь, что и самъ я не Графъ, не Князь. Я говорю объ этой жизни, гдѣ жена бываетъ кухаркой, гдѣ дѣяшельность ограничивается работою для насущнаго хлѣба, а счастье няньченемъ дѣшей. Тебѣ-ли быть счастливымъ этою жизнью?

«Ты обманываешься, Виноградовъ. Во-первыхъ, жена моя будетъ хозяйкою въ домѣ, а не кухаркой. Дѣяшельности моей не помѣшаешь счастливая семейная жизнь. Неужели бывши ученымъ человекѣмъ, Профессорѣмъ, Академикѣмъ, я не могу быть женомъ? А дѣши только умножать мое счастье.

—Все это прекрасно въ теоріи, но паково-ли будетъ на дѣлѣ? Теперь ты можешь посвящать свое время учености, а тогда будетъ-ли у тебя досугъ для этого? Сначала надобно обезпечить себя, мой другъ, прибрѣсти независимость, не думать о пропитаніи, и потомъ уже выбирать жену.

«Пропитаніе! . . . Такъ вошь чѣмъ ограничивается твоя высокая теорія жизни! Виногра-

довъ! Я вижу, что мы не можемъ понимать другъ друга. Ради Бога, не совѣшуй мнѣ ничего.

— Ну, такъ женись на своей Хриспинѣ и не жалуйся послѣ, когда тебѣ нечего будешь ѣсть! — сказалъ съ досадою Виноградовъ.

« Ты можешь говорить что угодно: я не перемѣню для себя своей рѣшимости. Хриспина любитъ меня! Для нея гошовъ пожертвовать я всѣмъ.

— Но, скажи пожалуйста, что нашелъ ты въ ней привлекательнаго? Ни красота, ни ума, ни воспитанія. . . .

« Виноградовъ! замолчи, ради Бога замолчи, если не хочешь поссориться со мной навсегда.

— Кажется, безъ этого и не обойдется, если ты не оставишь своего глупаго намѣренія.

Друзья замолчали. Виноградовъ вскорѣ ушелъ изъ дома, а Ломоносовъ остался мечтать на свободѣ. Ему досадны были слова поварища, но онъ упѣшалъ себя мыслью, что Виноградовъ не понимаетъ его счастья.

Онъ началъ однакожь размышлять о словахъ его, и сколько ни думалъ, вездѣ находилъ блаженство. Разговоръ съ Виноградовымъ не ушибилъ, а еще больше воспламенилъ любовь его: онъ только напомнилъ ему, что Хриспина можетъ сдѣлаться его женою. До сихъ поръ, эпа

мысль не ясно предспавлялась ему; но теперь, когда Виноградовъ не находилъ въ эшомъ ни какой невозможности, и думалъ шолько что у Ломоносова не будетъ средствъ *кормить* будущее свое семейство, онъ рѣшился непременно жениться на Христиинѣ. Помышленіе объ эшомъ приводило его въ восторгъ. Онъ придумывалъ разныя средства, какъ исполнить свое намѣреніе, и вскорѣ мечты его приняли образы истинно поэтическіе. Онъ не могъ больше удерживать своего душевнаго порыва, схватилъ бумагу, перо, и хотѣлъ выразить душу свою гармоническими звуками. Но упрямый Русскій языкъ, тогда еще непослушный волѣ поэтовъ, никакъ не повиновался восторгу Ломоносова. Цѣлый вечеръ писалъ онъ, и раздиралъ написанное: это выходили какія-шо длинныя, несвязныя спроки, а не стихи.

«Неужели нашъ языкъ не способенъ выражать мысли и чувства шакъ-же стройно, какъ выражающся они на языкѣ Лапинскомъ?» сказалъ онъ наконецъ самъ себя. «Надобно подумать объ эшомъ, поговорить съ людьми свѣдущими. . . . Да, кшати, завтра увижу я на лекціи шоварища Шпренглибера. Онъ спрашнный охотникъ до Поэзіи, самъ пишетъ стихи, и любитъ говорить о нихъ. Я еще худо знаю теорію Нѣмецкаго стихосложенія: не лзя-ли опи-

крышь въ ней законовъ и для нашего стихо-
шворсва?»

На другой день, когда кончилась лекція, онъ подошелъ къ Шпренглиберу.

— Пойдемъ ко мнѣ на кварширу, Шпренглиберъ. Ты еще не былъ у меня.

«А далеко-ли отсюда живешь ты?»

— Два шага. Да все равно; мнѣ надобно поговорить съ тобой о любимомъ моемъ предметѣ: о стихахъ.

«Тѣмъ лучше! Пойдемъ.

Разговоръ пошчасъ завязался о старыхъ и новыхъ Нѣмецкихъ стихопворцахъ. Шпренглиберъ, послѣдовашель и приверженець Голшседа, не любилъ старыхъ поэтовъ Нѣмецкихъ, холодно опзывался объ Опицѣ, и съ воспоргомъ произносилъ имена Галлера и Гиншера.

«Гиншеръ! Вотъ былъ поэтъ! Какъ жаль, что эпоштъ человекъ рано умеръ. Знаешь-ли ты его сочиненія?»

— Нѣтъ.

«О, такъ надобно тебѣ познакомишься съ ними. Эшо былъ поэтъ, и въ жизни и въ стихахъ. Слыхаль-ли ты о его бурной, поэтической жизни?»

— Нѣтъ.

«Я расскажу тебѣ ее. Гиншеръ родился лѣтъ за пять до нашего столѣтія, шо ештъ въ 1695 году. Онъ былъ сынъ какого-то лекаря, кошо-

рый хотѣлъ обучить его своему искусству, и опдалъ въ школу; но Гинперъ писалъ памъ не анапомическія и перапевпическія разсужденія, а спихи. Надобно сказаць, что и въ школѣ писаны имъ спихи превосходные. Онъ сочинялъ ихъ съ удивительною легкоспью, и особенно опличился своими духовными пѣснопѣніями. Но при этомъ былъ онъ порядочный шалунъ, и только спрогость опца удерживала его отъ разгульной жизни. Двадцати лѣтъ пришелъ онъ въ Вишпенбергскій Университетъ, и съ этого времени явился пѣмъ, чѣмъ былъ во всю опсальную жизнь: пламеннымъ юношею, до безразсудства веселымъ шалуномъ, и вмѣстѣ склоннымъ къ самой тяжелой задумчивости человекомъ. Отецъ называлъ его *сангвинно-меланхоликомъ*, а онъ былъ добрый, опкровенный малый, чистая, прекрасная душа. Вѣчно несогласный съ самимъ съ собою, онъ всегда предполагалъ дѣлать лучше нежели дѣлалъ, и это не отъ безсилія, а отъ непостоянства характера. Вмѣсто того, чтобы занимать какъ должно Медицинной, онъ бросился въ удовольствія, забылъ всѣ науки, влюблялся, пилъ, дѣлалъ долги, и наконецъ совершенно предался буйной жизни. Съ добрымъ сердцемъ, онъ безпрестанно впушывался въ непріятныя исторіи, гдѣ все падало на него. Напримѣръ, онъ часпо признавалъ за собой шакіе долги, которыхъ на немъ не бывало,

и это единственно для того, чтобы прекратить неудовольствие. Не одна ловкая интриганка обобрала его, и послѣ съ нимъ-же заводила плябу. Наконецъ онъ увидѣлъ свои дурачества и ушелъ изъ Вишпенберга въ Лейпцигъ. Но уже такъ глубоко погрязъ онъ въ развратную жизнь, что извлечь его изъ нея не могли ни самые вѣрные друзья, ни самые усердные покровители. Тутъ случилось съ нимъ полу-забавное и полу-печальное происшествіе.

«Въ Дрезденѣ понадобился придворный поэтъ. Гиншеръ былъ первый изъ современныхъ поэтовъ, и друзья шопчасъ постарались доставить ему это мѣсто. Его приняли ко Двору, хотя подъ именемъ *шута* (Pritschmeister), однакожь на *штатное мѣсто* придворнаго поэта. Надобно было представиться Королю, Фридриху Августу. Гиншеръ хотѣлъ придашь себѣ смѣлости, и выпилъ такую порцію, что когда вышелъ Король, онъ не могъ ничего говорить и едва держался на ногахъ. Король улыбнулся и велѣлъ прогнать его. Бѣдный Гиншеръ! Тутъ-то началась бѣдственная жизнь его. Онъ бродилъ по по Саксоніи, по по Силезіи, не находя нигдѣ мѣста. Отецъ не пускалъ его къ себѣ, какъ развратнаго сына. Часто у Гиншера не было куска хлѣба, и въ шапкахъ-то обшоятельствахъ писалъ онъ свои пѣснопѣнія. Повѣришь-ли ты, что стихи, кото-

рые сочинялъ онъ на разные случаи, часшо за пѣсколько грошей, служили единственнѣмъ средствомъ его пропитанія! Правда, многіе желали помогать ему и были готовы обезпечить жизнь такого необыкновеннаго человѣка, но онъ былъ уже неисправимъ и погибъ совершенно. Еще разъ хопѣлъ онъ приняться за Медицину, думая черезъ то имѣть благоприсойное содержаніе; но прискорбія, нужда и дурная жизнь невозвратно разспроили его здоровье. Гинперъ пришелъ наконецъ въ Іену, и тамъ умеръ, въ самыхъ спѣсенныхъ обстоятельствахъ. Это случилось въ 1723 году. Ему было тогда двадцать восемь лѣтъ.

«Спранная участь поэта! Вскорѣ послѣ смерти Гинпера были изданы его стихотворенія, и слава загремѣла о немъ по всей Германіи. — Неужели это писалъ поэтъ Гинперъ, который шипался, пьяный, изъ города въ городъ? — спрашивали чипая торжественныя оды его, духовныя пѣсни и умныя сапиры. — Жаль, жаль эшого человѣка! Умень былъ. — Но шеперь поздно жалѣть о немъ. Возьми лучше стихотворенія его, и чипай ихъ, Ломоносовъ! Ты увидишь въ немъ совершенную противоположность съ прежними нашими стихотворцами. Какая-то чопорность господствуетъ въ сочиненіяхъ Опица; какая-то мѣлочность, пошлость видна въ Гёффмансвальдау и даже въ Логен-

шпейнѣ; но, главное, всѣ они слишкомъ нарядны, или, лучше сказать, парадны. Въ Гиншерѣ нѣтъ ничего поддѣльнаго: эпо именно украшенная природа, которой преобладаютъ великіе наставники. Гиншеръ сдѣлалъ-бы эпоху въ нашемъ стихотворствѣ, если-бы несчастная судьба не спѣсняла и наконецъ не погубила его.

— А въ какомъ родѣ сочиненій превосходилъ онъ? — спросилъ Ломоносовъ.

«Во всѣхъ. Я пришлю тебѣ сочиненія его. Замѣть порожеславенныя оды его: эпо верхъ искусства. Таковы-же похвальные и духовныя его стихотворенія, шаковы и сапиры, исполненныя остроумія и тонкихъ намѣковъ.

— Любопытно, любопытно. А какими стихами писалъ онъ?

«Александрійскими. Они утвердились у насъ со времени Олицы, и кажутся ослепшими навсегда.

Мысль: не лѣзя-ли примѣнить этого размѣра къ Русскимъ стихамъ, блеснула въ головѣ Ломоносова. Онъ просилъ Шпренглицера поскорѣ прислать ему стихотворенія Гиншера, и съ жаромъ принялся читать ихъ, когда получилъ. Шпренглицеръ прислалъ ему также вышедшія не задолго стихотворенія Галлера и Гагедорна, которые только что начинали свое поэтическое поприще. Но они не сдѣлали на

него такого впечатлѣнія какъ Гиншеръ, кошорго чиналъ и перечисывалъ Ломоносовъ. Онъ пошчасъ принялся за теорію Русскаго стиха, и попышки его выходили удачны. Слова мужесвеннаго языка нашего легко укладывались въ Александрійскіе стихи. Поэтъ былъ въ восторгѣ отъ эшого, и началъ писать множество посланій и похвальныхъ стиховъ своей милой Хриспинѣ. Одними изъ нихъ онъ былъ такъ доволенъ, что рѣшился сказать ей объ эшомъ.

Случилось, что опца ея не было дома къ обѣду; Виноградовъ часно оплучался въ последнее время, и Ломоносову пришлось въ первый разъ обѣдать съ Хриспиной одному. Слугъ не было, и молодая хозяйка сама ходила за кушаньемъ, по-же своего пригошовленія. Никогда еще Ломоносовъ не видалъ ея сполько веселою и привѣпливою къ нему. Онъ не замѣпилъ, какъ окончился обѣдъ, въ разговорахъ живыхъ, радоспныхъ. Послѣ обѣда, когда Хриспина собралась со стола и принялась за какое-то рукодѣлье, Ломоносовъ еще не оставлялъ ея компанью.

— Хриспина! — сказалъ онъ ей наконецъ. — Знаете-ли, что я написалъ для васъ стихи?

«Стихи? для меня?» спросила она съ изумленіемъ, въ которомъ видно было удовольствіе. «Какіе-же эшо стихи?»

— Я говорю въ нихъ то, что чувствую....

« Михайло ! » прервала она его. « Я конечно могу знать все, что вы чувствуете: такъ увѣрена я въ добромъ вашемъ сердцѣ.

— О, конечно, конечно, Христина! Ты угадала. . . . Проси меня, что я говорю тебѣ дружеское ты: я не могу называть тебя многочисленнымъ вы.

Христина уже такъ привыкла къ спрашиваемъ выраженіямъ Ломоносова, что ей не показалось спраннымъ и это признаніе его. Напрошивъ, она радостно приняла его, и вмѣсто отвѣта промолвила:

— Прочитай-же стихи, написанные для меня.

Воспорженный Ломоносовъ выхватилъ изъ кармана бумагу и началъ читать; но вскорѣ ему самому стало смѣшно, что онъ читалъ *Русскіе* стихи Нѣмкѣ, не понимавшей ни одного Русскаго слова.

И онъ, и Христина засмѣялись.

— А какъ мнѣ жаль, что я не понимаю твоихъ стиховъ! — сказала наконецъ она съ чувствомъ. — Выучи меня Русскому языку, Михайло!

Ломоносовъ онемѣлъ отъ восхищенія, когда услышалъ это желаніе, высказанное съ дѣтскимъ просподушіемъ.

« Ты будешь учишься Русскому языку, Христиана ?

— Да, для того, чтобы понимать твои стихи.

Ломоносовъ спалъ на колѣни и торжественно произнесъ :

« Даю слово, что ты выучишься Русскому языку! Никакія препятствія не отвлекутъ меня отъ этого. Но, Христиана, доспанишь-ли твоей рѣшимости ?

« Учишься? у себя? О, вѣрно ты не сдѣлаешь для меня того, что я прошу для тебя сдѣлать! Иначе ты не спалъ-бы спрашивать меня объ этомъ.

— Я прошу отдатьъ тебѣ жизнь мою! Она твоя, твоя съ этими поръ!

« А моя давно принадлежишь тебѣ, Михайло!

Христиана сказала это, и сама встревожилась. Въ смущеніи прибавила она :

— Я думаю, скоро придетъ папенька: онъ не любитъ долго оставаться на обѣдахъ. Пора намъ разлучиться.

« О, я не хочу оставитьъ себя!

— Должно, Михайло.

Христиана! для чего не могу я всегда быть съ тобой, видѣть тебя, слышать, восхищаться тобой!

Она не хотѣла слышать его долѣе, и послѣдняя уйдши.

Черезъ нѣсколько дней, влюбленные условились, чинобы каждое послѣ-обѣда, когда спарикъ поршней опдыхалъ въ дальней камеркѣ, Ломоносовъ приходилъ учить Хриспину Русскому языку. Учене эшо соспоало въ помъ, что онъ приносилъ ей нѣсколько Русскихъ словъ, написанныхъ Нѣмецкими буквами, вмѣстѣ съ переводомъ, и на слѣдующій день училъ ее соспавлять изъ нихъ фразы. Онъ дивился успѣхамъ своей ученицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ немного дней она выучила множество словъ и цѣлыхъ рѣченій. Великое слово: *люблю*, разумѣется, играло шущъ важную роль.

Безопчетное, пыльное чувство наконецъ спало принимашъ для Ломоносова одинъ образъ, опредѣленный и обольспительный. Онъ воображалъ Хриспину своею неразлучною подругою, и часшо, одинъ, думалъ, какъ счасливъ былъ-бы онъ, если-бы соединилъ съ нею судьбу свою. «Хриспина такъ прекрасна, такъ любилъ меня! Она усладила-бы жизнь мою; я не былъ-бы одинокъ съ нею. Тогда и горести, которыя неизбѣжны для человѣка, не казались-бы мнѣ спрашными. Я упѣшался-бы глядя на нее. Да, одинъ взглядъ ея уже дѣлаешъ меня счасливимъ. Чинъ-же если-бы она была со мною всегда, неразлучно, принадлежала мнѣ?» спросилъ онъ наконецъ самъ себя. «Опецъ ея конечно согласился видѣшъ счасливую свою дочь. А другихъ пре-

цѣшшвій нѣтъ; надобно шолько согласіе ошца. Виноградовъ сказалъ-бы: чѣмъ жить?... Правда, у меня нѣтъ никакого имѣнія, за то естъ шрудолобіе. Буду работашъ, и прилежаніемъ заслужу себѣ мѣсто. До возвращенія въ ошество еще далеко; но здѣсь мы будемъ жить у ошца. Неужели онъ не дастъ мнѣ угла?... Но чтò думашъ объ эшомъ! Эшо прозаическіе вздоры. Я буду счастливъ: вошъ главное! О, какъ буду я счастливъ! Въ самомъ дѣлѣ, я не могу представивъ себѣ, какое чудное, непоспизи-мое счастье, всегда бытъ съ Христиной, знашь, что она принадлежишь мнѣ и можешъ опкрышо говоришь: я швоя!»

Онъ прыгалъ по комнашѣ и радовался какъ дшша, воображая Хршшину своей женою.

«Для чего давно не рѣшилъ я просить руки ея?» думалъ онъ. Сколько счастливыхъ дней, кошорые прожили-бы мы съ нею, шеперь погибло невозвратно! Глупецъ! Я не зналъ своего счастья. Я искалъ его въ мечшахъ, въ опшвлеченныхъ умшвенныхъ занятіяхъ, не понимая, что оно было пакъ близко подлѣ меня. Да! чтò можешъ сравнишься съ блаженшвомъ шшхой семейшвенной жизни?... Завшра-же скажу ошцу о своемъ намѣреніи: я не хочу долѣе чуждаться своего счастья.

Глава XI.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой-же день Ломоносовъ сказалъ поршному, что онъ любитъ дочь его и предлагаетъ ей свою руку.

Спарикъ изумился до такой степени, что сначала не понялъ его, а когда понялъ, то сказалъ съ огорченіемъ:

« Г. Рускій! кажешся, я не далъ вамъ повода смѣяться надо мной и надъ моею дочерью.

— Смѣяться? Но я не вижу ничего насмѣшливаго въ томъ предложеніи, ошъ котораго зависить счастье моей жизни.

« Да какое счастье жизни въ такой несообразности! Я бѣдный поршой и коренной Нѣмецъ, а вы иностраниецъ, путешественникъ, ученый человекъ! . . . Эшо, сударь, насмѣшка, просто насмѣшка.

— Сдѣлайте милость, примите это въ прямомъ смыслѣ. Я прошу у васъ руки вашей дочери, и клянусь, что согласіе ваше сдѣлаетъ меня счастливымъ.

« Да могу-ли я принимаю серьёзно такое предложеніе, которое невозможно для васъ ?

— Какъ невозможно ?

« Дочь моя не будетъ вашею женою.

Ломоносовъ поблѣднѣлъ опъ внушрнннго движенія, и сказалъ въ полголоса.

— Она будетъ моею. . . . женою.

« Какъ ? вы рѣшаетесь, сударь, говорить эшо такъ смѣло, въ присутствіи ошца ? Чшо эшо значить ?

— То, чшо препяшсшвій никакихъ нѣтъ, и вы должны благословишь насъ.

« А я вамъ скажу тысячу препяшсшвій : во-первыхъ, дочь моя Люперанка, а вы другаго закона.

— Я Хрисііанинъ. Разность въ догматахъ нашихъ религій не мѣшаетъ браку.

— « Во-вторыхъ : я не знаю кто вы.

— Вы знаете, чшо я честный человекъ ; нѣсколько мѣсяцевъ жипья у васъ въ домѣ, кажешся, могли вамъ доказать эшо.

— Я и увѣренъ, чшо вы честный человекъ ; но я, напримѣръ, поршшой : ножницы да игла доспавляютъ мнѣ хлѣбъ ; а вы чѣмъ живете и чѣмъ можете содержать свою жену ? . . . Я не знаю.

« Милость Императрицы Россійской доспавляетъ мнѣ сущесшвованіе ; а когда я окажусь достойнымъ эшой милости, шо мнѣ дадутъ хощее мѣсто по ученой часши.

— Но вы чужеземецъ , вы должны вѣшать въ свое отечество; вы разлучите меня съ дочерью, если женишесь на ней ; вы увезете ее въ свою Россію, а я никакъ не соглашусь на это.

« Но если дочь ваша будетъ счастлива со мной ?

— Это знаетъ только Богъ. Наконецъ, я не согласенъ на это ; да вѣрно и дочь моя не согласится.

« Спросите у нея.

— Боже мой! неужели вы говорили съ ней объ этомъ? — вскричалъ спарикъ всплеснувъ руками.

« Я знаю , что она согласится быть моею женой.

— О позоръ! дочь моя изъяснялась съ вами въ любви? О срамъ! . . . никогда, никогда , сударь, не соглашусь! . . .

Спарикъ началъ ходить большими шагами по комнаѣ, качая головой, вздыхая, охая.

— Позвольте сказать мнѣ одно: вы могли-бы слышать каждое слово , которое говорилъ я вашей дочери , и вѣрно не нашли-бы ни въ одномъ ничего предосудительнаго. Увѣряю васъ въ этомъ какъ честный человекъ. Впрочемъ , не хочу долѣе смущать васъ , и прошу подумать о моемъ предложеніи.

Спарикъ не слушалъ его. Ломоносовъ вышелъ.

Въ комнаѣ своей увидѣлъ онъ Виноградова и пошчасъ сказалъ ему, что хочешъ женишься.

— Женишься? пы?— воскликнулъ Виноградовъ.

« Да. Чшо-же находишь пы удивительнаго въ эшомъ ?

— Шупки въ спорону: женись на Хриспинѣ; она славная дѣвушка!

« Я на ней и хочу женишься, » пвердымъ голосомъ сказалъ Ломоносовъ.

— Какъ можешъ пы говоришь объ эшомъ не смѣясь? Чудный человекъ!

« Пошому что я не шучу, и говорю себѣ какъ духовнику своему. Я женюсь на Хриспинѣ.

— Полно, Михайло! Повѣрю-ли я шакой нелѣпоспи.

« Несносные люди! Когда сказалъ опцу, пошъ вообразилъ, что я смѣюсь надъ нимъ! Говорю эшому, онъ думаетъ, что я шучу! Корешко и ясно: я женюсь! Тупъ нѣтъ никакой шупки.

— Но можешъ-ли пы женишься на Хриспинѣ? Я уже говорилъ однажды, что это будешъ для тебѣ источникомъ непріятностей.

« А я думаю, что это будешъ началомъ моего счастья. Я люблю Хриспину, она любитъ меня. Чего-же еще недосаешъ намъ для счастья?

— Бездѣлицы: ни у тебѣ, ни у нея ничего нѣтъ! А вы конечно воздухомъ пишашься не будеше.

«Жалкій прозайкъ! ты думаешь только о желудкѣ, а не о сердцѣ.

— Нѣтъ, я думаю еще о томъ, что эта женитьба совершенно расстроитъ тебя. Женатый человекъ плохой студентъ; а ты еще не окончилъ курса. Академія не позволила-бы тебѣ жениться. Если-же ты сдѣлаешь это безъ ея позволенія, то она лишитъ тебя своего покровительства.

«А гоповъ и на это, хоть не совсѣмъ вѣрю словамъ твоимъ.

— Что-же выйдешь изъ этого? Ты будешь принужденъ оставишь ученое поприще, и дѣло кончится тѣмъ, что понадобится работать для хлѣба, который всегда приводитъ тебя въ гнѣвъ, какъ начнешь говоришь о немъ.

«Виноградовъ! ты хочешь оспаривать моимъ другомъ?

— На томъ условіи, что ты не сдѣлаешь дурнаго, о которомъ говорилъ теперь.

«О, дружба на условіяхъ не годится мнѣ! За что люблю я Хрисину? За то, что она любитъ меня безотчетно, и даже теперь не знаешь о моемъ намѣреніи, если о томъ не сказалъ ей отецъ.

— А ты уже сдѣлалъ предложеніе опцу?

«Да!

— Такъ это уже не просто намѣреніе, а событіе?

«Конечно. Вольно тебѣ не вѣришь.

—Если такъ, то я не хочу напрасно перапыть словъ. Женись, Михайло! Но съ этой минуны мы не поварищи съ шобой.

«Почему-же, Виноградовъ?

—Потому, что должны идши разными пушями. Ты погрязнешь шеерь въ семейной жизни, а я хочу еще пригошовляшья бышь полезнымъ опечесшву.

«Неужели-жь ты думаешь, что я меньше шебя буду полезенъ ему? О, ты не знаешь меня, Виноградовъ!

—Чего ждашь опъ человека, сполько безхарактернаго, что онъ для взгляда первой дѣвчонки, для пуснаго удовольшвiя, гоцовъ брошишь все назначенiе своей жизни!

«Удержись, Виноградовъ, опъ такихъ словъ, какъ я удерживаюсь опъ гнѣва на шебя!

—Да, конечно лучше молчашь. Но я еще долженъ объявишь шебѣ, что мы и безъ этого скоро разошались-бы. . . . шолько можешь бышь иначе нежели шеерь.

«Какъ? что это значишь?

—Я йду изъ Марбурга.

«Куда? зачѣмъ?

—Профессоръ Вольфъ опшправляетъ меня въ Швейцарiю и на Апеннинскiя горы. Тебѣ сдѣлалъ онъ также назначенiе, шолько на слѣдующiй годъ.

«Я ничего и не знаю объ эпомъ.

—Потому что не рѣдко пропускаешь лекціи, и не ходишь къ Профессору.

«Да, это правда. Но въ послѣднее время я, право, не могъ. . . .

—Видишь-ли, Ломоносовъ, слѣдствія. . . .

«Не говори, ради Бога, не говори! Вскорѣ окончатся мои душевныя тревоги, и тогда примусь я за дѣло съ новымъ жаромъ.

— Дай Богъ, дай Богъ — сказалъ Виноградовъ качая головой.

Видимая холодность раздѣлила друзей въ послѣдніе два дни, которые Виноградовъ провелъ до своего отъѣзда въ Швейцарію. Онъ сердился на Ломоносова и не могъ одобрять его намѣренія; а поэтъ былъ влюбленъ, былъ гордъ, и не могъ сознаваться въ своемъ безразсудствѣ, пошому что не видалъ его. Они разспались молча; только взоры говорили за нихъ. Казалось, друзья, споль различные характеромъ, готовы были сказать одинъ другому: хоть я и сержусь на себя, а все-таки люблю.

Между пѣвмъ спарикъ поршной не давалъ отвѣта, и съ того-же дни, въ кошорый Ломоносовъ имѣлъ съ нимъ объясненіе, велѣлъ приносить обѣды въ комнату посшояльцевъ.

Ломоносовъ рѣшился идти къ нему самъ.

— Я пришелъ услышать ваше согласіе— смиренно сказалъ онъ поршному.

Старикъ примѣтно въспревожился и возра-
зилъ полу-сердишо:

« Милосшивый государь! я сказалъ вамъ и
повшоряю шенерь, что не могу согласишься на
бракъ вашъ съ моею дочерью.

— Эшо послѣднее ваше слово ?

« Да. Я просилъ-бы еще васъ перемѣнить
квартиру, пошому что, послѣ нашего объясне-
нiя, вамъ уже не годишься бышь въ моемъ домѣ,
а мнѣ не лъзя держашъ опъ васъ взаперши
Хриспину. Вы знаете, что она у меня хозяй-
ничаетъ въ домѣ всѣмъ: я безъ нея какъ безъ
рукъ.

Спокойно выслушалъ Ломоносовъ эшошъ Нѣ-
мецкiй опвѣшъ, и сказалъ:

— Желанiе ваше будешъ исполнено.

Опъ чего-же явилось такое спокойшвiе въ
Ломоносовѣ? . . . Онъ былъ готовъ къ опвѣшу
поршнаго; еще больше: онъ рѣшился женишься
на Хриспинѣ шайно, и уже получилъ на то ея
согласiе. Пылкая юность ихъ разсудила, что
надобно шолько обвѣнчаться, а опецъ по нево-
лѣ приметъ ихъ къ себѣ, хопъ вѣрояшно, и
посердишся. Такая рѣшишельность не должна
казашся спранною въ молодой дѣвушкѣ, про-
сшой дочери поршнаго. Въ эшихъ проспыхъ
существахъ иногда скрывающся сильныя чувсп-
ва, пламенныя спрасши, копоря пожаромъ

вспыхивающъ опъ прикосновенія шакихъ душъ, какую встрѣшила Хриспина въ Ломоносовѣ. Можешъ бышь, она оспалась-бы навсегда мирною хозяйкою проспаго Нѣмецкаго быша, если-бы судьба не сблизила ея съ шакимъ человѣкомъ. Но удивительно-ли, что Эшна его спраспи зажгла ея дѣвическую душу?

И прудно-ли было скрпсья влюбленной дѣвущкѣ опъ спарика опца, у котораго она соспавляла почспи всю прислугу? Можешъ бышь сердце ея препенало, когда выходила она изъ опеческаго дома, съ шѣмъ чшобы навсегда соединишь свою судьбу съ человѣкомъ, уже не чужимъ ей любовью, но увлекавшимъ ее совсѣмъ въ иной мѣръ. Однакожь рѣшишельность превозмогла все: Хриспина ушла съ Ломоносовымъ въ церковь, и паспортъ, напередъ задобренный, обвинчалъ ихъ. Печально было эшо шоржешво, споль милое сердцу! Почспи одиноко окончился обрядъ въ церкви; но по выходѣ изъ нея, когда надобно было идши не въ домъ опеческій, а на кварширу, вновь наняшую Ломоносовымъ, Хриспина почувспвовала, что посска сжала ея сердце. Только шущъ поняла она вину свою!

Очарованный своимъ счаспемъ, Ломоносовъ показывалъ ей пригоповленное имъ убѣжище, гдѣ все было бѣдно, однакожь удобно для жиз-

ни; Христина не могла глядѣшь ни на что. Она плакала и сквозь слезы говорила ему:

«Я бѣжала изъ отеческаго дома, какъ преступница! Я рѣшилась на дѣло не угодное Богу! Родитель не благословилъ меня! . . .

—Но Церковь благословила насъ, Христина! Запра-же пойдѣмъ мы къ родителю своему, и онъ конечно просишь тебя, когда увидишь наше счастье!

«Просишь! Для чего-же должна я искашь его прощенья?

—Для того, что иначе онъ не согласился-бы такъ скоро увидѣшь насъ счастливыми.

Сердечное краснорѣчье и любовь Ломоносова нѣсколько успокоили Хрестину.

На другой день, счастливые супруги смиренно явились къ огорченному родителю. Онъ провелъ ночь въ спрашномъ безпокойствѣ; сначала спрашивалъ у всѣхъ окружавшихъ его, у сосѣдей и даже всѣхъ шедшихъ по улицѣ, не видали-ль его Хрестины. Ни кто не умѣлъ отвѣчать ему. Наконецъ онъ бросился въ комнату Ломоносова, и нашелъ ее запершою; онъ понялъ все, и переспалъ искашь дочь. Сложивъ руки, почти до утра ходилъ онъ по своей комнатѣ въ задумчивости.

Онъ почти не изъявилъ удивленія, когда увидѣлъ Хрестину съ Ломоносовымъ, и довольно холодно сказалъ:

— Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ? ты не дочь моя. . . .

« Папенька! папенька!» закричала Христина падая передъ нимъ на колѣни. «Просшите меня! Просшите моего мужа!»

— Мужа? . . .

« Да, вчера вечеромъ, мы соединились святымъ, вѣчнымъ союзомъ,» сказалъ Ломоносовъ.

— Я не благословлялъ васъ на эпопъ союзъ, и не признаю его. Не хочу преслѣдовать васъ закономъ, но не могу и любить дочери непослушной. Подише съ глазъ моихъ!

Чувство придавало словамъ добраго спарика непобѣдимую силу.

Христина рыдая обнимала его колѣни и не могла произнести ни одного моленія. Ломоносовъ говорилъ, но оправданія его рассыпались въ прахъ передъ немногими словами правды, кошорую высказывалъ оскорбленный отецъ. Наконецъ Ломоносовъ былъ принужденъ увести полубезчувственную жену свою.

Если-бы спарикъ встрѣшилъ ихъ гнѣвомъ, проклятіями, то можеть бытъ Христина не почувствовала-бы шакъ глубоко своего проспуска. Но тихій ропотъ его, но оскорбленное чувство отца, выразившееся въ немногихъ упрекахъ, поразили дочь, горячо любившую его. Она провела нѣсколько дней въ слезахъ, и по-

сылала своего мужа молишь отца о прощениі ; но спарикъ упорно не хотѣлъ видѣть ея , и шолько при описаніи гореспи ея смягчился нѣ-скольکو. Забывая гнѣвъ свой вымолвилъ онъ :

«Скажи Хриспинѣ , что я желалъ-бы изгнать ея изъ моего сердца, но не могу. Она оскорби-ла меня , больше нежели можешь предсавишь себѣ; однако я все еще не въ силахъ забыть ея. Оспавимъ времени будущее: если вы окажешесь досшойны прощениа моего , шо , я чувспвую , что еще могу смягчиться. Я люблю дочь мою. Ты, Михайло, не женщина, и уменъ больше ме-ня ; ты самъ понимаешь , какъ я долженъ гля-дѣть на себя, виновника ея просипупка. Не го-вори-же мнѣ болѣе никакихъ оправданій пеперь, когда еще оскорбленіе слишкомъ живо въ мо-емъ сердцѣ. Поди, и спарайся, съ женою своею, оправдашь не совсѣмъ испребленную къ ней любовь мою.»

Спарикъ говорилъ какъ чувспвовалъ , а онъ чувспвовалъ какъ ошець , и при помѣ жипель маленькаго Нѣмецкаго городка.

Хриспина ожила при зарѣ надежды услы-шавъ опъ своего родипеля слова прощениа. Она спала спокойнѣе и принялась за свое ма-ленькое хозяйспво съ удивипельнымъ усердіемъ. Ломоносовъ получалъ опъ Академіи порядоч-ное жалованье, копорымъ могъ жипь, со всѣми удобспвами одинокой жизни ; но Хриспина

умѣла распорядиться шакъ , что этого оказалось достаточнѣе имъ двумъ. Она исправляла почти всѣ занятія и даже работы сама. Любовь украшала все это для Ломоносова , и онъ почиталъ себя совершенно счастливымъ человекомъ. Часомъ , глядя какъ Христина заботилась объ устройствѣ домашней жизни , онъ не могъ насмотрѣться на нее и тихо благодарилъ Бога за свое счастье.

Ученая дѣятельность его возобновилась. Онъ опять спалъ усердно посѣщая лекціи , и часто являлся къ Вольфу. Этого знаменитый человекъ , живя въ маленькомъ городѣ , не могъ не слышать о женихѣ Ломоносова , которая привела въ движеніе всѣ круги и кружки Марбургскаго общества. Однакожъ онъ не говорилъ ему своего мнѣнія до сихъ поръ , пока самъ Ломоносовъ не сказалъ уважаемому имъ Профессору о своей женихѣ. Вольфъ конечно смотрѣлъ на это глазами философа , однакожъ почелъ обязанностью своею замѣнить молодому человеку , ошданному нѣкоторымъ образомъ подъ его покровительствомъ , что онъ поступилъ очень необдуманно. Ломоносову больно показалось такое мнѣніе , и это выразилось на лицѣ его.

«Не оскорбляйтесь моими словами ,» сказалъ Вольфъ , «и дайте мнѣ выразить вамъ подробнѣе мысль мою. Бракъ—необходимое условіе въ

жизни, необходимое до такой степени, что человек не женатый кажется существом, не исполнившим своего назначения, одиноким среди людей, эгоистом; который уклоняется от самой тяжелой обязанности, налагаемой на него условиями жизни в мире. Но это лишь вещественное назначение человека; для него не должен он забывать другой, не менее важной обязанности своей: действовать в мире нравственном. Это призвание людей, узнавших мир не с одной вещественной стороны. Они должны иногда отказываться от всех других обязанностей, для того чтобы действовать в мире нравственном. С каким-то высоким назначением были установлены обители монахов, где человек навски определялся от всего вещественного, и посвящал себя единственно духовным подвигам. Собразите, что было бы теперь мир без этого великого установления? Кто показал нам истинный духовный, лучший мир, как не опшельники, не монахи? Теперь эти действовали, силой времени и обшоятельством, ослабляются и удаляются с своего поприща (*). Мѣсто ихъ должны заступить мы, такъ называемые *ухеные*. Вы, человекъ предназначенный

(*) Здѣсь разумѣется Протестантская Германія.

судьбой и опечесшвомъ къ ученому званію, вы вдругъ перешли шеперь къ жизни семейной, кооторая необходимо опвлечелъ васъ на нѣкопорое время опъ прямаго пуши къ цѣли вашей.

— Я все еще не понимаю, Г. Профессоръ: неужели человѣкъ ученый не долженъ женишься?

«Напрощивъ : *долженъ* ; но вы можешели названъ себя ученымъ? Рѣшите сами.

Ломоносовъ поникнулъ головой.

«Позвольте мнѣ выразишья проще, но яснѣе: полько имѣя апшеспанъ на званіе ученаго могли вы всшупишь въ новую обязанность. Теперь-же, вы будеше имѣшь на себѣ двѣ обязанности, кооторыя могушь показашься вамъ пшягосшны. Впрочемъ— прибавилъ Вольфъ улыбаясь— я увѣренъ, что сила вашего духа подкрѣпишь васъ.

Послѣ эшого разговора, Вольфъ уже никогда не говорилъ съ Ломоносовымъ о его женишьбѣ, какъ-бы давая шѣмъ разумѣнь, что не хочешъ вспоминашь о проспупкѣ своего ученика.

Но что люди почишали проспупкомъ, въ помъ Ломоносовъ видѣлъ величайшее свое счастье. У него оказывался недосшашокъ въ деньгахъ ; но добрая жена умѣла вознаградишь это экономіей, и онъ почи не замѣчалъ нужды, часшо грозившей ему. Онъ восхищался добрымъ сердцемъ и милымъ характеромъ своей жены,

кошорая , казалось , жила только для его удовольствія . И дѣйствительно , все , что можетъ изобрѣсти нѣжная предупредительность любви и дружбы , все было исощено ею . Сверхъ того , она выражала каждымъ поступкомъ своимъ такую довѣренность къ мужу , что онъ иногда былъ готовъ спастъ передъ нею на колѣни и еще разъ поклясться въ вѣчной любви .

Въ то время , когда такъ тихо и мирно капились дни Ломоносова , онъ вдругъ узналъ о побѣдѣ , одержанной Русскими войсками подъ Хошиномъ . Это сдѣлало на него впечатлѣніе радостное и сильное . Въ отдаленіи отъ общества , среди чужеземцевъ , въ глуши раздались передъ нимъ побѣдные громы Россіи . Волненіе чувствъ его сдѣлалось наконецъ такъ живо и сильно , что онъ рѣшился выразить его на бумагѣ . Въ первый разъ посвятилъ его истинный воспоргъ , и онъ написалъ оду , кошорая начинается такъ :

Воспоргъ внезапный умъ плѣнилъ ,
Ведешь на верхъ горы высокой , и проч .

Лицо его горѣло и дыханіе прерывалось , когда онъ окончилъ оду . Онъ смалъ перечисывашъ : хорошо ! Но всего больше радовало его , что онъ написалъ свою оду новымъ размѣромъ , въ подражаніе знаменитой Гиншеровой одѣ Принцу

Евгенію. Тогда не почишалось грѣхомъ , про-
спо , переводить цѣлыя спрофы изъ извѣс-
ныхъ чужеземныхъ стихотвореній и выдавать
ихъ за свои ; однако Ломоносовъ воспользовал-
ся этимъ правомъ очень умеренно , такъ что
сличая его оду съ Гинтеровой , почти не най-
деше близкаго подражанія : оно болѣе замѣтно
въ общности , въ шонѣ и оборошахъ .

Такъ родился подъ перомъ его *любительскій*
стихъ , надолго оставшійся первенствующимъ
въ Русскомъ стихотворствѣ ! Ода на взятіе Хо-
шина была первымъ истиннымъ стихотворені-
емъ , не Русскимъ , а правильнымъ , гармониче-
скимъ , доказывающимъ гибкость и величіе Рус-
скаго языка .

Творецъ этой оды былъ такъ доволенъ ею,
такъ убѣжденъ въ ея достоинствѣ , что рѣшил-
ся послать ее въ Петербургъ , къ бывшему
тогда Президентомъ Академіи Наукъ , Барону
Корфу . Въ письмѣ къ нему онъ объяснялъ , что
ода написана размѣромъ новымъ , неслыханнымъ
дополъ въ Русскомъ стихотворствѣ .

Этотъ опытъ показываетъ , что Ломоносовъ
не переспавалъ заниматься стихами и сдѣлалъ
въ теоріи ихъ большіе успѣхи . Необыкновен-
ный взглядъ его производилъ новое во всемъ ,
куда ни проникалъ онъ : такова принадлежность
генія ; онъ можетъ ошибаться , но никогда не
идетъ по чужимъ слѣдамъ .

Между пѣмъ , ни идиллическая жизнь , ни спихи , ни что не могло ошвлечь его опъ любимыхъ занятій почными науками. Онъ слушалъ Вольфа , любилъ углубляться въ блестящія его изслѣдованія ; но собственно Философія не была удѣломъ нашего соотечественника , потому что въ ней всѣ искали не того , чего искашь должно. Она была собраніемъ предположеній и гаданій , больше или меньше удачныхъ ; но метода изслѣдованія оставалась только въ немногихъ , гениальныхъ головахъ. Потому-то Ломоносовъ оказалъ всего меньше успѣховъ въ Философіи. Умъ его болѣе склонялся къ наукамъ и знаніямъ опытнымъ , каковы Химія , Металлургія , и Физика , бывшая также сборомъ опытовъ по разнымъ частямъ Естествознанія. Тупъ онъ дѣлалъ чудеса и удивлялъ своихъ учителей проницательностью. Работая съ Профессоромъ Химіи въ лабораторіи , онъ вскорѣ сдѣлался любимымъ его помощникомъ ; Профессоръ Металлургіи предвѣщалъ въ немъ оплчнаго ученаго по Горной части ; Профессору Физики онъ дѣлалъ всѣ опыты съ необыкновенною ловкостью и смѣливостью. Часто цѣлые дни занимался онъ съ ними , и только опдыхать возвращался домой. Послѣ шрудныхъ умственныхъ занятій , человеку необходимо опдыхъ , и духомъ и шѣломъ. Проводя большую часть дня въ Университетѣ со своими Про-

фессорами, Ломоносовъ возвращался домой и посвящалъ оспальное время дружескимъ разговорамъ съ женою, занятіямъ Словесностью, чтенію. Онъ читалъ много, особенно писателей Нѣмецкихъ, такъ что сдѣлался совершенно знакомъ съ тогдашнею, еще бѣдною Нѣмецкою Словесностью. Незамѣтно выучился онъ, почти самъ собою, Французскому языку, и читалъ Французовъ, у которыхъ не задолго былъ великій вѣкъ Словесности, какъ называли они время Расина, Мольера, Буало, Лафоншена. Древніе не переставали занимать его: Цицеронъ, Горацій, Овидій, и иногда Греческіе писатели, не сходили съ письменнаго стола Ломоносова. Все это называлъ онъ опдыхомъ. Но истиннымъ опдыхомъ его было то время, когда онъ не дѣлалъ ничего и наслаждался тихой семейною жизнью, или училъ жену свою Русскому языку и рассказывалъ ей о Россіи многое, что возобновлялось въ памяти его, при мысли о миломъ отечествѣ.

«Знаешь-ли, Хриспина!» сказалъ онъ ей однажды. «Иногда мнѣ кажется, что я не поѣду въ Россію.

—Почему-же, Михайло?

«Мнѣ такъ хорошо здѣсь; я нашелъ столько счастья жить тамъ, гдѣ твоя родина, что хочу сберечь его, это счастье, и не смогу на всю привязанность къ отечеству, боюсь раз-

спроишь наши тихіе, мирные дни новымъ переселеніемъ.

— Ахъ, нѣтъ, Михайло! я не хочу чтобы ты разспался навсегда съ опечесивомъ, пвоею Россією. И что называешь ты нашимъ счастіемъ? Любовь нашу? Но я буду вездѣ съ побой. Любовь опца? Но.... онъ изгналъ меня и не хочетъ видѣшь.

Она прослезилась.

«Опецъ скоро примирится съ нами, милая Хриспина. Онъ такъ добръ! И всѣ здѣсь такъ добры! Въ опечесивѣ, я не зналъ никакихъ наслажденій; шамъ всѣ были чужды мнѣ; а здѣсь я нашель себя, и съ побой цѣлый міръ счастья!

— Я не могу прошиворѣчь тебѣ, пошому что не знаю ничего кромѣ своего города, и никого кромѣ немногихъ родныхъ; однако мнѣ кажется, что тебѣ надобно возвращишь въ Россію.

«Для чего, Хриспина?

— Не умѣю объяснить эпого. Ты здѣсь какъ будто не на своемъ мѣстѣ; тебѣ надобно что-то другое.

Ломоносовъ задумался. Простое чувство женщины было вѣрнѣ его ума, обширнаго, но увлекаемаго воображеніемъ и непостояннаго въ привязанностяхъ! Это поразило его, когда онъ обдумалъ слова Хриспины. Идиллическая

жизнь увлекла его до такой степени, что онъ былъ готовъ забыть для нея все: опеченство, назначеніе свое, и даже цѣль жизни. Мы уже видѣли много такихъ мгновенныхъ его вспышекъ; увидимъ ихъ и дальше.

Дни черезъ два послѣ этого разговора, неожиданно явился къ нимъ отецъ, поршней. Нѣсколько мѣсяцевъ не видался онъ со своею дочерью, и во все это время тщательнѣе наблюдалъ за нею. Онъ былъ знакомъ почти со всѣми въ городѣ, легко находилъ случай узнавать, каково живетъ она съ мужемъ, чѣмъ занимающіяся они, каково идешь ихъ хозяйство, и обо всемъ этомъ слышалъ однѣ похвалы. Черезъ хозяйку дома, гдѣ жили они, особенно развѣдалъ онъ, что дочь его много печалится о разлукѣ съ отцомъ и часто плачетъ. Наконецъ это расшевелило *благоразумное сердце* его, и онъ рѣшился заключить торжественное примиреніе съ бѣглячкою-дочерью и съ похитителемъ-мужемъ ея.

Хриспина заплакала, закричала, когда увидѣла отца, и хотѣла броситься къ нему, но онъ протянулъ руку—удержавъ ее отъ этого, и потомъ сказалъ насавиштельную рѣчь, какъ дурно поступила она, какое право имѣлъ онъ сердиться на нее, какъ дорого она должна цѣнить любовь отцовскую, которая одна заславляетъ его шеперь забыть все, и снова принять

заблудшую дочь въ милосшъ и покровительствово. Послѣ этого онъ подошелъ къ ней, поцѣловаль ея въ лобъ, далъ ей поцѣловашъ свою руку, и произнесъ маленькое наставленіе Ломоносову. Тотъ не могъ наконецъ выдержашъ этого церемоніала и кинулся обнимашъ спарика. Краснорѣчіе его довершило все оспальное. Спарикъ самъ распрогался, расцѣловаль своихъ дѣшей и предложилъ имъ переѣхашъ къ нему въ домъ.

«Если-бъ ты знала, какъ грустно мнѣ было оставашъся сиротой!» сказалъ онъ дочери. «Я привыкъ къ тебѣ, и безъ тебѣ никакъ не могъ угодишь мнѣ, ни въ чемъ!»

—Папенька!—говорила она, цѣлуя руку отца. —Я не смѣю надѣяшъся вознаградишь когда нибудь за огорченіе, которе сдѣлала вамъ по неопытности своей! Но, жизнь моя будетъ посвящена вашему удовольнію.

Дѣло сладилось. Ломоносовъ переѣхаль съ женою къ отцу ея, и спарикъ скоро забылъ свой гнѣвъ. Хриспина угождала отцу со всѣмъ усердіемъ дочери, желающей загладишь вину свою. Единственнымъ признакомъ недавняго разлада ихъ оказалось то, что Хриспина съ мужемъ должна была имѣть свое хозяйство: спарикъ не хотѣлъ, да и не могъ ничего давать ей на издержки. Слабое здоровье, еще болѣе распроенное лѣтами и работою, не

позволяло ему заниматься ремесломъ своимъ съ бывалымъ прилежаніемъ. Во время опшущивіа дочери, онъ опшущилъ почти всѣхъ своихъ работниковъ и опъ того доходъ его уменьшился до крайней спепени. «Живите какъ умѣете,» говорилъ онъ Хриспинъ. «Я не въ силахъ помогаю вамъ ничѣмъ, кромѣ кварширы, кошорою можете вы пользоваться.»

Ломоносовъ, кошорый никогда не забопился о пропишаніи, не хошѣлъ и пеперь думаю объ эпомъ. Онъ сказаю сшарику, что надѣеюся на собсшвенныя свои силы, и никогда не попревожию его просьбой о деньгахъ. Однако вскорѣ обсшояпелешсшва должны были перемѣнишюся, и Ломоносову пришлось испышашю горькія неприяшности, кошорыхъ не знаю онъ прежде.

Г л а в а XII.

Еще разъ жизнь въ Марбургѣ улыбулась бѣдному пришельцу: у Ломоносова родилась дочь. Заботы, неизбѣжныя при эпомъ важномъ семейномъ событіи, не мѣшали ему радоваться и раздѣлять свою радость съ женою, копорая сдѣлалась для него существомъ, еще болѣе драгоценнымъ. Но шупъ-же счастье его было смущено непріятностію, копорой онъ не предвидѣлъ: у нихъ не было денегъ, даже на расходы, необходимыя при рожденіи дитяти. Ломоносовъ увидѣлъ себя принужденнымъ продать за безцѣнокъ нѣсколько дорогихъ для него книгъ, и войдши въ новые долги у лавочника, копорому уже былъ долженъ, забирая всякій вздоръ для хозяйства. Жена его въ послѣднее время и послѣ рожденія дитяти не могла сама хозяйничать, и опъ шого деньги шли безъ шолку, подъ завѣдываніемъ Ломоносова. Онъ былъ шакъ не экономенъ, шакъ щедръ, что скоро положеніе его сдѣлалось ужасно. Хлѣбникъ

переспалъ оппускашь ему хлѣбъ , а лавочникъ всякую другую провизію , когда эти люди узнали , что молодой должникъ ихъ продаетъ послѣднія свои вещи . Мало этого : они начали наспояшело прѣбовать своихъ денегъ , а заплашить было нечѣмъ . Съ большимъ шрудомъ успокоилъ ихъ Ломоносовъ , уговоривши подождать до полученія прѣшнаго его жалованья . Они согласились , но между шѣмъ надобно было каждый день пить и ѣсть . Ломоносовъ ошискалъ новаго лавочника , кошорый рѣшился оппускашь ему въ долгъ необходимые съѣшныя припасы . Хлѣбъ покупалъ онъ на деньги , занимая по нѣскольку грошей у своихъ поварихей .

Наконецъ прѣшное жалованье было получено , и Ломоносовъ спѣшилъ разсчиташься съ своими кредиторами ; но долгъ превышалъ всѣ полученныя имъ деньги . Онъ принужденъ былъ сдѣлать уплату , и оставилъ ничтожную сумму себѣ на расходы . Кредиторы его успокоились , но онъ уже почувсшвовалъ всю тягоспъ бышь должникомъ , и со спрахомъ думалъ о будущемъ . Въ первый разъ узналъ онъ цѣну деньгамъ !... Прѣжде , одинокій , беззабошный , онъ проводилъ иногда цѣлыя дни пополамъ съ голодомъ , и забывалъ это углубляясь въ свои занятія . Но теперь , на рукахъ его были два безпомощныя , слабая существа : жена и малюшка дочь . Онъ могъ

первѣшь нужду самъ и не жаловашься на эшо; но заснавлишь къ первѣшь — эшо было выше его силъ! Сверхъ того, прежде онъ не зналъ, чшо пакос значило: бышь должнымъ; а пеперь онъ испышалъ горесшь эшихъ словъ, и съ опчаяніемъ видѣлъ, чшо долги его не шолько не уменьшались, но выросшали безпрерывно, какъ головы баснословной гидры.

Жена его долго не могла оправиться опъ болѣзни, а онъ не зналъ, чшо она своею неуспшною работою, шипьемъ, вязаньемъ, подкрѣпляла бѣдные доходы его, копорыхъ и прежде не могло-бы доспавашь имъ на содержаніе. Теперь, слабосшь силъ не позволяла ей работашь, а расходы и долги увеличились. Она сберегала многое пакже своею хозяйсшвенносшью, а пеперь у нихъ жила наемная женщина, копорая, кромъ того чшо споило ея содержаніе, умножала расходы своимъ плохимъ усердіемъ. И все эшо пало на небольшое жалованье, копорое получалъ Ломоносовъ опъ Академіи, пакъ чшо онъ вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ нуждою, бѣдносшью и долгами неоплашными.

«Боже мой! чѣмъ-же все эшо кончисья?» думалъ онъ, когда безобразная нищеша напоминала ему о себѣ. «Если-бъ я былъ въ Россіи, то могъ-бы найдши себѣ какую нибудь работу; а здѣсь, на чужой споронѣ, въ чужомъ городѣ, чшо спану я дѣлашь? Я не гожусь даже и въ пи-

саря Нѣмцамъ! Да и гдѣ мнѣ взять времени, кошораго едва доспаешъ на необходимымъ ученныя занятія и на заботы о больной женѣ! Неужели сбудешся предвѣщаніе Виноградова?... о Боже! избавь меня хоть ошъ эшого униженія! Меня какъ ребенка оспанавливали ошъ женишьбы, и я не хощѣлъ никого слушапъ, я запыкалъ уши ошъ ихъ *благоразумныхъ совѣтовъ*, жершвуя всѣмъ для доброй моей Хриспины. Я говорилъ имъ правду, увѣряя, что буду счастливъ съ нею; я почно счастливъ; но эша прокляпая нужда!... Признаюсь, я не предвидѣлъ, что шакъ шяжело съ нею раздѣльвапъся. Но, вооружусь всѣми силами! Провидѣніе уже не разъ спасало меня ошъ непріятношней и прискорбій, можешъ быпъ не меньше спрашныхъ.»

Такъ всегда оканчивалъ Ломоносовъ размышленія свои объ угрожавшихъ ему бѣдспвіяхъ, и вѣра въ Провидѣніе всегда оправдывала его надежды. Почши шо-же случилось и шеперь.

Вольфъ прислалъ за нимъ.

«Я получилъ ошъ Пешербургской Академіи,» сказалъ онъ Ломоносову, «новое распоряженіе. Видя изъ полученныхъ ею ошъ меня свѣдѣній, что вы оказываеште особенные успѣхи въ Металлургіи, она желаетъ, чтобы вы сѣздили во Фрейбергъ, къ извѣспному Бергъ-Рапу Генкелю, и занялись подъ его руководспвомъ Горнымъ Дѣломъ пракпически. Для поѣздки вашей

прислана особенная сума денегъ , которую я и вручу вамъ.

—Съ благодарностью исполню волю Академіи — сказалъ Ломоносовъ.— Но прежде позволите мнѣ благодарить васъ, потому что, безъ сомнѣнія, вамъ обязанъ я эшимъ новымъ случаемъ къ усовершенствованію себя въ любимой моей наукѣ.

«Я писалъ въ Академію то, что видѣлъ; впрочемъ, отправивъ васъ къ Генкелю почто совѣщавалъ я, и увѣренъ, что это будетъ для васъ полезно.

— Я уже сколько знаю о заслугахъ Г-на Бергъ-Рапа въ наукѣ, что почту особеннымъ счастьемъ заняться Металлургіею подъ его руководствомъ.

«Тѣмъ болѣе, что вы должны прожить у него цѣлый годъ.

—Цѣлый годъ?... да, конечно это большая выгода.

Вольфъ не хотѣлъ понимать истиннаго смысла этого восклицанія, хотя и видѣлъ, что Ломоносовъ не совсемъ-то былъ радъ такой долговременной разлукѣ съ семействомъ.

«Теперь извольте получить инструкцію Академіи, и жалованье за годъ, съ прибавкою на переѣзды.

Тутъ онъ вручилъ Ломоносову довольно значительную сумму денегъ , далъ всѣ необходимыя наставленія и письмо къ Генцелю .

Ломоносовъ не зналъ , возвращаясь домой, радовался-ли ему или печалился? Онъ былъ радъ неожиданному пособию въ деньгахъ , не думая, что онѣ понадобятся ему на путешествіе; но разлука съ женой и маленькой дочерью навѣвала тоску на его сердце. Онъ размышлялъ еще и о томъ , какъ объявить о своей поѣздкѣ женѣ , не совсѣмъ оправившейся отъ болѣзни? Но пришедши домой , онъ принялъ веселый видъ и сказалъ :

«Христина! знаешь-ли, что я принесъ съ собою кучу денегъ?»

— Денегъ? На что ихъ намъ много? Да и не откуда получишь ихъ тебѣ, милый другъ.

Тутъ съ величайшею оспорожностью началъ онъ описывать ей свое свиданіе съ Вольфомъ, и намекнулъ о поѣздкѣ во Фрейбергъ.

—Такъ что-же? — сказала Христина. — Если это для твоей пользы, я очень рада перенести самую тягостную разлуку. Неужели ты думаешь, что я буду печалиться, когда вижу полезное для тебя? Напрошивъ , Михайло! я рада для тебя на всѣ лишенія.

«Милая, милая Христина! Точно эта поѣздка будешь полезна для моего усовершенствованія

въ наукѣ; но разлука съ шобой. . . . Я не смѣлъ и думать объ эшомъ, не смѣлъ сказаши шебѣ. . . .

— Ты мало довѣряешь моей любви къ шебѣ. Скажи шолько: на долго-ли разспаемся мы ?

Ломоносовъ молчалъ.

— Неужели на цѣлые годы ?

« На одинъ годъ , Хриспина , но на цѣлый годъ !

— Такъ что-же ? — сказала она спараясь сохраниши спокойный видъ?— За шо, какъ весело будешь намъ свидѣться. . . . Ты будешь писати ко мнѣ , будешь любиши меня , шакъ-же какъ шеперь.

« О , для чего не могу я выразиши шебѣ всей любви моей ! Каждое слово ливое , Хриспина , ешь слово чистой , ангельской души.

Онъ съ жаромъ обнялъ ее.

« По крайней мѣрѣ я буду спокойнѣе опъ того, что мы , слава Богу , можемъ заплашиши наши долги. Для поѣздки получилъ я много денегъ. Но я возьму съ собой какую нибудь бездѣлицу, пойду пѣшкомъ , а оспальное заплачу заимодавцамъ , и опдамъ шебѣ. Ты не будешь знаши никакой нужды.

— Я рада , что ты будешь опъ эшого спокойнѣе; но иди пѣшкомъ во Фрейбергъ невозможно: ты долженъ ѣхати шуда.

«Напрошивъ, я долженъ идти, во-первыхъ для того что сберегу эшимъ сколько нибудь денегъ; а во-вторыхъ, такимъ образомъ я лучше узнаю Саксонію, которую видѣлъ только мимоходомъ.»

— Но ты дорожишь моимъ спокойствіемъ, а я дорожу своимъ; я спану меньше безпокоившись, когда буду знать, что ты не упомляешь себя пѣшеходствомъ.

Ломоносовъ обѣщавъ наконецъ исполнить ея желаніе. Послѣ этого, Хриспина съ величайшимъ мужествомъ начала пригошлять все необходимое для его путешествія: уклала въ небольшой чемоданъ плащъ и бѣлье мужа, которое содержала всегда въ возможномъ порядкѣ; положила туда-же нѣсколько книгъ, назначенныхъ имъ самимъ; наконецъ пригошвила особенное плащъ для дороги.

Съ любовью и благодарностью смотрѣлъ Ломоносовъ на добрыя заботы ея и цѣловалъ попеременно то милую жену, то маленькую дочь свою. Въ слѣдующее утро, надобно было разспаться. Хриспина хотѣла провожать мужа за городъ, но онъ уговорилъ ее не дѣлать этого. Нѣсколько слёзокъ, вырвавшихся насильно изъ глазъ ея, были единственнѣмъ признакомъ сердечной тоски, которая угнетала эту добрую женщину. Ломоносовъ спѣшилъ къ почтовому двору и тамъ сѣлъ въ общую карету.

Ему было очень грустно въ первый день; но сердце его поспешенно успокоивалось; въѣхавши въ Саксонію, онъ могъ даже наслаждаться красотою природы эпой очаровательной страны. Прелестна Саксонія лѣтомъ, въ свѣтлое утро, когда каждая деревенька ея представляешь ландшафтъ, передъ копорымъ ничтожны всѣ знаменитыя картины Пуссеней и Бергемовъ! Но всего прелестнѣе южная часть ея, граничащая съ Богемією. Тупъ сама природа, кажется, помогала жителямъ устраивать неожиданныя, живыя картины. Тупъ дикія красоты смѣшаны съ привлекательнымъ устройствомъ образованности; шупъ живописные холмы и горы, лѣса и сады, виноградъ и дубъ, какъ будто наперерывъ спараются приковать къ себѣ вниманіе путешественника, между тѣмъ какъ добрыя жители обновляютъ для него патриархальныя времена и спарую добродѣтель гостепріимства.

На границѣ Саксоніи Ломоносовъ выскочилъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ. Онъ уже шакъ сблизился съ Нѣмецкими нравами, что эшо путешествие казалось ему пріятною прогулкою среди родныхъ, близкихъ сердцу. Почтенные Нѣмцы торжествуютъ семейною жизнію; а Ломоносовъ былъ теперь семьянинъ, и не разъ картина мапери съ малюшкою на рукахъ заставляла его вздыхать о разлукѣ съ Христиной.

Впрочемъ , путешествіе его скоро кончилось, потому что переходъ опъ границы Саксоніи до ея средопочія не великъ. Оставивъ Дрезденъ влво , Ломоносовъ приблизился къ Фрейбергу, знаменишому своими горными заведеніями. Въ городѣ , видъ соборной церкви поразилъ его какимъ-то сходствомъ съ церквами Москвы , и онъ рѣшился осмопрѣнъ на досугъ эпошъ великолѣпный храмъ.

Опдохнувъ и оправившись опъ дороги, уже на другой день Ломоносовъ явился къ будущему покровителю своему, Бергъ-Рапу Генкелю.

Эпо былъ человекъ шарый , въ огромномъ парикѣ , и съ необыкновенно-важною осанкою, учпивый и словоохопный. Онъ раскланялся съ Ломоносовымъ , и когда узналъ , что пошъ пріѣхалъ съ письмомъ опъ знаменишаго Вольфа, усадилъ его, прося позволенія прочестъ письмо Г-на Профессора. Изъ письма увидѣлъ онъ , что Ломоносовъ Рускій, что Вольфъ рекомендуешъ его , какъ опличнаго по способностямъ и знаніямъ своимъ молодаго человека.

—Очень радъ, весьма радъ, чрезвычайно радъ, Г. Ломоносовъ , способствовашъ вашимъ ученымъ шудамъ—сказалъ Генкель.—Вы особенно посвящаете себя Металлургіи?

«Я люблю эпо науку , и желалъ-бы въ ней усовершенствовашся. Кажешся, ни гдѣ не могу

достигнуть этой цѣли шакъ вѣрно какъ во Фрейбергѣ, подѣ вашимъ руководствомъ.

— Благодаренъ вамъ, очень, шремного благодаренъ! Но я увѣренъ шакже, что встрѣчу въ васъ необыкновеннаго ученика. Пешербургская Академія, которую глубоко уважаю, и Г. Профессоръ Вольфъ, къ которому пишу величайшее почтеніе, свидѣтельствуютъ о вашихъ необыкновенныхъ способностяхъ.

«Извините, Г. Бергъ-Раиъ, если я попрошуворѣчу вамъ: въ Россіи еще шакъ мало занимающихся науками, что даже усердіе къ нимъ награждаетъ выше заслугъ; пошому-то Пешербургская Академія опправила меня сюда, и дала благодарственные средства слышавъ наставленія ученыхъ мужей. А Г. Профессоръ Вольфъ мой благодаритель; я еще не успѣлъ заслужить шого, что онъ дѣлаешъ для меня.

—Благоразумно, похвально и почтенно изволише говорить! Но въ Россіи шеперь великія дѣла совершаются. Давно-ли мы слышали о Рускихъ—извините—какъ о варварахъ; а шеперь, мы бесѣдуемъ съ вами объ ученыхъ матеріяхъ!

Такъ продолжался разговоръ съ полчаса, и Ломоносовъ не замѣшилъ въ Генкелѣ никакихъ опличныхъ свѣдѣній, ни даже опличнаго ума. Казалось, эшо былъ добрый спарикъ, не блиспавшій ни ученостью, ни даромъ слова. Но

когда, на другой день, Ломоносовъ увидѣлъ его въ обширной Фрейбергской лабораторіи; когда Генкель началъ дѣлать передъ нимъ различные опыты, изъясняясь ему разные законы Химіи и сообщая новыя опыты и наблюденія свои, тогда Ломоносовъ былъ гошовъ чистосердечно раскаянсь въ вчерашнемъ мнѣніи о немъ.

Въ самомъ дѣлѣ, многіе ученые мужи бывающъ велики только передъ своимъ предметомъ, и кажутся менѣ нежели обыкновенными людьми въ разговорахъ общихъ. Привычка-ли устремлять весь свой умъ на любимый, избранный предметъ, и невниманіе ко всему оспальному, или особенное устройство умственныхъ органовъ тому причиной, только такихъ людей встрѣчается много. Къ числу ихъ принадлежалъ и Генкель. Его можно было назвать гениемъ опытной Химіи: пусть онъ являлся великъ, поучительнъ, гениаленъ, и Вольфъ не ошибся оправивши къ нему Ломоносова, которому надобно было только соприкосновеніе необыкновеннаго въ какой либо части человѣка; а въ Генкель онъ нашелъ еще и опытнаго руководителя. Замѣтивши въ молодомъ человѣкѣ особенную страсть къ Металлургіи и Химіи, Генкель раскрылъ передъ нимъ все богатство своей опытности и занималъ его часно, и по многу часовъ, забывая время. Пусть и словоохотность его превращалась въ краснорѣчіе, и

спраспъ къ своему заняшю дѣлалась пупеводною звѣздою для молодого ученаго. Больше ничего и не нужно было для Ломоносова: онъ оказалъ успѣхи немовѣрные.

Но не въ одной полько лабораторіи занимался онъ. Генкель водилъ его въ славные Фрейбергскіе рудники, откуда, въ продолженіе нѣсколькихъ сполѣшій, люди выкопали громадное количество серебра. Но и серебро, благородный металлъ, пребуешъ очиспки. Для эшого-то были успроены во Фрейбергѣ превосходныя заведенія. Тогда еще не было шамъ преобразовашеля Горнаго Дѣла, безсмершнаго Вернера; но Фрейбергъ процвѣшалъ съ пятнадцатаго и даже чешырнадцатаго сполѣпія. Богатые пріиски серебра, опкрышые около него, какъ полагаюпъ, еще въ двѣнадцатомъ сполѣпші, скоро привлекли людей. Воздвигся большой городъ, украшенный многими произведеніями Искусства и знаменитый своею Горною Академіею. Тридцатилѣшняя война, эшопъ пожаръ цѣлой Германіи, заглушила было дѣяшельность Фрейбергскихъ рудокоповъ и славныхъ шамошнихъ заведеній Горнаго Дѣла. Однако упадокъ ихъ былъ не продолжилеленъ. Хошя городъ никогда уже не достигъ прежняго своего цвѣшущаго сосшоянія, однако во время Ломоносова Горное Училище было на высокой степени славы. Изъ всѣхъ концовъ образованной Европы спе-

кались шуда учипсья разработыванію внутрѣн-
ности земли и всѣмъ необходимымъ для этого
свѣдѣніямъ.

Ломоносовъ записался вольнымъ слушателемъ
въ Училище, взявъ учаспокъ въ рудникахъ для
разработкы, и неуспѣшно обогащалъ себя свѣдѣ-
ніями. Генкель посоветовалъ ему съѣздить къ
горному хребту Вогеміи, для осмотра дру-
гихъ горныхъ заведеній и для узпанія различ-
ныхъ породъ. Ломоносовъ отправился шуда
пѣшкомъ, и съ мѣсяцъ бродилъ по хребтамъ
Рудныхъ горъ.

Неизобразимое чувство изумленія овладѣло
имъ, когда увидѣлъ онъ вдалекѣ Исполинскія
горы. Голубыя вершины ихъ показались ему
сначала огромными облаками; попомъ зрѣніе
привыкало находить въ нихъ однообразныя,
неподвижныя формы; наконецъ пропяженіе ихъ,
уходившее въ пространство, казалось беско-
нечною поэзіею, кошорая начиная видимыми,
ощущительными предметами, скрывается во
глубинѣ души человѣческой. По цѣлымъ часамъ
споялъ Ломоносовъ, глядя на эту огромную
поэзію горъ, въ кошорыхъ сама природа дѣ-
лается поэтомъ. Чего не почувствовалъ онъ
въ эти часы! Съ какимъ расположеніемъ духа
возвращался онъ въ углубленія долинъ и въ
обыкновенный атмосферическій воздухъ!

Между прѣмъ, для развлечения, Ломоносовъ гулялъ иногда по городу и осматривалъ примѣчательныя зданія его. Такъ однажды зашелъ онъ въ соборную церковь, которая поразила его при первомъ взглядѣ. Разсматривая подробнѣе эпохъ великолѣпный храмъ, онъ нашелъ въ немъ прекрасный памятникъ Византійскаго Искусства, такъ называемыя *Златыя Врата*. Стоя передъ ними, онъ сначала благоговѣлъ, изумлялся художеству; наконецъ душа его обратилась къ опечесству, по какой-то неясной связи Византїи съ Кіевомъ и древнею Русью. Тихими шагами возвращаясь домой, Ломоносовъ сказалъ самъ себѣ: « Прекрасна ты, Германія! прекрасна своимъ народомъ, своимъ просвѣщеніемъ, своими памятниками, искусствами, природою; но моя далекая Россія драгоцѣннѣе моему сердцу! Я могу на время оспаваться въ странѣ чужой, могу любить ее, даже находишь въ ней счастье; но всегда гонювь я лепшѣ къ себѣ, мое опечество!... Непоспжимая сила родной земли! Чшо-же такое она? Чшо соспавляетъ эту силу, которая такъ-же вѣчно и вѣрно влечетъ насъ къ себѣ, какъ полюсъ намагниченное желѣзо?... Все! Воздухъ, деревья, камни, развалины, звуки родной земли, лица, знакомыя мнѣ и въ чужихъ людяхъ, солнце, которое иначе сіяетъ надъ моимъ небомъ, гробы ояцовъ и драгоцѣнный ихъ прахъ, все это мое опечес-

спво, все привязываетъ меня къ нему узами, неразрѣшимыми и непоняшными для холоднаго ума. . . . Таково чувспво мое къ тебѣ, Россія! а чувспва не умѣють давать опченя. »

Другое воспоминаніе занимало его поспѣшно, и съ живостью возобновлялось въ немъ письмами жены. Она увѣдомляла его о себѣ, но еще болѣе о ихъ дѣяніи, и Ломоносовъ часпо желалъ взглянуть на милыхъ его сердцу. Когда минулъ годъ, назначенный ему для прожитія во Фрейбергѣ, онъ поспѣшилъ въ обратный путь. Генкель далъ ему самое одобришельное свидѣшельспво объ успѣхахъ, объ усердіи, дѣяшельности и опличныхъ занятіяхъ его. Трогательпо было прощаніе Ломоносова съ эшимъ спарикомъ, кошорый полюбилъ молодаго Русскаго, и, съ жаромъ привязаннаго къ своему занятію человека, уговаривалъ его распроспрашишь въ Россіи испинное познаніе Горнаго Искусства.

Ломоносовъ отправился въ Марбургъ пѣшкомъ, пошому что кошелекъ его былъ давно пустъ. Онъ мало взялъ съ собою денегъ, прожилъ во Фрейбергѣ долго, путешествовалъ, и шеперь принужденъ былъ возвращашься въ большой нуждѣ. Еще разъ взглянулъ онъ на Саксонію, кошорая всегда представлялась ему въ новой красонѣ, и наконецъ, черезъ нѣскольпо дней, добрелъ до жилища своей жены.

Съ воспоргомъ бросилась къ нему на шею Хриспина и долго не могла произнести ни одного слова. Наконецъ она указала ему на маленькую дѣвочку, которая увивалась около нея, и произнесла съ превогой чувствъ :

— Ты-ли эшо, Михайло? Тебя-ли наконецъ вижу я?

Онъ, не отвѣчая на вопросы ея, схватилъ на руки дѣвочку, и спрашивалъ въ свою очередь :

« Неужели эшо дочь наша? неужели эшо наша Мпнна ?

— Да, да! эшо она! Ахъ, Михайло! наконецъ ты опять со мной.

« Съ шобой, милая Хриспина! Но я и въ разлукѣ любилъ воображать себя подлѣ тебя, любилъ думать, что ты невидимо со мной.

— А для меня эшо было однимъ ушѣшеніемъ! И какъ долго длилась наша разлука!... Но ты успалъ, Михайло, ты ужасно успалъ!

Она бросилась и принесла ему ужинъ, бѣдный, приправленный шолько ея радушіемъ.

Ломоносовъ возвратился вечеромъ, и долго рассказывалъ о своемъ пупешествіи, о своихъ впечатлѣніяхъ, и успѣхахъ. Ему было шакъ весело дѣлиться съ Хриспиной всѣмъ, что принесъ онъ изъ своего пупешествія! Малышка дочь иногда прерывала его рассказы, и онъ бралъ ее на руки, ласкалъ съ нѣжнымъ чув-

свомъ опца, и опянь обращался къ своей Хриспинѣ.

Послѣ людей чуждыхъ, холодныхъ въ самомъ радушіи своемъ, послѣ продажныхъ услугъ наемниковъ и шоргашей удобствами, послѣ долгой невзлы чувствъ, копорымъ нѣтъ проспора въ кругу самыхъ благоразумныхъ, самыхъ добрыхъ, самыхъ пріятныхъ, но чужихъ намъ людей, какъ усладительно вдругъ очутишься въ родной семьѣ, въ шхомъ уголкѣ своемъ, среди немногихъ, близкихъ сердцу! Какъ весело взглянуть на всѣ знакомые намъ предметы! увидѣшь радоспныя лица любящихъ насъ, и сбросишь съ себя вдругъ всѣ шруды, все одиночество, всѣ досады нуши, для пріятнаго ошдыха. Ломоносовъ вполне испыталъ эшо наслажденіе, и ни одна шревожная мысль не возмушила его радоспнаго забытья, ни одно горькое воспоминаіе не оправило его спокойствія въ день свиданія съ женою. А эшо подарокъ судьбы. Эшо рѣдкій выигрышь у слѣпаго счастья.

Глава XIII.

На другой-же день гидра заботы впилаась въ него. Добрая Христина должна была сказашь Ломоносову, что у нея давно испрачены всѣ оставленныя имъ деньги, и что она уже болѣе двухъ мѣсяцевъ принуждена была жить нищенски. Накопилось опяшь много и долговъ.

Ломоносовъ повелъ рукой по лбу, какъ буд-шо опирая холодный потъ, или пребуя совѣша у головы своей, и, скрѣпивъ сердце, сказалъ :

— Я пойду къ Вольфу. Моженъ бышь онъ выдастъ мнѣ шреннее жалованье. Или не пособишь-ли намъ ошець швой, хопъ мнѣ очень не хопѣлось-бы просишь у него помощи.

«Онъ не опказался-бы раздѣлишь со мной послѣдній кусокъ хлѣба; но, бѣдный, онъ уже давно боленъ; рабочники его разошлись всѣ, и у него шеперь нѣшь никакого дохода. Онъ самъ не знаешь чѣмъ жить.

— Пойду къ Вольфу! — повпорилъ Ломоносовъ, и опшправился съ надеждой, что и въ

эпошъ разъ онъ выведешъ его изъ непріятнаго положенія.

Профессоръ Вольфъ принялъ его очень ласково, спрашивалъ о пупешествіи, и былъ чрезвычайно доволенъ прочитавъ письмо и аппешашъ, данные ему Генкелемъ.

Наконецъ Ломоносовъ довель разговоръ до самаго щекотливаго пункта — денегъ. Онъ всегда робѣлъ, когда надобно было говорить объ эпошъ предметѣ, и даже не понималъ, какъ люди умѣютъ шакъ свободно разсуждашь о деньгахъ? Но онъ произнесъ это слово.

— Денегъ нѣтъ — ошвѣчалъ Вольфъ. — Даже нѣтъ назначенія, опъ кого получишь ихъ для другаго вашего пупешествія.

« Для другаго пупешествія, Г. Профессоръ? Куда? . . . А! вѣрно въ Гарцъ? »

— Да, въ Гарцъ. Академія позволяешъ вамъ, послѣ успѣшнаго возвращенія изъ Фрейберга, отправишься въ Гарцскія горы, и обозрѣшь ихъ; шеперь вы могли-бы и ѣхашъ, но для эпого не назначено никакой суммы.

« И шакъ надобно подождашь, Г. Профессоръ? »

— Да; впрочемъ, на пупешествіе ваше надобно шакъ немного денегъ, что я готовъ дашь вамъ для эпого своихъ. Ошдохните нѣсколько времени, и попомъ можете ошправляшься.

« Но, признаюсь вамъ, я перплю крайнюю нужду. . . . » осмѣлился вымолвить Ломоносовъ.

Вольфъ какъ будто не слыхалъ словъ его и спокойно прибавилъ :

— Да, черезъ нѣсколько времени надобно вамъ опсправиться въ Гарцъ.

Дѣлашь было нечего. Съ поникшею головой возвратился Ломоносовъ, и вмѣсто денегъ принесъ женѣ своей извѣстіе — о новой разлуцѣ.

Сердце ея не выдержало: она заплакала и молча прижалась къ своему мужу, какъ будто пребуя у него защиты опъ судьбы. Въ это время нѣжнаго, нѣмага объясненія супруговъ, изъ дверей выспавилась голова мучителя ихъ, лавочника. Увидѣвши Ломоносова, онъ ввалился въ комнату, началъ кланяться, поздравляшь его съ возвращеніемъ, и подалъ длинный счетъ.

Мужъ счастливый, но несчастный хозяинъ, былъ гошовъ прогнашь, выкинуть въ окно эптого неспоснаго челоувѣка; но пошъ былъ въ *своихъ правахъ*, шребовалъ *своего*, и пошому необходимо было *просить* его о нѣкошорой опсроцкѣ долга. Лавочникъ съ важноснію началъ исчисляшь свои добродѣтели, довѣрчивость, честность, долгошерпѣніе, и довольно нахально шребовалъ денегъ. Ломоносовъ собралъ все мужество, и мирно упрашивалъ своего кредитора подождать. Послѣ многихъ кривляній, важни-

чанья и почи грубосней, шопъ согласился ждашь еще недѣлю.

Супруги молчали нѣсколько времени; наконецъ Ломоносовъ спросилъ :

— Есть-ли у насъ что нибудь обѣдашь?

Хриспина съ горькою улыбкою ошвѣчала :

« Есть, но очень немного. Кусокъ хлѣба, и шопъ надобно оставишь Миннѣ.

Молча взявъ Ломоносовъ со шпола Квинпа Курція, подареннаго ему еще въ Законоспасской Академіи, и попомъ сказалъ :

— За эшо дадушь нѣсколько грошей; покуда эшого и будешъ. А шамъ получимъ деньги.

Тяжело вздохнулъ онъ ошдавая Хриспинѣ книгу, для него драгоцѣнную. Самыя мрачныя мысли шемнили его голову, сжимали его душу. Въ шакомъ соспоянїи провелъ онъ съ полчаса, не могъ ничѣмъ занимашья, и наконецъ вышелъ изъ дому, освѣжишь себя чистымъ воздухомъ. Онъ шелъ, самъ не зная куда, и вдругъ услышалъ чей-шо знакомый голосъ :

« Ломоносовъ! Ломоносовъ! »

Онъ поднялъ голову: къ нему подходилъ Шпрингнадель, съ другимъ спуденшомъ. Ломоносовъ не видалъ его больше года: въ эшо время Шпрингнадель перемѣнился чрезвычайно, и его лицо, его выраженіе показывали человека, сдѣлавшаго новыя успѣхи въ буйной жизни.

Онъ съ веселымъ видомъ, ударилъ ешараго знакомаго по рукѣ и вскричалъ :

« Ты , брашець , совсѣмъ забылъ меня !

— Я долго не былъ въ Марбургѣ.

« Гдѣ-же носился ты ?

— Путешествовалъ.

« Въ самомъ дѣлѣ ? Куда ? Зачѣмъ ?

— Ъздилъ во Фрейбергъ, учился тамъ.

« Чоршъ возьми ! Ты безпресшанно учишься !

Давно-ли ворошился къ намъ ?

— Вчера.

« Э, брашець ! шакъ надобно выпить за твое возвращеніе.

Ломоносовъ съ непріятностью вспомнилъ о вечерѣ, проведенномъ имъ на пирушкѣ у Шпрингнаделя, и рѣзко сказалъ :

— Ты знаешь, что я далъ себѣ слово не пить съ побой никогда.

« А ты еще не забылъ эшого ? Стыдись, брашець ! Я хопѣлъ тебѣ-же сдѣлать удовольствіе. Впрочемъ , теперь мы не будемъ пить много : на проихъ одну бушылку.... Ксшаши мы подлѣ знакомаго погребщика.

Ломоносовъ согласился , можетъ бышь даже пошому, чтобы опвязашься онъ Шпрингнаделя. Въ первый разъ вошелъ онъ въ подземное жилище , называемое погребомъ. Шпрингнадель , какъ обычный гость , велѣлъ подать бушылку вина и закуску. Ломоносовъ чувствовалъ и го-

лодь и жажду: онъ съ удовольствіемъ пилъ, ѣлъ, и не замѣнилъ какъ поварищъ его велѣлъ по-дашь другую буылку. Вино прогнало его мрач-ныя мысли. Живой разговоръ съ пріятелями, кошорые были оба не глупые ребяша, разсѣялъ его еще больше, пакъ что онъ на время за-былъ даже свое горе, и распеаясь съ Шпринг-надедемъ искренно благодарилъ его за это.

Домой возвратился онъ, что называется, въ веселомъ расположеніи, и это состояніе чрез-вычайно понравилось ему. На другой день, ко-гда опять домашнія заботы окружили его, онъ былъ готовъ искашь сотоварищесства Шпринг-наделя.

Въ крайней бѣдности провелъ онъ недѣлю, безпрестанно мучимый мѣлкими заботами о жизни. Продашь было нечего, потому что кро-мѣ нѣсколькихъ книгъ онъ не имѣлъ ничего, ни даже лишней одежды. Безпрерывныя нападенія мѣлкихъ займодавцевъ были довершены приспу-помъ лавочника, кошорому Ломоносовъ задол-жалъ довольно порядочную сумму. Эпоть не-сносный человекъ пребовалъ ея наспоятельно. Напрасно умолялъ его Ломоносовъ подождать еще нѣсколько времени: лавочникъ хошѣлъ по крайней мѣрѣ уплаты, и въ прошивномъ случаѣ грозилъ ему шюрмою. Онъ ушелъ наконецъ; но слово: *тюрьма*, зазвенѣло въ ухахъ бѣднаго должника чрезвычайно непріятно.

— Вошь чѣмъ должно кончиться эпо! — вскричалъ онъ. И въ головѣ его явилась пагубная мысль: прогнашь свое горе виномъ. Онъ пошчасъ опсправился къ Шпрингнаделю, но, какъ человѣкъ, незнакомый съ развратомъ, напередъ смыскалъ причину идши къ нему.

« Я попрошу у него денегъ взаймы: мнѣ теперь дорогъ и одинъ шалеръ; а сверхъ того, эпошъ весельчакъ прогонитъ мое горе. »

Онъ заспалъ Шпрингнаделя дома, и въ самомъ дѣлѣ, пошъ опсдалъ ему всѣ свои деньги (нѣсколько шалеровъ), накормилъ его славнымъ завпракомъ, и оппустилъ ушѣшеннаго виномъ.

Обстоятельства Ломоносова поправились немного опъ эпого, но нравспвенная сила его погибла. Онъ заплашилъ нѣкошорые долги и могъ просуществовашъ нѣсколько времени; но за шо при всякой непріятности шелъ къ друзьямъ; разгоняшъ свое горе. Дошло до того, что даже послѣднія, чужія деньги онъ прашилъ иногда на бушылку вина, и сначала шайно опъ Хриспины, а пошомъ и при ней пилъ и веселился.

Нужно-ли говоритъ, какъ огорчало, какъ печалило эпо бѣдную его жену? Она покушалась иногда совѣшовашъ ему броситъ своихъ безпорядочныхъ пріятелей, но Ломоносовъ не слушалъ ея. Въ минувшы бурныя онъ спановился звѣремъ, и шогда бѣдная Хриспина принуждена

была укрываться отъ него, и плакашь въ какомъ нибудь уголкѣ. Состояніе отца ея совершенно разспроилось, и это еще болѣе увеличивало ея спраданія.

Такъ прошло нѣсколько времени. Хозяйство Ломоносова уже давно не существовало, долги увеличились болѣе прежняго. Но присущіе ума, но свѣтлыя помышленія не переспавали одушевляшь его въ занятіяхъ ученыхъ и поэтическихъ. Онъ посѣщалъ Университетъ уже не такъ часто какъ прежде, но это было и не нужно, пошому что курсы были всѣ пройдены, и онъ болѣе для удовольствія и развлечения ходилъ иногда на лекціи. Но шѣмъ прилежнѣ занимался онъ теорією Русскаго языка, и особенно стихотворства, въ которомъ открылъ ясныя законы. Часто писалъ онъ правильныя, звучныя стихи, переводилъ классическихъ стихотворцевъ подлинными размѣрами, и былъ въ восторгѣ отъ гибкости и рима своего роднаго языка. Такія упражненія помогали ему забывать непріятности существенной жизни, и возвращаешь ко всѣмъ нѣжнымъ чувствамъ, которыми было такъ богато его сердце.

Однажды Вольфъ увидѣлъ его въ Университетѣ и сказалъ :

— Пора вамъ ѣхать въ Гарцъ.

«Я готовъ, Г. Профессоръ; но вамъ известно, что это зависить не отъ меня.

— Я дамъ вамъ денегъ на издержки: приходише ко мнѣ завпра ушромъ.

Ломоносовъ явился по назначенію въ слѣдующее ушро, и Вольфъ вручилъ ему нѣсколько шалеровъ. Эпошъ великій ученый, эпошъ славный философъ, имѣлъ свои разсчиты дѣлая маленькое одолженіе, конечно не Ломоносову, а мѣшпу, ошъ котораго шошъ зависѣлъ. Онъ любилъ деньги до шакой сшепенн, что по вызову Пешра соглашался ѣхашъ въ Россію не иначе, какъ за двойное прошивъ другихъ жалованье. Пешръ ошвергнулъ его пребываніе, и въ Пешербургѣ ошалошъ шолюко преданіе о корышлюбнн Вольфа. Теперь, онъ хошѣлъ загладишъ эшо дурное впечатлѣніе, давая Русскому ученому свои деньги, которыя впрочеиъ надѣялся вѣрно получишъ.

Но какииъ бѣдннмъ пособіемъ были онѣ для Ломоносова! Обспояшельспва принуждали его ошавишъ половину шалеровъ Вольфа женѣ, и ошправляшъся въ Гарцъ пѣшкомъ! Онъ былъ радъ уйдши на время изъ города, въ которомъ угнешала его жестшокая бѣдноспъ. Но онъ покидалъ шамъ жену свою и бѣдную малюшку! Онѣ ошпались на произволь судьбы, пошому что кромѣ большаго опца Хришшины, не было никого, кто могъ-бы зашщипишъ ихъ ошъ несносныхъ кредитшоровъ, которые грозно поговаривали о своемъ долгѣ. Впрочеиъ, Ломоносовъ надѣялся

пробыль въ Гарцѣ не много времени, и по возвращеніи найдши наконецъ свое жалованье. Все эпо говорилъ онъ желая ушѣшишь свою Хришину, хоть самъ иногда переставалъ вѣришь и судьбѣ, и посуламъ ея, и всѣмъ надеждамъ на будущее. Хришина просила его только беречь себя и увѣряла, что она мужественно перенесетъ новую разлуку съ нимъ. Они распались. Сердцу Ломоносова было шажко.

Проходя черезъ Гёттингенъ, онъ остановился тамъ, осмошрѣшь учрежденный лишь за нѣсколько годовъ Университетъ. Имя Рускаго и ученика Вольфа открыло передъ нимъ двери этого впоследствии знаменишаго храма наукъ. Но и тогда въ немъ процвѣталъ, еще юный и уже славный Галлеръ, сколько-же великій ученый, сколько ошличный поэтъ. Ломоносовъ зналъ стихотворенія его, и даже спарался подражалъ ему въ Русскихъ стихахъ. Бывши въ Гёттингенѣ, онъ почелъ за долгъ явиться къ этому знаменишому челоуѣку, и былъ принятъ съ обыкновеннымъ Галлеровымъ радушіемъ и любезностью.

Послѣ разныхъ вѣжливостей, Ломоносовъ сказалъ ему :

«Первое изданіе вашихъ стихотвореній было безъ имени автора, но публика Нѣмецкая уже шакъ просвѣщена, что отъ нея не укрь-

лись вы, и дарованіе нашло свою награду въ общей хвалѣ.

— Ахъ, ради Бога, не напоминайте о моихъ спихахъ! Это опыты первой молодости. Я сжегъ большую часть ихъ, и жалѣю что не всё.

«Какъ! Неужели вы рѣшились опияшь у публики лишнее удовольствіе?»

— Мнѣ кажется, я сдѣлалъ ей большое одолженіе, и всегда называю счастливымъ день этого аушо-да-фе. Я какъ будто спыдился ворошиться на родину съ запасомъ плохихъ спихошвореній, и теперь вовсе не пишу спиховъ.

«Неужели отказались вы опъ нихъ навсегда?»

— Пишу, но очень мало. Во время путешествія по Англіи и Франціи, а еще болѣе учившись въ Лейденѣ, я развлекалъ себя спихами послѣ Медицинскихъ лекцій Альбинуса и Боэргава, или вспоминалъ въ нихъ объ опечесствѣ. Въ родной Швейцаріи, при видѣ нашихъ горъ и долинъ, иногда я невольно браяся за свою скромную лиру. Но здѣсь, Профессору Анашоміи и Ботаники не приходишь и въ голову писать спихи!

«А какое любопытное время для Нѣмецкой Словесности! Превосходный Гиншеръ недавно еще явилъ собой независимаго поэта. Мудрый Гошпедъ возстановляетъ теперь у васъ истинный вкусъ. Гагедорнъ, вы....»

— Обо мнѣ говоришь нечего: я знаю свое мѣсто. Но теперь мы только еще готовимся къ возрожденію.

— Мнѣ кажется, Словесность ваша уже шакъ богаша, обрабопана? . . .

« Признаюсь, я не вижу эшого; еще надобно работашь по всѣмъ часшямъ. Старые писатели наши не могутъ служить для насъ примѣромъ; а новыхъ нѣтъ. Вы назвали Гиншера: онъ былъ конечно стихопворецъ съ дарованіемъ; но стихи у него больше счастливы нежели истинно прекрасны. Вы упомянули о Гопшедѣ: уважаю его доброе намѣреніе и даже пользу, какую онъ приносить языку Нѣмецкому и направленію Словесности; однако не могу не соглашаться и съ землякомъ моимъ Бодмеромъ, который говоритъ слишкомъ рѣзко, но едва-ли не справедливо.

— Извинише, если я, иноспранецъ, худо знакомый съ Нѣмецкою Словесностью, осмѣлюсь замѣнить: Гопшедъ возшановляетъ истинныя правила вкуса, предписанныя намъ Древностью.

« То есть: хочешь возшановлять, и берешь ихъ отъ Французовъ, которые почно превосходятъ въ правильности языка и стихопворства. Но вопъ и единственная хорошая его сторона. Оица называешь онъ образцомъ, не за простодушную вѣрность Нѣмецкаго вкуса, а за правильность его Александрійскаго стиха.

Бодмеръ и Брейшпигеръ противопоставляющъ эпоху Англійскую Словесность, но также односторонне, хотя и не безъ основанія, и также хвалящъ классическихъ и старыхъ Нѣмецкихъ писателей. Такимъ образомъ весь споръ выходитъ односторонній.

— Но чистота языка Гопшедова, по его Грамматическіе труды?

« Отдаю справедливость имъ, и жалѣю только, что Г. Гопшедъ съ супругою, вѣрною помощницей его, не имѣющъ никакого дарованія. Это губитъ все доброе въ ихъ трудахъ.

— Неужели не признаете вы въ Гопшедѣ никакого дарованія?

« Почти такъ. Впрочемъ, не думайте, чтобы мнѣнія мои были не искренни: я не принадлежу ни къ Гопшедовой *Лейпцигской*, ни къ Бодмеровой *Швейцарской* партіи, которыя раздѣляютъ теперь и занимающъ умы всей либеральной Германіи.

Кажется, однакожъ, что послѣдователей у Гопшеда болѣе нежели у Бодмера.

« Можешь быть; но споръ еще въ самомъ сильномъ разгарѣ и рѣшится это трудно. Могу сказать однакожъ, что на сторонѣ Бодмера большая часть людей съ дарованіемъ. Какъ ни желаетъ Гопшедъ привлечь къ себѣ моего друга Гагедорна, но шонъ храниитъ вѣрный не-

упралипешъ, и я знаю, что никогда не будешь онъ Готшведіанцемъ.

Разговоръ перешелъ къ спихопворнымъ размѣрамъ, копорые пакъ-же не были въ то время усшановлены у Нѣмцевъ, какъ лѣшъ черезъ сно у насъ, Рускихъ. Ямбъ владѣлъ у нихъ всѣми родами спихопвореній, и Ломоносовъ, вводя его въ Русское спихопворспво, желалъ знашъ мнѣніе о немъ Галлера. Топъ былъ самъ приверженець Александрійскаго спиха и съ жаромъ доказывалъ прелесшъ его. Не удивительнo: его спихопворенія, по большей часпи наполненныя нравспвенными изрѣченіями, пакъ хорошо ладили съ эшимъ размѣромъ!

Ломоносовъ осшавилъ Галлера, съ величайшимъ уваженіемъ къ его обширнымъ свѣдѣніямъ и благородной просшопѣ обхожденія.

Изъ Гѣппингена онъ скоро пришелъ въ средопочіе горныхъ заводовъ Гарцскихъ, въ прелеспный городокъ Клаусшаль.

Рекомендашельныхъ писемъ не было у него ни къ кому; но онъ зналъ, что въ Клаусшальѣ находился шогда опличнѣй Мешаллургисшъ, Бергъ-Рапъ Крамеръ; къ нему-шо рѣшилсѣ онъ идши, и не ошибсѣ въ успѣхѣ.

Крамеръ пламенно любилъ свою науку, и принялъ Русскаго пупешеспвенника съ опверспшми объясніями. Ломоносовъ имѣлъ уже пакія обширныя познанія въ Горномъ Искусшвѣ, что

ему не нужны были теоретическія лекціи, и въ Гарцѣ пришелъ онъ единственно для практическихъ упражненій въ Металлургіи. Впрочемъ, съ большимъ любопытствомъ и съ пользою разсматривалъ онъ сочиненіе Крамера: *Объ Искусствѣ раздѣленія металловъ*, которое было со всѣмъ гошово къ печаше. По этому-шо сочиненію прошелъ онъ вновь важную часпъ Металлургіи, и подѣ руководствомъ Крамера началъ упражняться практически. Дальнѣйшимъ средствомъ къ усовершенствованію служили ему поѣздки въ разныя горныя заведенія, которыхъ въ Гарцѣ множество. Крамеръ самъ объѣзжалъ ихъ въ это время, и Ломоносовъ соучествовалъ ему. Порядокъ и опредѣленность въ занятіяхъ работниковъ, обширность и даже нѣкоторая роскошь многихъ заведеній, изумляли Ломоносова. Гарцскіе рудники и заводы конечно были тогда еще не на той степени совершенства какъ нынѣ, однакожъ они давно славились необыкновеннымъ устройствомъ своимъ. Цѣлое народонаселеніе прудился шамъ, и получаешъ богашое вознагражденіе за свой шрудъ. Точность и порядокъ въ занятіяхъ его напоминающъ что-шо военное. Работники одѣлы большею часпью одинаково и раздѣлены на равночисленныя общества.

Спраншвуя по горамъ, деревнямъ и городамъ Гарца, Ломоносовъ провелъ цѣлое лѣпо.

Онъ подходилъ къ Брокену, и только непрерывныя занятія помѣшали ему взобраться на эту гору, знаменишую своею вышиною и славную по сказкамъ о Брокенскихъ вѣдьмахъ.

Наспала зима; поѣздки и пѣшеходства его прекратились; надобно было возвратиться въ Марбургъ. Крамеръ былъ очень доволенъ прилежаніемъ, ученостью и всего болѣе проницательностью своего неожиданнаго ученика. Безъ всякой просьбы со стороны Ломоносова, онъ далъ ему самое лестное одобрительное свидѣтельство. Русскій путешественникъ изъяснилъ душевную благодарность Нѣмецкому ученому за его доброжелательство, и за все, шакъ великодушно, благородно сдѣланное для него. Они разсѣлись.

Въ Марбургѣ, между прочимъ, спрдадала его Христина, угнепаемая бѣдностью и кредиторами. Она забыла все, когда увидѣла своего мужа; но лицо ея, прежде столь свѣжее, розовое, было теперь блѣдно, и на немъ ясно выражались слѣды душевныхъ ея спраданій. Ломоносовъ, обрадованный свиданіемъ съ нею, не спрашивалъ о домашнихъ обстоятельствехъ и послѣшилъ на другой день узнать: прислано-ли наконецъ жалованье его?

«Прислано!» ошвѣчалъ Вольфъ, отъ котораго онъ долженъ былъ узнать это, и кошорній, по обыкновенію своему, ласково вспрѣпилъ и

съ участіемъ спрашивалъ Ломоносова о путешествіи въ Гарць. Послѣ разговора довольно продолжительнаго, онъ вручилъ ему шрепное жалованье. Ломоносовъ спѣшилъ обрадовать Хриспину, и вбѣжалъ въ комнату показывая ей полученныя имъ деньги.

« Вошь онъ, гадкія! Вошь онъ, эши проклятыя деньги. Ну, Хриспина, прежде всего, какъ порядочные люди, сообразимъ: сколько должны мы ошдашь лавочнику, хлѣбнику, и всѣмъ, всѣмъ? »

Хриспина горько улыбулась. Она спала сказывашъ ему свои долги: выходило, что полученныхъ денегъ не доспанешъ заплашишь и половину эшихъ долговъ.

« Ну, шакъ мы заплашимъ сколько можемъ, пошому что надобно оспавишь что нибудъ и для себя. »

— Конечно. Только всѣ кредиторы наши шакъ давно ждали, что сдѣлались злы какъ собаки: едва-ли согласяшся они ждашь еще.

« Подождущъ и нѣ хощя! Но, для радости свиданья нашего, пригошовъ, Хриспина, сегодня хорошій обѣдъ, а я куплю бушылку добраго вина. »

Ломоносовъ какъ будто не испышалъ еще, что бѣдность не позволяешъ даже радовашься! Въ радости человекъ бываешъ щедръ, а бѣдность мшишъ за каждую копѣйку. Онъ нико-

гда не понялъ этого, и всякій разъ, имѣя въ рукахъ деньги, гошовъ былъ распрашивать ихъ всѣ, шакъ что не доспавало и удивительной бережливости Хриспины для внезапныхъ, мгновенныхъ его расходовъ. Къ этому прибавилось еще новое: Ломоносовъ уже привыкъ пить вино, и часпо издерживалъ на него послѣдній серебряный грошъ. Онъ привыкъ шакже погулять съ поварищами, съ пріятелями, и это вовлекало его въ новыя издержки. Вскорѣ увидѣлъ онъ себя въ положеніи опчаянномъ.

Предвѣщаніе Хриспины сбилось. Кредиторы Ломоносова не охотно согласились ждашь, получивши только небольшую уплату; но уже ни какъ не хошѣли они опсрочивашь далѣе назначеннаго времени.

Онъ еще имѣлъ средства изворачивашься нѣсколько времени, покуда они не присупили къ нему сильнѣе прежняго, съ угрозою пожаловашься городовому начальству, какъ на не плащащаго должника.

«Дѣлайше, что хошите!» сказалъ имъ наконецъ Ломоносовъ, и они ушли, обѣщаясь придти на слѣдующій день съ полицейскимъ офицеромъ.

«Что мнѣ дѣлашь, Хриспина?» спросилъ онъ у нея.

— Не знаю, милый другъ! Я могу шолько плакашь съ шобой.

«Плакашь!... Эпо у васъ, женщинъ, всегдашнее и всеобщее средшво,» возразилъ съ нѣзкошорымъ ожеспochenіемъ Ломоносовъ.

Хриспина изумилась и подняла на него глаза, блиспавшіе слезами. Онъ шощасъ почувспвовалъ несправедливосшь своего упрека, и бросилъ цѣловашъ ея руку.

«Проспи меня, Хриспина! Я право шеряю разсудокъ опъ эспихъ несносныхъ обспнопельсшвѣ. Мнѣ оспаешся одно средшво: бѣжашъ изъ Марбурга.

— Бѣжашъ?... Но чшд-же будешъ съ швоею Хриспиною, съ швоею Минною?

«Богъ зацшишилъ васъ!

— О, милый другъ! Не умножай гореспи моей, не уходи ошсюда какъ бѣглець! Я не перенесу эшого.

«Но легче-ли будешъ шебѣ, если меня посадятъ въ шюрьму?

— Въ шюрьму? О Боже!...

Она закрыла глаза, сжала голову руками, и не могла произнесши болѣе ничего.

«Успокойся, милая Хриспина! Я еще посшараюсь ошвеспи какъ нибудь эшу грозу. Вѣрь по крайней мѣрѣ, чшо я не оспавляю шебя.

Говоря эшо, онъ самъ не вѣрилъ словамъ своимъ и швердо рѣшилъ — бѣжашъ въ Россію. Но какъ сдѣлашъ эшо? Какъ дойдши до Пешербурга? Онъ избобрѣшалъ разные планы и нако-

нецъ останоуился на одномъ : иди въ Голландію или въ Любекъ , ближайшія мѣста , гдѣ находились Русскіе Резиденцы , и просишь у нихъ заспуленія .

Можешъ бышь , Ломоносовъ не вдругъ-бы вздумалъ эшо , если-бы видѣлъ какое нибудь средство избавишься ошъ своихъ преслѣдовашелей . Но на другой-же день явился полицейскій чиновникъ Появленіе его привело въ ужась Христину ; Ломоносовъ встрѣшилъ его съ величайшею пвердосшью .

Полицейскій объявилъ ему пребованіе кредиторовъ , и сказалъ , что законъ позволяешъ должнику воспользовашься еще премя днями ошсрочки , но по испеченіи эшого времени подвергнешъ его заключенію . Ломоносовъ ошвѣчалъ , что онъ послушилъ сообразно своимъ общоушельствамъ .

Покуда гроза была еще хошь въ нѣкошоромъ ошдаленіи , присущствіе духа не оспавляло его . Но шущъ , жестокая шоска и самыя гореспныя ошущенія наполнили его душу .

« За что-же смѣешья надо мной ты , судьба ? » подумалъ онъ . « Чѣмъ заслужилъ я шакое безжалоспное гоненіе ? Не ты-ли вывела меня изъ стверныхъ лѣсовъ моей родины , пособляла мнѣ побѣждашь всѣ шрудности моего пуши , возвысила , очистила мой умъ , и теперь хочешь кинушь въ шюрму Нѣмецкой полиціи ? Довольно

нищенсповалъ я : надобно, чшобы, я испыталъ еще и пшжестъ заключенія. О, это ужь слишкомъ ! Я не вдругъ поддамся тебѣ. . . . Жаль, горько мнѣ оспавить Хриспину съ бѣдною нашею Минною въ шакомъ ужасномъ положеніи. . . . Но, дѣлашь нечего ! Сегодня-же ночью надобно бѣжань опъ нихъ. Впрочемъ, и пора избавишься мнѣ опъ этой пшгостной, невыносимой жизни. Чего ждашь ? Академія какъ будшо забыла обо мнѣ, и я, обогащенный пеперь всякими познаніями, остаюсь безъ куска хлѣба, на порогѣ шюрмы ! . . . Прекрасно бышь шакимъ ученымъ человекѣмъ ! . . . Хорошо бышь супругомъ, опцомъ, и — помиишь голодомъ свое семейство ! Правду сказашь : семейная жизнь. . . . О, судьба дорого продаешь намъ каждое наслажденіе ! »

Такъ беспорядочно, несвязно, опчаянно размышлялъ Ломоносовъ одинъ, самъ съ собою. Но при женѣ онъ умѣлъ показаться почти веселымъ, и провелъ съ нею послѣдній вечеръ въ непрерывныхъ разговорахъ. Онъ увѣрялъ ее, что скоро прекращающа всѣ непріяшности ихъ положенія, что скоро надобно будешь ему возвращишься въ Россію, а пріѣхавши шуда они заживушь мирно и счастливо. Хриспина казалась спокойною : можетъ бышь она въ самомъ дѣлѣ вѣрила словамъ мужа, кошорый гошовился оспавить ее черезъ нѣсколько часовъ. Но самъ Ломоносовъ едва не пошерялъ своей швердо-

спи, когда маленькая дочь его прощалась съ нимъ, ложась спать. Мысль: что онъ долженъ оставить это милое, беспомощное существо, оставивъ надолго и почти безъ пропитанія — эта мысль расперзала его.

Онъ улучилъ минушу и написалъ нѣсколько строчекъ женѣ своей, гдѣ увѣдомлялъ ее о своемъ бѣгствѣ, просилъ не опчаяваться, и обѣщаль черезъ нѣсколько дней дать о себѣ извѣстїе.

Послѣ этого, съ какимъ-то непонятымъ для него самого спокойствїемъ, онъ легъ заснуть. Но сонъ его былъ не продолжителенъ. Часу въ двѣнадцатомъ онъ вспалъ. Хорошая жена его и маленькая дочь спали крѣпкимъ сномъ невинности. Онъ одѣлся въ обыкновенное свое платье, и накинулъ на плеча вѣшкїй свой плащъ. Въ послѣднїй разъ взглянулъ онъ на милыхъ его сердцу, благословилъ ихъ, и бросивъ на столъ пригошовленную имъ записку о своемъ бѣгствѣ, вышелъ.

Вспомнимъ, что онъ пускался въ далекий, безвѣстный путь, не имѣя въ карманѣ ни одной копѣйки; что онъ оставялъ жену и дочь въ нищестѣ, на произволъ своихъ кредиторовъ, и могъ понимать весь ужасъ пробужденія Христинины; что наконецъ онъ самъ не зналъ, когда и чѣмъ окончится это странное сцѣленіе обшояпельствъ, и тогда только мы поймемъ,

съ какими чувшвами вышелъ онъ изъ своего жилища, и что чувшвовалъ проходя по опущеннымъ улицамъ Марбурга! Разумѣется, что, скрывая побѣгъ свой, онъ не простился ни съ Вольфомъ, ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ. И до того ли было ему, когда въ послѣдніе дни сколько жестокихъ ощущеній терзали его сердце?

Г л а в а XIV.

Темнопа не мѣшала несчастному бѣглецу иди всю ночь. Она была для него оспрадне свѣша, въ кошоромѣ думаль-бы онѣ видѣшь обличителя своего ужаснаго соспожня.

Онѣ шель по дорогѣ въ Голландію, не оспанавливаясь, не чувспвуй голода, и шолько на другой день упаль на праву, пошому что уже не имѣль силѣ. Мрачныя мысли бродили въ его головѣ безпорядочно; поска грызла его сердце. На минушу забылся онѣ сномѣ, и вскочиль, не съ ободренными силами, но въ какомѣ-шо раздраженіи, кошорое долго можеть поддержи-вашь въ человекѣ дѣяшельность. Онѣ пуспился опяшь въ свой нупь, иногда опдыхаль, но не заходиль въ деревни, спѣша впередѣ.

На шрепій день, около вечера, заблеспаль передѣ нимѣ, вдали, серебриспый Рейнь. Вечерь приближался очарованельный: солнце шихо кашилось за горизонтѣ, и вся природа, какѣ буд-шо послѣ радоспнаго пруда, начинала опнды-

хоть, свѣжѣла, дышала жизнью. Благоуханіе травъ, цвѣтовъ, роскошная зелень деревъ, пѣніе веселыхъ птичекъ въ воздухѣ и рошчахъ, и это неизобразимое спокойствіе, которое шакъ плѣнительно въ полѣ, вечеромъ, послѣ жаркаго дня, все это могло разбѣять самыя черныя думы; но Ломоносовъ глядѣлъ на окружающую его природу и на прелести ея равнодушно, даже съ какою-то завистью, будто на красивую кокетку, которая, занимаясь своимъ нарядомъ, не помнитъ что въ мірѣ есть несчастливцы. Ему было досадно слышать нѣжное щебешанье птичекъ, казалось, насмѣхавшихся надъ его горестью; его не занимали милостивыя ландшафты по споронамъ, и величественное зрѣлище рѣки впереди.

Невольно однакожь дошелъ онъ до самаго берега Рейна, и когда тихое плесканье его, когда нѣжная синева его и свѣжее дыханіе волнъ поддѣйствовали на изнуренныя чувства спутника, онъ остановился. Мало читалъ онъ поэтическихъ описаній этой рѣки, но онъ былъ самъ поэтъ, и гармонія души съ величественнымъ зрѣлищемъ Рейна произвела въ немъ какое-то прелепаніе, поспешенно перешедшее въ тихій восторгъ. Онъ любовался, восхищался, радовался неожиданнымъ для него поразительнымъ великолѣпной природы; онъ понялъ восторженные рассказы и любовь прибрежныхъ Рейнскихъ

жипелей къ своей рѣкѣ, и съ сожалѣніемъ вспомнилъ, что ему надобно идти далѣе.

« Но я не пойду въ городъ! не хочу нарушать моего впечатлѣнія! » сказалъ онъ. « Люди пошчасъ напоминашъ неизбѣжныя съ-ними бѣдспвія; а мнѣ долго ждашъ такой не возмущенной минушы спокойспвія. »

Онъ въ самомъ дѣлѣ не пошелъ въ городъ Диссельдорфъ, находящійся при впаденіи Дисселя въ Рейнъ, и бывший очень близко отъ него. Ошдохнувши пѣломъ и духомъ подлѣ Рейна, онъ пустился по берегу его, вправо. Но самый эшотъ ошдыхъ пробудилъ въ немъ силы, и заспавилъ его почувспвовашъ сильнѣйшій голодъ, пѣмъ больше, что уже шрешій день онъ не ѣлъ ничего. Надобно было ошановишъся ошошедши не далеко отъ Диссельдорфа, въ первомъ поспояломъ дворѣ. Новое шрепяшспвіе: несчастный бѣглець не имѣлъ ни копѣйки, шакъ что ему не на что было купить куска хлѣба. Однакожъ онъ вошелъ въ поспоялый дворъ, и въ общую комнашу его. Тушъ сидѣло нѣскольکو человекъ военныхъ, и за особеннымъ споломъ хозяинъ. Ломоносовъ подошелъ къ нему и попросилъ — куска хлѣба!

« А кружку пива прикажешъ? » спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ. Я и за кусокъ хлѣба не могу вамъ заплашпшъ: возьму, если дадите мнѣ его даромъ.

«То есть въ милостыню? . . . Ну, такъ и говорилъ-бы! А по еще спрашиваетъ, какъ будто за деньги.» Ошрѣзывая кусокъ хлѣба, хозяинъ прибавилъ: «Да, куда-же это идешь ты, приятель?»

Ломоносовъ не зналъ, что ошвѣчать на эпошъ вопросъ, и наобумъ сказалъ:

—Тутъ, около Везеля, деревня, гдѣ живушь мой родищели: я иду къ нимъ.

«А ошкуда?»

—Изъ Марбурга. Тамъ учился я въ Университетѣ, и вы видите во мнѣ бѣднаго студента.

Между тѣмъ хозяинъ далъ ему кусокъ хлѣба, и Ломоносовъ, поклонясь, хошѣлъ уполишь свой голодъ, когда ошъ спола, за кошорымъ сидѣли военные, загремѣлъ шолспый басъ:

—Садитесь лучше съ нами поужинать!

Ломоносовъ оборощился шуда, и увидѣлъ, что это говорилъ офицеръ, дородный, веселый, съ длинными усами.

—Садитесь, Г. студентъ, къ намъ за споль! Мы, люди военные, рады дѣлится всѣмъ съ добрыми людьми. Оспавыше эпого поргаша, скареда, іуду!

«Милосши просимъ!» загремѣло еще нѣсколь-ко голосовъ.

Ломоносовъ охотно подсѣлъ къ нимъ, и началъ ѣсть съ перваго блюда, которое подали ему.

— Эшопъ мерзавецъ, нашъ хозяинъ, только и думаешь о деньгахъ! А вѣдь поѣшь у него нечего!

«Г. офицеръ! за что-же вы изволише бранишься?» сказалъ оскорбленный хозяинъ.

— Молчи, іуда!— закричалъ офицеръ.— Подай сюда бушылку вина.

И хозяинъ смиренно пошелъ исполнять его волю.

— Право, не лзя иначе говорить съ этими хриспопродавцами: ругнешъ его, шакъ онъ и слушается.

Ушоливъ первый голодъ, Ломоносовъ осмошрѣлся и увидѣлъ, что, кромѣ офицера, за столомъ сидѣло еще нѣсколько человекъ солдатъ, испинныхъ рейпаровъ Фридриха II-го. Они уже всѣ, какъ видно, кончили свой ужинъ, и попивали вино и пиво.

— Нѣшъ въ свѣшѣ лучше людей, какъ нашъ брашъ военный!— сказалъ офицеръ, наливая Ломоносову вина.— Жизнь привольная, служба молодецкая; у Короля мы первые любимцы; только и заботы, что угодить ему, а потомъ погуляшъ да попишъ.

«Я почи въ первый разъ имѣю удовольствіе бесѣдовать съ военными,» сказалъ Ломоносовъ;

«но глядя на васъ, вѣрю вамъ. На свѣтѣ рѣдко встрѣишь привѣтливосшь и радушіе.

— У насъ всѣ привѣтливы! Да и о чемъ шу-
жишь? Опець-Король думаетъ за насъ и даетъ
намъ все: и деньги, и кварширу, и хлѣбъ, и
вино! Эхъ, да славная жизнь! Ребяща! Круго-
вую рюмку.

Вахмиспръ взялъ не почашую бупылку со
спола, сбиль съ нея палашемъ горлышко и роз-
лилъ всѣмъ въ спаканы. Разумѣлся и Ломоно-
сову.

«За здравіе Его Королевскаго Величешва,
Фридриха II-го!» возгласилъ офицеръ подымая
спаканъ.

— За здравіе! — повшорили всѣ солдашы.

«Пейте-же по нашему,» сказалъ офицеръ, под-
дывая Ломоносову еще вина.

Между шѣмъ у пиракширщика брали все, что
было у него лучшаго изъ кушанья, и усердно
подчивали Ломоносова. Онъ уже давно уполилъ
свой голодъ и ѣлъ нѣ хопя, но вино возбуж-
дало его аппепишъ. Наконецъ, уподчиванный,
онъ и самъ воскликнулъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, я ужъ давно не бывалъ
шакъ весель, какъ съ вами, господа!... За здо-
ровье ваше!»

— Чокнемся по-брапски! — закричали солдашы.

«Ну, послушай, поварищъ!» сказалъ офицеръ.
«Хочешь-ли бышь нашимъ брапомъ, солдашомъ?»

— Солдапомъ? нѣшъ, нѣшъ, господà!

«А шы самъ сказалъ, что шебѣ не на что купишь куска хлѣба?»

— Эшо правда.

«Возьми денегъ!» Офицеръ вынулъ изъ кармана горсть серебра и положилъ ее передъ Ломоносовымъ.

— Нѣшъ, господà! Чужаго не хочу.

«Эшо швое: я не возьму назадъ, когда вынулъ изъ кармана.

Ломоносовъ задумался; сонъ клонилъ его; солдапы бросились обнимать и цѣловать его. «Братъ! поварищъ! другъ!» кричали они ему безпреспанно.

Но Ломоносовъ уже едва слышалъ слова ихъ и ничего не понималъ; онъ вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

«Ну, ребяша! проворнѣй! Нашивайте ему красный ворошникъ,» сказалъ офицеръ.

—А, а! попался, пріятель!—говорили солдапы исполняя приказаніе своего командира.

«Суньше ему и деньги въ карманъ,» сказалъ офицеръ.

Такимъ образомъ, не думая, не гадая, Ломоносовъ завербовался въ Прусскіе рейшары. Извѣспенъ эшопъ сшранный обычай Прусскихъ войскъ: сшарались уподчивать, напоишь не-

опытнаго молодого челоуѣка, и попомъ объявляли его солдапомъ. Такъ случилось и съ Ломоносовымъ.

На другой день, онъ вспалъ, и удивился взглянувши на красный воротникъ свой. « Чтò это значить ? » подумалъ онъ и съ шрудомъ припоминалъ о своей пирушкѣ съ солдапами. « Они вѣрно хошяшъ посмѣяшъся надо мной. » Но въ кармашъ его брякнули деньги, пѣ, которыми дарилъ его офицеръ. « Это ужъ не походишъ на шушку, » подумалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. Тамъ окружили его рейшары, и Вахмиспръ съ веселымъ видомъ сказалъ :

« Ну, брашъ-шоварищъ, поздравляю ! . . . Кланяйся господину командиру, » прибавилъ онъ, увидѣвъ идущаго къ нимъ офицера.

— Какому командиру ? — спросилъ съ досадою Ломоносовъ.

« Господину офицеру ! »

— Какой-же онъ командиръ мнѣ ? возразилъ Ломоносовъ.

Между пѣмъ офицеръ подошелъ и сказалъ своимъ громкимъ голосомъ :

« А, новый шоварищъ ! Ну, я увѣренъ, что ты будешъ храбрымъ солдапъ ! Почитай за счастье, что ты шеперь въ Прусскомъ войскѣ, и постарайся заслужишъ имя нашего собрата. Прусские воины первые въ мѣрѣ, а ты шеперь по-

же Прусскій солдашъ. Вахмиспръ! прими его въ команду.»

Проговоривъ эшо, онъ пошелъ далѣе.

Ломоносовъ слушалъ его, и не понималъ, о чемъ идешъ дѣло. Но солдашы безпреспанно называли его брашомъ, поварищемъ, и онъ съ неперпѣваемъ воскликнулъ :

— Какой я брашъ вамъ? я Русскій, и не го- жусь вамъ въ родню.

«Ты, видно, еще не проспался!» грозно закричалъ на него Вахмиспръ. «Или забылъ, что вчера побрашался съ нами?»

— Я побрашался съ вами?... Такъ вы при- вязываешесь къ эшому слову?

«Нѣшъ, вчера, при всѣхъ поварищахъ, ты пилъ круговую рюмку и вступилъ въ Королев- скую службу; билъ по рукамъ съ Г-мъ Поручи- комъ; взялъ деньги, пилъ за здоровье нашего полка! Развѣ мало всего эшого?»

— Такъ вы за рюмку вина хошите сдѣлать меня Прусскимъ солдашомъ?

«Да и сдѣлаемъ: ты будешъ славный солдашъ; шолько не унывай и не думай ни о чемъ. Тебѣ у насъ полюбишся, и ты годишся на коня....»

—Подите вы къ чоршу!— вскричалъ Ломоно- совъ.—Не хочу я ни коня вашего, ни брашства!

«А, шакъ эшакъ-шо? Посшой, я усмирю тебя!» сказалъ Вахмиспръ и замахнулся на него фух- племъ.

Двое солдашъ схватили его за руки. . . . но Вахмиспръ удержалъ ударъ.

— Будешь-ли служишь вѣрой и правдой Его Королевскому Величеству?—спросилъ онъ.

« Буду, буду !» отвѣчалъ Ломоносовъ.

— То-шо-же !— сказалъ Вахмиспръ.

Ломоносовъ видѣлъ, что надобно покориться глупой необходимости; но шущъ-же онъ твердо рѣшился избавиться опъ новыхъ своихъ мучишелей.

Новобранныхъ рекрушовъ , въ помъ числѣ и Ломоносова , отправили въ крѣпость Везель, для обученія военной службѣ. Вахмиспръ былъ ихъ провожающимъ , и сдалъ бѣдныхъ молодыхъ людей другому, шакому-же опышному служакаѣ. Ломоносовъ упошребилъ эшо въ пользу. Въ новой командѣ онъ пришворился спрашно полюбившимъ военную жизнь, и спалъ занимающа ученьемъ солдашской экзерцици. Казалось ему, что за нимъ присмапривающъ спroje чѣмъ за другими рекрушами. Но онъ разсѣялъ всѣ подозрѣнiя своимъ веселымъ видомъ и ревностью къ службѣ. Впрочемъ, вырваться изъ эшого шягосшнаго , внезапнаго плѣна, было довольно шрудно. Въмѣстѣ съ другими солдашами, Ломоносовъ жилъ, правда, не въ самой крѣпости, а въ казармѣ близъ вала ; но до вала были разспавлены часовые. Въ опредѣленное время на-

добно было вспавать и проводить цѣлый день въ ученѣ. Вечеромъ спорогоспъ увеличивалась: обходы, перекликиванья, дозоры опшмали всякую мысль о бѣгспвѣ. Но чего не сдѣлаешь человѣкъ, рѣшившійся лучше пожертвовать своею жизнью, нежели оспашься въ чуждомъ, нешерпимомъ для него соспоянїи!

Ломоносовъ пщашельно и незамѣпно для другихъ осмошрѣлъ валъ, довольно высокій и покашый съ обѣихъ споронъ. Въ казармѣ, гдѣ спалъ онъ съ шоварищами, было окно въ задней стѣнѣ, къ валу. Но за валомъ былъ наполненный водою ровъ, и далѣе шли внѣшнія укрѣпленія. Трудно пробрашься черезъ шакія преграды невидимкой! Однако Ломоносовъ не шерялъ надежды, и началъ шѣмъ, что всякій вечеръ ложился спать раньше всѣхъ шоварищей, шакъ, что когда другіе были еще въ первомъ снѣ, онъ уже просыпался. Сначала, надъ сонливоспью его насмѣхались; но черезъ нѣсколько дней привыкли къ ней и уже не обращали вниманія на шо, что приходъ съ учебной площади, онъ кидался на нары и храпѣлъ.

Наспали шемныя ночи, которыхъ дожидался онъ нешерпѣливо. Въ одну изъ шакихъ ночей, Ломоносовъ пробудился часу въ двѣнадцатомъ. Всѣ вокругъ него спали мершвымъ сномъ. Дерзкій рѣшился немедленно исполнить свое намѣреніе. Онъ вслушался еще разъ: спашъ. При-

звавъ на помощь Бога , онъ подошелъ къ заднему окну и вылѣзъ въ него , такъ тихо , что самъ не слыхалъ своихъ движеній . Но , вошъ , впереди валъ ; зная , въ какихъ мѣстахъ обыкновенно спояшъ на немъ часовые , Ломоносовъ поползъ въ самомъ далекомъ отъ нихъ разстояннн , поползъ для того , чтобы они и въ темношъ не могли замѣшншъ опаснаго его путешествія . Взобравшнсь на вершину вала , онъ также оспорожно спускался по другой споронѣ его . Наконецъ , споя на землѣ , онъ вспрѣшилъ самое важное препятствіе : глубокій ровъ , наполненный водою . Но это препятствіе было предвндно имъ , и онъ , ни мало не задумываясь , бросился во всемъ плашѣ въ воду . Такіяли массы водъ случалось переплывать урожденцу береговъ Ствернаго моря ! Онъ пошчасъ переплылъ черезъ ровъ , вышелъ на другой берегъ его , и тихо пробрался мимо внѣшнихъ укрѣпленій и равелина . Чрезвычайно затруднили его конпрѣ-эскарпъ , покрышый ходъ , палисадъ и гласисъ . Но всѣ эти препятствія и опасности вскорѣ ошпались позади его : онъ очутился въ полѣ , и бросился бѣжать , для того чтобы скорѣе перейдши за Прусскую границу , до кошорой ошавалось гораздо болѣе мнли .

Почши цѣлую мнлю бѣжалъ онъ не останавливаясь , и забывая , что плашь на немъ было мокро , послѣ купанья во рву . Снлы начинали

уже оставлялъ его , когда на разсвѣтѣ услышалъ онъ пушечный выстрѣлъ въ крѣпости : обычный знакъ о бѣжавшемъ новобранцѣ. Онъ зналъ, что послѣ этого немедленно отправляется погоня во всѣ стороны , зналъ и то, какое ужасное наказаніе ожидаетъ его вслучаѣ поимки. Спрахъ придалъ ему новыя силы и онъ пустился бѣжать сильнѣе прежняго .

Но кто представилъ себѣ ужасъ несчастнаго бѣглеца , когда оглянувшись , онъ увидѣлъ скачущаго вдаль челоѣка ! Правда , нѣсколько десятковъ сажень оставалось до границы, но гнавшійся за нимъ скакалъ во весь опоръ, и могъ насичь его. Съ невѣроятнымъ усиліемъ пустился Ломоносовъ впередъ, не слыша подъ собою ногъ, и такъ быстро миновалъ проспанство, раздѣлившее его отъ границы, что успѣлъ не только перебраться черезъ нее, но даже вбѣжать въ находившійся не подалеку лѣсъ. На землѣ Вестфалии онъ былъ уже безопасенъ, и эта мысль какъ будто опяла у него мгновенно всѣ силы. Онъ упалъ, благодарилъ Бога за свое избавленіе, и вскорѣ почувствовалъ въ себѣ новую бодрость.

Спрахъ его былъ еще такъ великъ , что и на землѣ, уже не принадлежавшей Пруссіи, онъ не смѣлъ войти въ селеніе, а обошелъ его лѣсомъ. Тамъ, въ глуши, въ чащѣ оспановился онъ и спалъ сушишь свое мокрое плашье, отдыхашъ,

и въ по-же время думаешь о спранномъ своемъ приключеніи.

«Что-же такое было эшо?» сказалъ онъ самъ себѣ. «Къ чему эша новая игра судьбы надо мной? Неужели въ самомъ дѣлѣ я попался было въ Прусскіе солдапы, и могъ оспаться на вѣкъ въ рядахъ Фридриховыхъ воиновъ? Да! эшо шакъ: я былъ завербованъ и принужденъ служить солдапомъ! Только опчаянное бѣгство спасло меня. А съ какими опасностями было соединено эшо бѣгство! И что, если-бы я попался опять въ когти Прусскихъ служивыхъ? Они прогналы-бы меня сквозь спрой и ужь покрѣпче упряшлы-бы куда нибудь! Тогда, прощай Михайло Ломоносовъ! Ты на вѣкъ оспался-бы чужеземцемъ, и вся жизнь швоя прошла-бы въ помипельныхъ шрудахъ. Но я былъ на волось опъ эшого, и еще шеперь не вѣрю самъ себѣ, что избавился опъ палки Вахмиспра. Къ чему-же было эшо новое испытаніе, эшопъ тяжкій урокъ? Неужели для шого провелъ я пашнадцать лѣтъ за книгами, въ обласпи наукъ и фаншазіи, чтобы подвергнуться послѣ эшого военной службѣ, и можетъ быть на вѣкъ оспаться въ ней? Нѣтъ, эшо новая насмѣшка судьбы, которая ведетъ меня къ какой-шо цѣли, но шакъ спранно, шакъ оплично опъ всѣхъ другихъ людей, что я не знаю какъ назвать и какъ объяснить эшо. И долго-ли еще буду я

спранникомъ , нахлѣбникомъ въ мѣрѣ и общеспвѣ? . . . Да , правду сказать , шеперь судьба моя не завидна . До цѣли еще далеко , а между шѣмъ я не знаю , буду-ли сыпѣ сегодня , и какъ спану пишаться въ слѣдующіе дни! . . .»

Въ самомъ дѣлѣ , у Ломоносова не на чпо было не шолько пообѣдашь , но и купишь кусокъ хлѣба . Деньги , данныя ему офицеромъ во время вербовки , послѣ ошобрали у него въ арпельную сумму , и онъ бѣжалъ съ пуспыми карманами . Но эшо состояніе казалось ему шеперь шакимъ шчасшіемъ , чшо онъ радовался ему и беззаботно предавался своей будущноспи . Благодѣшпельный сонъ овладѣлъ имъ . Проснувшись уже за полдень , Ломоносовъ бодро вспалъ , и если не съ весельемъ , шо по крайней мѣрѣ съ новою живоспью вышелъ изъ лѣсу . Въ первой креспьянской хижинѣ , кошорая вспрѣшлаась ему , онъ попросилъ *изъ милости накормить его* , и назвалъ себя Саксонскимъ бѣднымъ спуденшомъ . Добрые жишели не распрашивали его болѣе , и поставили передъ нимъ сышный обѣдъ .

Онъ продолжалъ свой пушь и далѣе , черезъ Голландію , вездѣ называясь бѣднымъ Саксонскимъ спуденшомъ .

И шакъ Ломоносовъ ошашъ долженъ былъ пишаться *милостынею* , *подавніемъ* ! Человѣкъ , обнимавшій умомъ своимъ цѣлый мѣрѣ , позашъ .

копорымъ восхищалась впоследствии вся Россія, первоклассный ученый, особенно между современниками, словомъ, гений, какіе рѣдко являющіеся на землѣ—пропягиваль руку, просилъ подаянія и милосердія! Онъ принужденъ былъ или умереть съ голоду, или употребить это ужасное средство для своего пропитанія!

Спранная судьба великаго человѣка!

Пушь Ломоносова лежалъ черезъ Арнгеймъ и Упрехпъ въ Амспердамъ, гдѣ надѣялся онъ найдши Россійскаго Посланника и хошѣлъ просить его о возвращеніи своемъ въ ошечество. Надобно-ли описывать, сколько шруда, ушомленій, непріятношей долженъ былъ онъ вытерпѣшь въ эшомъ беззащитномъ спранствованіи? Бѣдный скипалець не могъ ошановишься нигдѣ, и безъ вниманія проходилъ черезъ красивые, богатые города. Почши не видалъ онъ, пошому что не хошѣлъ и не могъ видѣшь, ничего до шѣхъ поръ, пока передъ нимъ не замелькали громадныя зданія Амспердама.

«Здѣсь найду я успокоеніе и ошдохну душой и шѣломъ!» сказалъ онъ самъ себѣ, всшупая въ эшомъ городѣ.

Глава XV.

Въ Амстердамѣ Ломоносовъ пошчасъ опыскалъ Россійскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, Ольдекопа, и немедленно попросилъ у него свиданія.

«Вы Рускій, и пришли сюда пѣшкомъ изъ Марбурга?» спросилъ Ольдекопъ, вышедши къ нему. «Такъ по крайней мѣрѣ сказали мнѣ о васъ?»

— Я шакъ и просилъ доложитъ о себѣ, Г. Министръ.

«Какимъ-же образомъ попали вы въ Марбургъ и затѣмъ пришли сюда?»

Ломоносовъ въ коропкихъ словахъ объяснилъ ему свою испорію и свои спранспованія; опдалъ пришомъ свидѣпельства опъ Пешербургской Академіи и шѣхъ мѣспъ, гдѣ учился въ Германіи. Онъ не забылъ взять ихъ съ собой изъ Марбурга и сохранилъ во время пупи.

— Я увѣренъ, Г. Министръ — прибавилъ онъ — что вы окажете милоспивоное вспомошествованіе мнѣ; болѣе не имѣю никакой надежды.

«Прежде всего прошу васъ не называешь меня Министромъ: я только Повѣренный въ дѣлахъ Россійскаго Двора, а Полномочный Министръ, Графъ Головкинъ, живешь въ Гагѣ. Но, скажише, чѣмъ могу я бышь вамъ полезенъ?»

— Совѣщусь, но долженъ просить васъ: дозволишь мнѣ отдохнушь нѣсколько дней въ вашемъ домѣ. . . .

«Объ эшомъ не нужно и говоришь: васъ успокояшь какъ только можно лучше. Но что пошомъ?»

— Я желалъ-бы поскорѣе возврашиться въ Россію, и въ эшомъ случаѣ прибѣгну опять къ вашему покровительству.

«Жаль, что эшо не опъ меня зависить. Я обязанъ сносишь обо всемъ съ Посланникомъ, и пошому надобно подождать, покуда получу на вашу просьбу ошвѣтъ опъ Графа Головкина. Я напишу къ нему немедленно.

— Не смѣю ничего и желашъ больше.... Но, не позволише-ли, Ваше Превосходительство, мнѣ самому ошвезти письмо ваше къ Графу?»

«Эшо еще лучше! Здѣсь, по каналамъ и рѣкамъ, сообщенія шакъ легки, что вы скорѣе всякаго курьера будешъ въ Гагѣ.

сова о цѣли, съ какою Академія отправила его, разсмошрѣлъ одобришельныя свидѣшельства, данныя ему Генкелемъ, Крамеромъ, и ошпановилъся на шѣмъ, почему не имѣешъ онъ шакже свидѣшельствъ ошъ Марбургскихъ Профессоровъ и особенно ошъ Вольфа?

Ломоносовъ признался ему, что онъ бѣжалъ изъ Марбурга, ошъ долговъ, за копорые хошѣли посадинъ его въ шюрму.

— А развѣ шы не получалъ ошъ Академіи денегъ на содержаніе себя?

«Получалъ, Графъ, но на себя одного, а не на семейштво....»

— Какое-же у шебя семейштво въ Марбургѣ?

«Я женился шамъ....»

— Женился?... Впрочемъ, эпо дѣло хорошее, хоша и не кспаша сдѣланное, если нечѣмъ было кормишь жену. Какъ-же оспавилъ шы ее?

«Въ домѣ ошца и на произволь Бога.»

—Но шы еще долженъ былъ позабоишься о ней какъ человекъ и мужъ.

«Я не имѣлъ никакой возможности для эпого.»

Графъ прошелся по комнашѣ и началъ спрашивашъ его объ успѣхахъ, какіе сдѣлалъ онъ проживши въ Германіи чешыре года. Бысприе,

основательные, умные опыты Ломоносова вскорѣ показали, что онъ не даромъ провелъ это время.

— Хорошо, хорошо — прибавлялъ Графъ послѣ каждого опыта его, и наконецъ сказалъ: — Жаль, что ты опоздалъ родиться и не могъ заснать въ живыхъ великаго благодѣтеля Россіи, Государя Пешра Алексѣевича! Успѣшилъ-бы ты его опеческое сердце, и получилъ-бы доспойную награду за свой трудъ въ просвѣщеніи. А что мы теперь? Овцы безъ пастыря!

Онъ задумался на нѣсколько секундъ, и продолжалъ:

— Ты былъ-бы человекъ по сердцу этого великаго Государя. Насъ гналъ онъ къ наукамъ, въ Европу, а ты самъ бѣжалъ къ нимъ. Такой порывъ достоинства вознагражденія и я съ своей стороны сдѣлаю для тебя все, что могу. Чего желаешь ты?

« Если Ваше Сіятельство будете сколько великодушны, то прежде всего дозволюте и пособиете мнѣ возвратиться въ Петербургъ, чтобы я могъ дать Академіи отчетъ о своемъ путешествіи,

— Хорошо, я сдѣлаю это. Что тебѣ еще надобно? денегъ? бери ихъ, только не больше чѣмъ нужно.

« Приношу чувствительную признательность за ваше благодѣяніе! Деньги нужны мнѣ польско для переѣзда въ Россію.

— Разумѣется. *Рублей десятка два* довольно себѣ для этого. Только ѣхать надобно моремъ, а отсюда корабли не ходящъ, и поному должно возвратиться въ Амстердамъ. Однако ны проживи у меня нѣсколько дней. Осмотри городъ: онъ стоить вниманія.

« Я исполню всѣ приказанія Вашего Сіятельства.

— Это, братецъ, не приказанія, а совѣты. Напиши къ женѣ письмо, и я берусь доставить его. Надобно успокоить бѣдную, а то она, вѣрно, не знаетъ чшѣ и думаетъ о себѣ.

Во всѣхъ этихъ словахъ Ломоносовъ слышалъ Русское сердце, видѣлъ заботливость добраго земляка, и забылъ знаменитость челоувѣка, съ копорымъ говорилъ. Съ сердечною признательностью вышелъ онъ изъ кабинета Графа, и ожилъ духомъ. По приказанію Посланника, ему отвели хорошую комнату, довольствовали его сполномъ, оказывали всѣ возможные услуги.

Ломоносовъ не забылъ совѣтовъ Графа и прежде всего написалъ къ женѣ письмо, гдѣ сказывалъ ей о своемъ прибытіи въ Амстердамъ и отсюда въ Гагу, просилъ ее вѣрнѣ

любви и заботливости его, но не посылая къ нему напрасно писемъ, потому что онъ и самъ еще не знаетъ о будущемъ своемъ мѣстопробываніи и назначеніи. Письмо вручилъ онъ Графу, который и отправилъ его, еще до отъѣзда Ломоносова изъ Гаги. Эпошъ благодарный вельможа всякій вечеръ призывалъ къ себѣ путешественника, говорилъ съ нимъ о многихъ предметахъ, спрашивалъ что осматрѣлъ онъ въ Гагѣ, и при томъ объяснялъ ему многое самъ.

Но ни ласковость Графа, ни привлекательный городъ, ни добрые, трудолюбивые Голландцы не могли долго удержать Ломоносова. Вскорѣ ему спала скучна однообразная, хотя и красивая жизнь нидерландцевъ, надобно ихъ опрятные дома, ихъ великолѣпныя фабрики, и всѣ чудеса ихъ промышленности. Онъ не чувствовалъ никакой склонности, никакого влеченія къ этой *матеріальности*, и потому любопытство проспаго путешественника скоро утихло, шѣмъ больше, что совсѣмъ другія помысленія и надежды шѣснились въ головѣ его. Самое это положеніе какой-то неопредѣленности, неокончательности въ назначеніи жизни, начинало шѣгопить его. Онъ спалъ просить Графа позволить ему ѣхать въ Амстердамъ. Тотъ съ неизмѣннымъ доброжелательствомъ исполнилъ его просьбу.

Ломоносовъ еще въ первый разъ видѣлъ шупъ вельможу, во всемъ блескѣ его могущества, великолѣпія и образа жизни. Ольдекопъ, хопя не споль радушный въ пріемѣ и сильный въ помощи, сдѣлалъ на него впечатлѣніе также пріятное. Между шѣмъ, вспомнимъ, какую жизнь велъ самъ и съ кѣмъ жилъ до сихъ поръ Ломоносовъ, и не будемъ удивляться, если онъ былъ очарованъ привлекательною спороною знапныхъ людей.

«Вошъ испинные люди!» размышлялъ онъ. «Вошъ благодѣтели чловѣческава!... Я испыпалъ много измѣненій въ жизни; знаю людей разныхъ соспояній; я родился и выросъ посреди мужиковъ: это грубые, несносные, часпо бессмысленные невѣжды! Долго жилъ я подъ ферулою монаховъ, и нахожу, что для чловѣка, назначаемаго къ свѣпской жизни, они не могушъ быть ни шоварищами, ни друзьями, ни даже насшавниками; они живушъ въ какой-шо особенной, шолько для нихъ пригодной сферѣ. О, какъ я радъ, что избавился наконецъ ошъ Нѣмецкихъ ученыхъ и вообще ошъ Нѣмецкой жизни! Надошли мнѣ эши шощія души! Рускому надобно совсѣмъ иное: надобна иная душа, кошорая даешъ характеръ всѣмъ нашимъ поспункамъ, всѣмъ дѣйсшвіямъ и даже уму. И вошъ наконецъ я вижу, гдѣ сосредощено все благородное, прекрасное, досшойное чловѣка!

Вопшъ обществѣ, гдѣ развязаны умъ и душа, гдѣ не надобно приводишь ихъ въ мѣрку. Какъ грустно, что я не рожденъ для общества энихъ людей!»

Появшно шакое ослѣпление въ чловѣкѣ, не имѣвшемъ никакой свѣтской опытноспи. Блескъ, представительность, кшашаи сказанное слово, кажушся ему чѣмъ-шо превосходнымъ, пошому что самъ онъ не обладаетъ средешвами для эшого. Жаль, что пріяшныя заблужденія рѣдко бывають продолжипельны!

Возврапившись въ Амстердамъ, Ломоносовъ имѣлъ время осмошрѣшь эшопшъ славный городъ. Бродя по берегамъ Амстеля, по каналамъ и мостамъ Голландской сполицы, онъ понялъ мысль Петра Великаго, копорый шолько любилъ Голландцевъ и ихъ спихію, море, что перенесъ даже свою резиденцію въ болоша Финскія, для шого шолько, чшобы воспользоваться шамошнимъ *многоводіемъ*, и создашь новый Амстердамъ. Какъ великій геній, Пешръ соединилъ пушъ многіе, обширные государешвенные виды: и время оправдало большую часшь его плана. Пешербургъ спалъ на чреду первыхъ шорговыхъ городовъ въ мірѣ; но за шо мысль Великаго не оправдалась самымъ Пешербургомъ: онъ не имѣешъ сходешва съ Амстердамомъ и ничего подобнаго себѣ; эшо, можно сказашь, единешвенный, первый по красо-

пѣ своей городъ въ мѣрѣ, *только!* Но это не Амстердамъ.

Ломоносовъ жалѣлъ, что не могъ побывать въ Заандамъ, не могъ поклониться священной для каждаго Рускаго хижинѣ Пешра, въ кошорой скрывалъ свое величіе преобразитель Россіи. Изъ Амстердама надобно переѣзжая пуда черезъ проливъ, а Ломоносовъ не смѣлъ удаляться, пошому что корабельщикъ, съ кошорымъ договорился онъ плыть въ Пешербургъ, ожидалъ шолько попушнаго вѣпра. Наконецъ эношъ благопріятный вѣшеръ вспорхнулъ, расшевелилъ тяжелый воздухъ Голландіи, и шлюпки опъ всѣхъ опшмывавшихъ кораблей спѣшили забрать своихъ пассажировъ. Ломоносовъ возшелъ на корабль, и черезъ нѣсколько часовъ уже въ опдаленіи видѣлъ за собою берега Голландіи.

Привольно, весело спало ему на обширной синевѣ моря, кошорое шумя и пѣнясь влекло его къ берегамъ милаго опечесства. Давно разспался онъ съ Россіей, и еще больше прошло времени съ шой поры, какъ онъ не видалъ опкрышаго моря. Но душа его не опвыкла любить родину, не опвыкла и чувспивовать красоту, величіе, поэзію моря! Какъ спараго друга вепрѣшилъ онъ знакомую спихію, какъ родныхъ привѣшпивовалъ бодрыхъ машросовъ, и съ весельемъ разговаривалъ съ ними о всѣхъ по-

дробноспяхъ пуши. На какомъ языкѣ говорилъ онъ съ Голландцами? Матросы изобрѣшаютъ свой особенный языкъ, такъ что посредствомъ немногихъ словъ объясняются съ жипелями всѣхъ спранъ. Соспарѣвшійся на кораблѣ матросъ бывалъ вездѣ, и отовсюду вывезъ запасъ словъ, не хуже пѣхъ, которыми щеголяли наши земляки, споявшіе на бивакахъ въ Парижѣ.

Къ вечеру перваго дня пуши вѣсперъ усилился чрезвычайно. Легкій кунеческій корабль, на кошоромъ плылъ Ломоносовъ, сражался съ могучими волнами, какъ ловкій боецъ съ многочисленными пропивниками; онъ скрыпѣлъ и споналъ и вздрагивалъ, но, разсѣкая бурную пучину, при поцупномъ вѣспрѣ все подвигался впередъ. Ломоносовъ долго смотрѣлъ на эту борьбу чловѣческаго искушва съ природою; когда совѣмъ спемнѣло, онъ ушелъ въ свою кашу и бросился на койку. Спранное чувствво шомило его: это былъ не спрахъ, а какой-то неперпѣливый порывъ души, упомленной борьбою съ жизнью. Въ нападающихъ волнахъ видѣлъ онъ шѣ неприязенныя обспояпельсшва, кошорья сполько разъ доводили его до опчаянія. «Неужели и шеперь, почти при входѣ въ опчешво, сама природа хочешъ испышашъ силу моего духа?» мыслилъ онъ. «Неужели эшою грозною борьбою съ слабыми усиліями чловѣка, она хочешъ еще напомнишь мнѣ жизнь, въ

копорой я шочно какъ будно осужденъ испытывашь всё возможныя прешяспвія?»

Такъ самые обыкновенные случаи — въ самомъ дѣлѣ, чпѠ обыкновеннѣе на морѣ какъ не буря?—иногда поражають въ насъ цѣлый хаосъ ощущеній, часпо не имѣющихъ ничего близкаго къ насшоящему нашему положенію. Но человекъ, заняшой всегда собою, своею мыслью, своимъ я, воображаетъ, чпѠ и природа сущесшвуетъ шолько для него, для его ощущеній.

Какъ-бы по ни было, но Ломоносовъ легъ спать въ шревозномъ состояніи духа, и заснулъ подѣ завываніемъ бури. Постепенно измѣнялись передъ нимъ каршины моря: по видѣлъ онъ, чпѠ корабль ихъ опускался все ниже, ниже, и вдругъ взлепалъ на шакую высоту, съ копорой видны были и Петербургъ, и хижина, гдѣ обитаешъ жена его, и Холмогоры, и деревня, въ копорой родился онъ. То встрѣчалъ онъ на волнахъ обломки разбипаго корабля, и на нихъ людей, копорые жалобно молили его о спасеніи, и быспро уносились вдаль. Наконецъ, онъ увидѣлъ образъ драгоцѣнный ему, образъ опца, копорый, въ рыбачьей ладѣ своей, боролся съ волнами близъ одного оспрова въ Ледовишомъ морѣ. Ломоносовъ много разъ бывалъ подлѣ этого оспрова, много разъ живалъ на берегу его, и помнилъ каждый кусшъ на немъ. Онъ былъ гошовъ бросишься на по-

мощь къ опцу, но чувствовалъ руки и ноги свои крѣпко связанными, онѣмѣлыми. Спенаніе вырвалось изъ груди его, когда онъ увидѣлъ, что ладья опца его грянулась о берегъ и разлетѣлась, а бѣдный опецъ опустился въ воду, вынырнулъ изъ нея, вскричалъ: « Михайло!» и опять исчезъ въ волнахъ. Съ невыразимою поскокою видѣлъ все это Ломоносовъ, и какъ будто ждалъ еще чего-то. Наконецъ, грозный девятый валъ шумно плеснулся на берегъ и выкинулъ на него бездыханное шѣло Василья Ломоносова.

При этомъ зрѣлищѣ Ломоносовъ проснулся. Холодный пошъ градомъ выпунилъ на лицѣ его, и бѣдный спрадалецъ долго не могъ опомниться, не могъ поспигнуть: во снѣ или наяву было видѣнное имъ. Темноша ночи и свиспѣ бури усиливали обманъ. Наконецъ онъ пришелъ въ себя, увѣрился, что видѣнное имъ было сонъ, щепная мечша, порожденная пригошовленнымъ къ пому воображеніемъ; но эшопъ сонъ былъ пакъ ясень, живъ передъ нимъ, что онъ не вѣрилъ разсудку своему, и до самаго ушра не могъ прогнашь опъ себя какого-то убѣжденія въ истинѣ всего видѣннаго имъ.

«Да, точно опецъ мой часпо плавалъ къ эшому необишаемому оспрову въ Ледовишомъ морѣ. Я самъ бывалъ тамъ съ нимъ много разъ, и никогда еще сонъ не предспавлялъ мнѣ пакъ

живо существованности. Только я помню, что приспавали не въ помѣ мѣспѣ, и если-бы на яву вздумалъ кто нибудь, особенно въ бурю, зайдти къ противоположному берегу, подлѣ котораго предспавился мнѣ отецъ, онъ вѣрно погибнулъ-бы. Неужели этошъ сонъ предвѣщаешъ гореспную для меня существованность? О, Боже! сбри лучше надъ моею головою новья бѣдспвія, но пощади моего отца! Пуснѣ я одинъ, сполько виновный передъ нимъ, испкуплю назначенныя для него несчастія!... И неужели не сбудешся мечта моя, успокоинѣ бѣднаго спарика, убѣдишъ его, что я не былъ сполько непослушный ему сынъ, что я не ошибался въ своемъ назначеніи, и бѣжалъ отъ него упошребитѣ во благо данныя мнѣ отъ Бога способностями? Спарикъ не понялъ-бы моихъ словъ, но слова другихъ убѣдили-бы его, и почеспъ, какою бываешъ окружено дарованіе, упѣшила-бы его. Да, какъ желалъ я всегда окружинѣ моего спарика шѣмъ почпеніемъ, котораго достоинъ отецъ уважаемаго сына! Сынъ можешъ бышъ въ славѣ, въ почеспіи, а отецъ долженъ наслаждашъся эшимъ.»

Такъ разсуждалъ Ломоносовъ. Онъ не хопѣлъ вѣришъ своему сну; но шайное убѣжденіе запа-ло въ его душу, и образъ бездыханнаго отца, на берегу необитаемаго острова, не выходилъ изъ его мыслей. Чшобы успокоинѣ самого

себя, онъ рѣшился, поспѣвъ по прїѣздѣ въ Пешербургъ, развѣдать объ опцѣ своемъ опъ Архангелогородцевъ, кошорые часшо прїѣзжали въ Пешербургъ.

Но это спранные событіе, это сновидѣніе осправило для него все оспальное время пуши. За бурей настала ясная, прелестная погода, и попутный въперокъ легко мчалъ корабль; но Ломоносовъ уже не любовался ни карпинами моря, ни видами, цвѣшущихъ береговъ Даніи и Швеціи. Онъ не замѣпилъ даже какъ миновали они Копенгагенъ, какъ пронеслись мимо Борнгольма, прославленнаго волшебнымъ перомъ писателя другаго вѣка.

Кпо долго былъ въ разлукѣ съ ошечеспвомъ, пошь поймешъ, чшд чувспвовалъ Ломоносовъ, когда завидѣлъ онъ вдали берега Россіи. Сначала они оспавались у него въ правой споронѣ; напоследокъ и передъ нимъ зазмѣилась полоса земли, а впереди ея выдвигался оспровъ *Кронштатъ*.

«Онъ вездѣ первый!» подумалъ Ломоносовъ. «При первомъ взглядѣ на ошечеспво, вижу созданіе Пешра! Онъ вспрѣчаешъ меня въ эшихъ врашахъ своего могущеспва, пакъ-же какъ его мысль провожала меня за границу.»

Кронштапъ еще не былъ такимъ красивымъ городомъ и шакою неприступною швердынею

лѣпъ за спо, какъ шеперь; но погда онъ болѣе изумлялъ пупешешвенника, копорый зналъ, что за нѣсколько десяшковъ лѣпъ эпо былъ необипаемый осипровъ. Пепръ, съ необыкновенною своею проищашельноспью, поспигъ всю важность его для возникаваго изъ болопъ Пепербурга, и заботился о немъ сполько-же какъ о своей сподлицѣ. Счастливая мысль Великаго была довершена преемниками его.

Ломоносовъ вышелъ на *Русскую* землю, еще недавно покорную Шведамъ; поспѣшилъ домикъ Пепра, сущеспвующій и донннѣ; полюбовался на кипѣвшую въ гавани дѣяпельность; но болѣе въ Кроншпапгѣ нечего было видѣшь, и онъ, вмѣспнѣ съ корабельщикомъ, неперѣлливо ждалъ опплыпнѣ въ Пепербургъ. Эпо исполнилось черезъ нѣсколько часовъ, и вскорѣ пупешешвенники наши бросили якорь въ сердце Пепербурга, на величавой Невѣ. Веселый крикъ привѣсппвовалъ ихъ съ берега, и Ломоносовъ почель эпо счастливымъ признаменованіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Государственный
Центральная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГОБВЕНА.
ПАЛЛАТКА

